

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

3
1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАЙ — ИЮНЬ

3

1974

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д. Ф. Марков.</i> Научная деятельность Института славяноведения и балканистики в системе АН СССР (К 250-летию АН СССР)	3
<i>А. И. Недорезов.</i> Политические аспекты советско-чехословацких отношений в годы второй мировой войны	8
<i>И. Костюшко.</i> К вопросу об экономическом сотрудничестве Советского Союза и народной Польши в период войны с фашистскими захватчиками (июль 1944 — май 1945 г.)	21
<i>Е. Н. Прижимова.</i> Кирилло-мефодиевский вопрос в болгарской историографии второй половины XVIII в.	29
<i>Л. Тананаева.</i> Некоторые черты развития старопольского портрета XVII—XVIII веков	41
<i>О. Г. Резвина, [И. И. Резвин].</i> Об одном случае связи согласования с определенностью в славянских языках	54

СООБЩЕНИЯ

<i>Д. И. Белкин.</i> Славянский номер «Литературной газеты» А. С. Пушкина и его друзей	67
<i>И. И. Калиганов.</i> К вопросу о текстологическом изучении русского жития Георгия Нового	73
<i>Павел Ондрус (ЧССР).</i> Словацкие говоры и карпатская языковая область	82

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

<i>В. В. Зеленин.</i> Операция «Ход конем»	86
--	----

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
в 1965
ГОДУ

МОСКВА

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>И. И. Костюшко.</i> Henryk Rechowicz. Polska Partia Robotnicza w Śląsko-Dąbrowskim obwodzie	99
<i>П. М. Калениченко.</i> И. С. Яжборовская. Идейное развитие польского революционного рабочего движения (конец XIX — первая четверть XX в.)	100
<i>Д. Ф. Поплыко.</i> Младен Вукомановић. Радничка класа Србије у другој половини XIX века	101
<i>И. В. Козьменко.</i> С. А. Никитин. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в.	103
<i>Д. М. Драгнев, Г. Б. Федоров.</i> Интересное сравнительно-историческое исследование проблем феодализма в Юго-Восточной Европе	105
<i>М. М. Фрейдберг.</i> Краеведение в Далмации (книги с острова Брач)	107
<i>И. Свирида.</i> Новое исследование о польской интеллигенции	109
<i>Т. Булак.</i> В. Wiczorkiewicz. Warszawskie ballady podwórkowe. Pieśni i piosenki warszawskiej ulicy	111
<i>С. М. Толстая.</i> Indeks a tergo do Słownika języka polskiego pod redakcją W. Doroszewskiego	112
<i>А. Д. Дуличенко.</i> Первый русинский многоязычный терминологический словарь	114

Библиография

Книги о современном положении, истории, культуре и языках зарубежных славянских народов, вышедшие в Советском Союзе в 1973 г.	116
Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1973 г.	122
Содержание иностранных журналов	128

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>В. Н. Кутик.</i> VI Всесоюзная научная конференция историков-славистов	129
<i>Е. В. Чешко.</i> Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка	135
<i>И. Б. Греков.</i> Научная конференция Комиссии историков СССР и ПНР	137
<i>Е. В. Симпозиум</i> Комиссии историков СССР и ЧССР	141
<i>С. Б. Бернштейн.</i> Семидесятилетие Ивана Лекова	141
<i>Н. К. Жакова.</i> Юбилей Йозефа Юнгмана	143

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), **И. Ф. БЭЛЗА**, **Л. В. ВАЛЕВ**, **В. Г. КАРАСЕВ**,
В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), **Д. Ф. МАРКОВ**, **И. С. МИЛЛЕР**,
А. И. НЕДОРЕЗОВ, **Ю. А. ПИСАРЕВ**, **Г. М. СЛАВИН**, **Б. Ф. СТАХЕЕВ** (зам. главного редактора), **Н. И. ТОЛСТОЙ** (зам. главного редактора), **И. М. ЩЕНТУНОВ**, **Я. В. ШМЕРАЛЬ**

Ответственный секретарь **В. В. ЗЕЛЕНИН**

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30 а. Телефон 290-27-40

Д. Ф. МАРКОВ

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ В СИСТЕМЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР

(К 250-летию АН СССР)

В 1974 г. Академия наук СССР празднует свое 250-летие. Ученые нашей страны пришли к этому юбилею с огромными завоеваниями во всех областях знания. Значительный вклад в общий арсенал научных исследований внесен и Институтом славяноведения и балканистики АН СССР. В связи с юбилеем Академии наук СССР представляется полезным проанализировать работу Института в целях дальнейшей активизации усилий ученых на выполнение намеченных планов.

Институт славяноведения и балканистики — комплексное научно-исследовательское учреждение, в задачи которого входит изучение истории, истории культуры и языков народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Он был создан вначале как Институт славяноведения (1947 г.) и его профиль длительное время определяла, естественно, славистическая проблематика. В 1968 г. последовала реорганизация Института, и постановлением Президиума АН СССР от 18 июня 1970 г. были определены его более широкие задачи, включающие дополнительно изучение истории и истории культуры Албании, Венгрии, Румынии, Греции, Кипра и связей европейской Турции со славянскими и балканскими народами.

В настоящей краткой статье мы не ставим своей целью охарактеризовать в полном объеме результаты научной деятельности Института, многочисленные печатные работы его сотрудников. Сравнительно подробно (хотя, конечно, не исчерпывающе) об этом уже говорилось ранее¹. Здесь отметим лишь некоторые, на наш взгляд, важные стороны работы Института в недавнем прошлом и остановимся главным образом на современном состоянии дел и перспективах его научной деятельности.

Одна из больших научно-политических задач, которую призван решать Институт — это изучение истории стран социалистического содружества. Работы Института выполняют двуединую роль — и популяризаторскую, и научную. Они дают советскому читателю информацию об истории и истории культуры народов стран Центральной и Юго-Восточной Европы, вступивших на путь строительства социализма, и тем самым способствуют взаимопониманию, утверждению идейно-политического единства социалистических стран.

При выполнении этой задачи Институт сталкивался со многими нерешенными проблемами. Возникла необходимость освещения с марксист-

¹ См. статью «25 лет работы Института славяноведения и балканистики АН СССР», «Советское славяноведение», 1972, № 1.

ских позиций истории и истории культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы, что имело существенное значение и для развития марксистской науки в молодых социалистических государствах.

Институтом были изданы многотомные обобщающие труды: «История Болгарии», т. 1—2 (М., 1954—1955); «История Польши», т. 1—3 (М., 1954—1958) и «Очерки истории народной Польши» (М., 1965); «История Чехословакии», т. 1—3 (М., 1956—1960); «История Югославии», т. 1—2 (М., 1963); «История Румынии», т. 2—3 (М., 1971); «История Венгрии», т. 1—3 (М., 1971—1972).

К перечисленным работам историков следует прибавить также обобщающие труды литературоведов: «Очерки истории болгарской литературы XIX—XX вв.» (М., 1959), «Очерки истории чешской литературы» (М., 1963), «История польской литературы», т. 1—2 (М., 1968—1969), «История словацкой литературы» (М., 1970), специальные сборники по истории литератур народов Югославии.

Эти обобщающие труды представляют собой весомый вклад в советскую науку — именно в них в нашей стране дается наиболее полное освещение с марксистских позиций истории и истории литературы народов социалистических стран. Труды эти органически входят в широкий комплекс советских исследований, направленных на освещение мирового исторического и историко-культурного процесса.

Историки Института участвовали в освещении важнейших проблем социально-политического развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы. В области медиевистики значителен вклад сотрудников Института в разработку проблемы балто-славянской общности, вопросов славянской топонимики. В ряде работ раскрываются самобытные истоки славянской цивилизации, классовый характер древнеславянских государств, опровергаются различные «концепции» о якобы иноземном происхождении государства у славян.

Многое сделано в области изучения новой истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Полнее всего освещена проблема национально-освободительных движений отдельных народов и процесса формирования наций. Изданные по этой проблеме монографии, многочисленные сборники, статьи уже стали достоянием науки. Работы эти — страноведческого характера. Сохраняя свою самостоятельную ценность, они вместе с тем подготовили почву для перехода к комплексным исследованиям.

В ряде работ, выполненных в Институте, показано влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развитие революционного движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, исследованы вопросы освободительной борьбы народов в годы второй мировой войны, некоторые проблемы исторического и культурного развития европейских стран в период социализма.

Исследования литературоведов и лингвистов в значительной мере обогатили советскую филологическую науку. Важное значение имеют некоторые работы по истории литературного процесса в XIX и XX вв. Широко используя богатый опыт зарубежных славянских литератур, ученые, несомненно, внесли существенный вклад в разработку большой проблемы формирования и развития социалистического реализма в мировой литературе.

Институт занимает ведущее место в изучении языков западных и южных славян. Им подготовлены крупные работы по сравнительной грамматике славянских языков, их истории, диалектологии, по типологическому описанию структуры грамматических систем.

Во всех секторах Института большое внимание уделяется изучению исторических, культурных и языковых связей народов Советского Союза

с народами стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Тема эта и впредь будет одной из центральных, ибо она имеет не только научное, но и громадное общественно-политическое значение. Для компетентной разработки темы связей в любой области требуется знание не одной, а непременно двух или более сторон этих связей. Так, например, задача изучения общественно-политических или культурных (в зависимости от целей исследования) связей нашей страны с Польшей, Венгрией, Болгарией, Румынией требует знания не только отечественной, но в равной степени и польской, венгерской, болгарской, румынской истории и культуры. Институт располагает кадрами для проведения таких исследований, и его работы в этой области свидетельствуют об успешном выполнении указанной задачи.

Здесь нет надобности давать перечень работ по историческим и культурным связям. Их много, притом охватывают они древнюю и средневековую, новую и новейшую историю, культуру и языковедение. Подчеркнем только, что как раз в этой области широко проявилось научное сотрудничество Института славяноведения и балканистики АН СССР с различными институтами европейских социалистических стран. Назовем в качестве примера многотомные публикации документов и материалов по советско-польским, советско-чехословацким, советско-болгарским отношениям и связям, сборники статей по этим проблемам. Совместные работы издаются параллельно на русском языке и языках народов соответствующих стран.

Можно было бы отметить и другие позитивные результаты работы Института. Но Институт не выполнил бы своей задачи в системе Академии наук СССР, если бы он не занялся комплексными исследованиями в соответствии с его структурой. Его специфика в том, что он объединяет в одном коллективе специалистов по разным странам и разным областям знаний — историков, историков культуры, литературоведов, лингвистов. И такое объединение оправдано, ибо оно не механическое, а научное. Другое дело, что нельзя было сразу предпринять комплексные исследования в широком масштабе. Теперь начаты такие исследования, и это составляет важную особенность деятельности Института.

Как известно, в Институте длительное время проводились почти исключительно страноведческие исследования. Это был необходимый этап, без которого невозможно было перейти к более широким обобщениям. К настоящему времени уже накоплен большой опыт по страноведению, создана тем самым база для перехода к синтезу. Такой переход продиктован и профилем Института и его новыми задачами, предусматривающими более широкое, всестороннее и углубленное исследование крупных научных проблем. Он связан с расширяющимся сотрудничеством Института с научными учреждениями социалистических стран, где выросли квалифицированные марксистские кадры, успешно разрабатывающие проблемы отечественной истории и истории культуры, и обуславливается главным образом необходимостью глубокого раскрытия общих закономерностей исторического и историко-культурного процесса. Это возможно путем широкого обобщения исторического опыта ряда стран и народов, т. е. путем перехода к сравнительно-историческим и комплексным исследованиям. Так определяется новая функция Института, и этот путь исследований особенно важен, если учесть перспективу многостороннего научного сотрудничества с социалистическими странами, в организации которого по данной проблематике Институту должна принадлежать немалая роль.

Переход к сравнительно-историческим и комплексным исследованиям — процесс трудный и сложный. Речь идет не о создании обычных сборников статей, а об осуществлении коллективных монографических

исследований по единому плану, раскрывающих органическую связь части и целого. И скажем прямо: приходилось преодолевать сопротивление немалого числа сотрудников, оберегавших свой «суверенитет» и работавших по своему личному выбору над отдельными частными темами. Нужен был и психологический перелом. Отнюдь не свертывая, а, наоборот, развивая страноведческие исследования, Институт стремился и стремится найти их правильное соотношение с работами широкого сравнительно-исторического и комплексного плана. Есть на этом пути и значительные успехи, и существенные недостатки.

Усилия ведущих сотрудников Института сосредотачиваются на крупных проблемах. Вот некоторые из этих проблем: «Народно-демократические и социалистические революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», «Общие закономерности общественно-политического и социально-экономического развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы в период строительства социализма», «Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость в годы второй мировой войны», «Кризис политической системы и борьба за единый рабочий и народный фронт в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 20—30 годы».

По этим и другим проблемам новейшей истории в настоящее время ведется интенсивная работа. Первые ее результаты уже получили отражение в статьях о закономерностях и национально-специфических особенностях народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, в докладах на научных конференциях. К сожалению, пока не все исследования могут быть осуществлены в форме коллективных монографий. В этом случае, очевидно, будут созданы работы, вплотную подводящие к такого рода исследованиям.

Названные работы выполняются в основном историками. В то же время имеются проблемы, требующие интеграции исследований ряда наук. Таковы, например, проблемы: «Этногенез славян и других народов Центральной и Юго-Восточной Европы», «Закономерности развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в период перехода от феодализма к капитализму». В разработке этих проблем участвуют историки, лингвисты, историки культуры, фольклористы, литературоведы. Опубликован ряд статей по методологическим вопросам этой проблематики. В настоящее время ведется изучение ряда проблем в аспектах разных наук. Так, по проблеме «Закономерности развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в период перехода от феодализма к капитализму» историки готовят труд: «Национально-освободительное движение славянских народов Австрийской империи. Конец XVIII — 70-е годы XIX века». Эта работа близка к завершению. Она важна и в методологическом плане, ибо известно, как сложно переплетались исторические судьбы славянских и неславянских народов, находившихся в рамках Турецкой или Австро-Венгерской империй. Вопросы эти требуют пристального внимания. Историками изучается также процесс развития национального самосознания, лингвистами — формирование национальных литературных языков как фактора образования наций, историками культуры и литературоведами — становление национальных культур народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Тем самым осуществляется интеграция исследований разных наук.

Коллективы литературоведов занимаются сравнительно-типологическим изучением проблем реализма, романтизма и других течений и методов. В поле зрения лингвистов — проблемы этногенеза, балканского языкового союза, иштерференции языков Карпатского ареала. Объединение

усилий ученых для разработки крупных проблем — характерная черта деятельности Института.

В последнее время приняты меры по организации разработки общих проблем славяноведения и балканистики совместными усилиями специалистов разных областей знания. Методология славистических и балканских исследований, их организация в Институте и координация в масштабах страны, участие в международных форумах по этой проблематике — важные задачи, которые еще далеко не решены.

В научной деятельности Института имеются и существенные недостатки. Некоторые работы не выполняются в срок, на ряде участков все еще отсутствует четкая организация исследований, и это особенно отрицательно сказывается на работах комплексного характера. Проблема этногенеза славянских народов требует координации на уровне Отделения истории и, вероятно, Отделения литературы и языка, что еще не сделано. Вопросы координации специально обсуждались на Секции общественных наук Президиума АН СССР. До сих пор, однако, имеются факты дублирования тем и изоляции институтов друг от друга. Родственным институтам необходимо самим заняться конкретным решением вопросов координации.

Проводимая в Институте работа по сосредоточению усилий на крупных коллективных исследованиях еще не завершена — ее необходимо продолжать. Институт сделал многое для обеспечения разработки проблем новейшей истории. Особое внимание следует уделить проблематике истории социалистического строительства, включающей, естественно, и проблемы социалистической культуры.

По нашему мнению, одной из важных задач Института в настоящее время является организация исследовательской работы. Успешная разработка научной проблемы требует учета всего: и ясности общей цели, и четких представлений об отдельных звеньях — компонентах целого, о способах и методах исследования, уровне обобщений, индивидуальных данных исполнителей работы и т. д. Мне приходилось уже писать более подробно об этом в другой статье². Здесь подчеркнем, что Институт стремится создать условия для такой организации. Этому должны способствовать созданные на базе Института два научных совета: Научный совет по комплексным проблемам славяноведения и балканистики и Научный совет по истории социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Следует активизировать работу и журнала «Советское славяноведение» в этом направлении.

Но самое главное — это живое отношение к делу, проявление глубокой заинтересованности и личной ответственности за работу и за ее общий уровень, чему, собственно, должны служить и многообразные, рожденные ищущей мыслью, формы ее организации.

² См. статью «Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках», «Вопросы истории», 1973, № 10.

А. И. НЕДОРЕЗОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВЕТСКО-ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ОТНОШЕНИЙ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С немецкой оккупацией Чехословакии в марте 1939 г. прекратились дипломатические отношения между СССР и Чехословакией. Еще ранее мюнхенское соглашение не только похоронило суверенное чехословацкое государство, но практически привело к ликвидации советско-чехословацкого союза.

Восстановление советско-чехословацких отношений стало практически возможным только после создания чехословацкого правительства в эмиграции и начала Великой Отечественной войны.

В сравнительно быстром восстановлении советско-чехословацких дипломатических отношений в 1941 г. сыграли свою положительную роль как решительная поддержка Чехословакии со стороны СССР в трагические для нее дни Мюнхена, его готовность придти ей на помощь в борьбе с агрессией, так и последующая твердая позиция Советского правительства, не признававшего ни Мюнхена, ни фашистскую оккупацию Чехословакии, что констатировал в ноябре 1939 г., т. е. уже после начала второй мировой войны, и Э. Бенеш в одной из своих депеш на родину.

Правда, Советское правительство вынуждено было учитывать реальное положение, сложившееся в результате расчленения Чехословакии Германией, — образование словацкого государства. В сентябре 1939 г. оно установило с ним дипломатические отношения. Наличие советского представительства в Братиславе способствовало сдерживанию германской экспансии в Центральной Европе и на Балканах, позволяло более эффективно оказывать моральную поддержку антифашистским демократическим силам Словакии, укреплять как в Словакии, так и во всем этом регионе политический вес СССР.

Стремлению гитлеризма превратить страны Дунайского бассейна и Балкан в зону своего безраздельного господства, в сырьевой придаток германского военно-промышленного комплекса, Советский Союз противопоставлял готовность развивать равноправные экономические и политические отношения со странами этого региона. Только таким образом можно трактовать установление дипломатических отношений со Словакией, а также с Венгрией и Югославией в 1939 г. и сохранение в начальные годы войны советского консульства в Праге, которое сыграло существенную роль в спасении многих сотен чехословацких антифашистов от арестов гестапо. Впрочем, дипломатические отношения между СССР и словацким государством вскоре были прерваны. В 1941 г. Германия втянула Словакию вопреки протестам населения в войну против СССР.

Дружественные настроения чешского народа по отношению к СССР ярко проявились во время первого крупнейшего после начала оккупации общенационального антифашистского выступления в протекторате 28 октября 1939 г., когда демонстранты скандировали лозунг: «Да здравствует Советская Россия!»¹.

Накануне 22-й годовщины Октября многие рабочие коллективы и другие группы населения обращались в советское консульство в Праге с письмами. Эти письма являются убедительными документами, отразившими отношение широких масс и в особенности рабочего класса Чехословакии к Советскому Союзу, с которым связывались теперь все надежды на национальное и социальное освобождение. Например, в письме 145 рабочих заводов Шкода в Праге говорилось: «Мы с большим интересом следим за внешней политикой СССР и мы вполне уверены, что СССР все, что сделает, сделает хорошо для всех трудящихся — чехов, немцев, словаков, французов и т. д. Мы твердо верим первому рабоче-крестьянскому государству в мире, мы верим, что также для нас придет время освобождения от ига капиталистов и от национального гнета. Мы уверены, что СССР нам поможет и поэтому мы желаем много дальнейших успехов Союзу ССР, которые будут и нашими успехами»².

Таким образом, вера в СССР, в идеи пролетарского интернационализма, носителем которых был рабочий класс Чехословакии, продолжала жить в условиях жестокого фашистского режима оккупации и бешеной антисоветской пропаганды, поднятой западной буржуазной прессой и радио осенью 1939 г.

В эти же годы, особенно среди непролетарских слоев населения, усилилось влияние идеи славянской солидарности, что сближало эти слои с идеями революционного социализма. Подобную тенденцию отмечают, в частности, германские источники, содержащие анализ настроений чешского населения. Здесь констатировалось, что славянская солидарность понималась в первую очередь как дружба с социалистическим Советским государством, с входящими в его состав славянскими народами³.

Советско-чехословацкие отношения развивались в обстановке войны, с одной стороны, и в условиях глубоких противоречий между системой капитализма и социализма — с другой. Это наложило существенный отпечаток на развитие взаимоотношений двух стран.

Внешняя политика СССР основывалась на ленинских принципах: пролетарский интернационализм, борьба за справедливый и прочный мир, признание равноправия всех наций и их права на самоопределение, уважение национального суверенитета других народов и государств, поддержка народов, борющихся за свою свободу и независимость, борьба за дружбу и сотрудничество между народами, мирное сосуществование государств с различными общественными системами.

В годы войны во взаимоотношениях СССР с оккупированными Германией странами важнейшей была задача помощи делу освобождения поработанных народов, что проистекало из самой природы социалистического государства, позволяя гармонически сочетать национальные интересы СССР с интересами поработанных фашизмом стран. Характер советско-чехословацких отношений зависел от позиции не только Советского Союза, но и чехословацкого эмигрантского правительства, которое не могло не понимать, что национальные интересы страны диктуют укрепление советско-чехословацких отношений, что без союза с СССР Чехословакии не

¹ V. K o p e c k ý. ČSR a KSČ. Praha, 1960, s. 285.

² АВП СССР, ф. 0138, д. 134, л. 8.

³ V. K r á l. Otázky hospodářského a sociálního vyvoje v českých zemích 1938—1945, sv. III. Praha, 1959, s. 229.

обойтись. Тем не менее, классовые интересы представляемой чехословацким правительством буржуазии часто вступали в противоречие с интересами народа. Правительство возлагало главные свои надежды на западные капиталистические страны. Это обстоятельство, да и само положение чехословацкого правительства, его материальная зависимость от Лондона предопределили его зависимость от внешней политики английских правящих кругов, которые, по признанию самого Э. Бенеша, оказывали на чехословацкое правительство давление в своих интересах⁴. Чехословацкие буржуазные деятели помимо всего прочего панически боялись революционного взрыва, о неизбежности которого говорил Э. Бенеш неоднократно, связывая его с революционным воздействием СССР на Европу и с обострением классовых противоречий в годы войны.

Все это явилось причиной непоследовательности чехословацкой эмигрантской верхушки в вопросе взаимоотношений с СССР, в частности, во многом обусловило поддержку Э. Бенешем затеи с созданием польско-чехословацкой конфедерации, которая, по замыслам английского правительства, должна была стать ядром более крупной федерации восточной и центрально-европейских государств, призванной препятствовать росту влияния СССР в Европе, способствовать осуществлению гегемонии Англии на континенте, задерживать развитие революционных событий в этом регионе. «Только таким путем,— говорил Э. Бенеш в своем выступлении в Эбердине осенью 1941 г.,— малые государства Центральной Европы могут избежать социальной революции и попыток установления коммунизма»⁵.

Тем не менее, чехословацкие деятели за границей еще до 22 июня 1941 г. пытались занять в отношении СССР более лояльную позицию, чем некоторые другие буржуазные правительства в эмиграции. Они поддерживали неофициальные контакты с советскими дипломатическими представителями, а в феврале 1941 г. наладили полуофициальные связи. Это было вызвано тем, что чехословацкое правительство вынуждено было считаться с горячими симпатиями своего народа к СССР, а также со своим крайне шатким положением в Лондоне, где оно, как известно, не было признано официально английским правительством до лета 1941 г.

Вскоре после нападения Германии на СССР чехословацкие эмиграционные круги в Лондоне высказали пожелание создать свои воинские части на территории СССР. 15 июля 1941 г. советскому послу в Лондоне был направлен из Москвы проект соглашения с чехословацким правительством, который предусматривал немедленный обмен дипломатическими представителями в ранге посланников, взаимное оказание друг другу помощи и всякого рода поддержки в войне против Германии, выражено также согласие Советского правительства на создание в СССР воинских частей Чехословакии.

Подписанное 18 июля 1941 г. на этой основе советско-чехословацкое соглашение о совместных действиях и взаимной помощи в войне против Германии оказало существенное влияние как на внешнеполитическое положение Чехословакии, так и на дальнейшее развитие советско-чехословацких отношений.

Впоследствии Э. Бенеш сводил свою оценку соглашения 18 июля 1941 г. к тому, что оно нанесло сокрушительный удар по Мюнхену, К. Готвальд же давал ему принципиально иную характеристику, рассматривая его как один из важнейших актов восстановления чехословацкой государственности. «Благодаря этому соглашению,— говорил он,—

⁴ АВП СССР, ф. 0138, оп. 25 «б», д. 4, пап. 152, л. 6.

⁵ Там же, л. 6 об.

Чехословакия снова вышла на международную арену, как законно признанное самостоятельное государственное образование со всеми атрибутами государственной суверенности»⁶.

Именно в этом, в восстановлении государственности и суверенности Чехословакии состоял смысл соглашения и признания правительством СССР чехословацкого правительства в эмиграции. Справедливость готвальдовской оценки подтверждается тем, что вскоре после соглашения последовала полоса признаний чехословацкого правительства Англией, США, Китаем и другими странами антигитлеровской коалиции.

Отметим, что позиция правительства СССР разительно отличалась от позиции английских правящих кругов, которые и после признания чехословацкого правительства не желали отречься от Мюнхена и продолжали нелояльно относиться к чехословацкому правительству, что отмечал прикомандированный к нему английский разведчик и дипломат Брюс Локарт: «. . . Как это ни странно,—писал он,— положение чехословаков в начале войны служило трагическим примером неприязни, которую люди питают к тем, кому они причинили зло. Отношение английского правительства было холодным и осторожным»⁷.

Глубокая заинтересованность СССР и Чехословацкой республики в победе над агрессивным германским фашизмом определяла необходимость дальнейшего развития взаимоотношений между двумя странами в рамках антигитлеровской коалиции. Однако чехословацкие буржуазные деятели и после подписания соглашения от 18 июля 1941 г. продолжали проявлять большие колебания и непоследовательность в этом вопросе, отказываясь идти на какие-либо радикальные меры, в частности, длительное время откладывалось решение вопроса о поездке Э. Бенеша в Москву, хотя разговор о ней был начат еще осенью 1941 г.

Тем самым искусственно сдерживалось развитие советско-чехословацких отношений, что, естественно, отрицательно сказывалось и на укреплении антигитлеровской коалиции в целом.

22 января 1942 г. Г. Рипка уже официально заявил А. Е. Богомолу, советскому послу при союзных правительствах в Лондоне, что чехословацкие представители хотели бы направить в Москву или Куйбышев чешскую делегацию для обсуждения вопросов о будущем положении Чехословацкой республики и вопросов о Центральной Европе.

Спустя две недели Э. Бенеш в беседе с А. Е. Богомолым заявил и сам о желании поехать в Москву в феврале или весной 1942 г. для обмена мнениями по всем важным вопросам. В частности, он намеревался обсудить вопрос о создании, как он выразился, «крестьянской республики» в Венгрии, об очищении «Словакии от тех элементов, которые ее втянули в войну с Советами». Он даже предлагал «заключить соглашение о примерном наказании всех этих предателей славянства»⁸.

Не получив тогда быстрого ответа от Советского правительства, Бенеш стал с обидой говорить о том, что его не принимают в Москве⁹. 10 мая Богомолу было предложено разъяснить Бенешу, что его недовольство вызвано недоразумениями и передать ему, что он может приехать в Москву в любой момент.

Однако, когда Богомол сообщил положительный ответ Советского правительства, Бенеш сразу же круто изменил позицию и вместо согласия на немедленную поездку заявил, что «выберет для этого момент, когда со-

⁶ K. Gottwald. Spisy, sv. XI, s. 307.

⁷ R. H. Bruce Lockhart. Comes the Rekening. London, 1947, p. 60.

⁸ АВП СССР, ф. 0138, оп. 25 «б», д. 4, л. 12.

⁹ Там же.

бытия на фронте проявятся». Он заявил также, что хочет выяснить английскую и американскую позиции.

Следовательно, все разговоры Бенеша о поездке в СССР в определенной степени носили характер зондажа, который продолжался в течение всего 1942 г., несмотря на неоднократные уведомления Советского правительства о готовности принять его в любой момент.

Подоплека этого лавирования Э. Бенеша заключалась в том, что он не хотел связывать Чехословакию с Советским Союзом какими-либо прочными узами пока не определятся результаты летнего наступления немцев в 1942 г. Мы уже не говорим о давлении Англии, которое всегда незримо присутствовало во всех действиях Э. Бенеша.

Вопрос о поездке Э. Бенеша в Москву оставался нерешенным даже после Сталинградской победы, несмотря на уверенность Бенеша в окончании войны уже в 1943 г., о чем Г. Рипка говорил в одном из публичных выступлений. Невольно это напоминало аналогичное маневрирование Бенеша в период межвоенных лет, когда чехословацкое правительство, в котором он был бессменным министром иностранных дел, оглядываясь на своих антисоветски настроенных союзников по Малой Антанте, 17 лет отказывалось признать СССР де-юре.

Эти факты показывают, в какой сложной обстановке и с какими трудностями формировались отношения между социалистическим и буржуазным правительствами. За полтора года они продвинулись очень недалеко, хотя Советское правительство дало за это время немало свидетельств своего самого дружеского расположения к Чехословакии, предприняв целый ряд эффективных акций в целях восстановления суверенного чехословацкого государства в его домюнхенских границах, что являлось для Чехословакии вопросом первостепенной важности. Так, еще осенью 1941 г. во время переговоров с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом И. В. Сталин поставил перед английским правительством вопрос о возвращении Чехословакии отторгнутых у нее в 1938 г. пограничных районов и восстановлении Чехословакии в домюнхенских границах¹⁰. Английское правительство тогда уклонилось от определенного ответа. В июне 1942 г. Советское правительство официально заявило, что не считало и не считает себя связанным мюнхенским соглашением. Последовательная позиция СССР в этом вопросе возымела действие. Она была использована Бенешем для того, чтобы в августе 1942 г. заставить Англию отказаться от мюнхенского соглашения. Однако английское правительство резервировало за собой право решить позже вопрос о послевоенных границах Чехословакии, чем значительно была принижена ценность этого шага английской дипломатии.

В сентябре того же года мюнхенское соглашение объявил недействительным французский национальный комитет в лице де Голля¹¹. Он признал домюнхенские границы Чехословакии.

Непоследовательность и колебания Э. Бенеша проявились и при подготовке нового советско-чехословацкого договора.

На протяжении указанных полутора лет после подписания советско-чехословацкого соглашения от 18 июля 1941 г. Э. Бенеш не ставил перед Советским правительством конкретно вопроса об укреплении советско-чехословацких отношений путем заключения нового договора, хотя государственные интересы — обеспечение целостности, суверенитета и безопасности страны — настоятельно этого требовали. Усилия чехословацкого правительства были направлены на укрепление отношений с реак-

¹⁰ W. Churchill. The second world war, vol. III. London, 1950, p. 558

¹¹ L. Fierlinger. Ve službach CSR, d. II. Praha, 1949, s. 329.

ционными кругами польской эмиграции, что противоречило государственным интересам как Чехословакии, Польши, так и СССР. Итогом этих усилий было подписание по инициативе британских правительственных кругов¹² польско-чехословацкой декларации от 19 января 1942 г. о создании польско-чехословацкой конфедерации в целях осуществления общей политики в области внешних отношений, внешней торговли, экономических, финансовых и социальных вопросов, транспорта, средств связи, а также в сфере просвещения и культуры.

Подписание этой декларации, о чем Советское правительство предвзительно не было уведомлено, вызвало резкий протест демократической чехословацкой общественности за границей, которая справедливо усматривала в создании конфедерации угрозу установления контроля со стороны польских реакционных кругов над внутренней и внешней политикой Чехословакии.

Советское правительство также отрицательно отнеслось к идее конфедерации. В специальной директиве, направленной в Лондон 14 июля 1942 г., послу СССР Богомолу поручалось сообщить Бенешу, что «Советские круги считают идею конфедерации после победоносного окончания войны нежизненной»¹³. После окончания войны, говорилось в директиве, народы Средней Европы будут интересоваться в первую очередь вопросом восстановления границ и независимости разрушенных Гитлером государств, а не вопросами конфедерации. Славянские народы будут расценивать создание конфедерации как попытку ограничить и свести к нулю независимость славянских государств. Поэтому идея конфедерации не только безжизненна, но и вредна для нашего общего дела — борьбы с германским засилием в Европе. Учитывая заинтересованность славянских народов в укреплении своих взаимоотношений, Советское правительство выдвинуло предложение о заключении между ними пакта или договоров о взаимопомощи как на время войны, так и на послевоенный период.

В директиве была фактически изложена советская концепция развития взаимоотношений между странами Центральной и Юго-Восточной Европы, а также между этими странами и СССР, в том числе и позиция по вопросу развития советско-чехословацких отношений в военные и послевоенные годы. Она была выражена приблизительно за полгода до того, как с чехословацкой стороны было сформулировано предложение о договоре.

Советская точка зрения ранее уже обсуждалась с чехословацким правительством. Во время переговоров В. М. Молотова с Э. Бенешем в Лондоне в июне 1942 г. Э. Бенеш дал два важных обязательства Советскому правительству:

- 1) не входить ни в какие коалиции и союзы в Центральной Европе или в коалиции из Придунайских государств без согласования с СССР;
- 2) не входить в союз или в какое-либо объединение, находящееся в конфликте с СССР.

Эти обязательства, однако, Э. Бенешем выполнялись далеко не безусловно, хотя они и сыграли определенную роль в подготовке советско-чехословацкого договора.

В декабре 1942 г. Г. Рипка в беседе с советским поверенным в делах в Лондоне Вальковым сообщил, что Бенеш намеревался поставить вопрос о заключении общего договора или пакта о взаимопомощи с Советским

¹² M. Turlejska. Planu konfederacji polsko-czechosłowackiej (1940—1942). «Z polskich studjów slawistycznych», s. 3. Warszawa, 1968, s. 262.

¹³ АВП СССР, ф. 0138, оп. 25 «б», д. 4, л. 16.

Союзом. Последующие попытки Валькова выяснить, что чехословацкие государственные деятели имеют в виду под общим договором, не увенчались успехом.

15 января 1943 г. З. Фирлингер сообщил в НКВД СССР, что чехословацкое правительство намерено заключить с СССР договор, аналогичный намечаемому альянсу между ЧСР и Польшей. Из переданной им памятной записки явствовало, что этот договор должен содержать положение о взаимопомощи в случае агрессии, принцип экономического сотрудничества после войны и быть связанным с Вашингтонской декларацией Объединенных Наций от 1 января 1942 г., с Атлантической хартией и в особенности с англо-советским договором от 26 мая 1942 г.

В феврале Э. Бенеш в беседе с А. Е. Богомоловым подтвердил и уточнил сделанное предложение. Он заявил, что считает необходимым подписание трипартийного пакта СССР — Польша — Чехословакия.

После дополнительного выяснения отдельных деталей проекта Советское правительство в апреле сообщило через Богомолова свое согласие обсудить вопрос о заключении советско-чехословацкого договора о взаимопомощи, если такое предложение будет сделано чехословацким правительством.

Проект трипартийного договора в принципе не отвергался, однако с советской стороны было высказано мнение о его несвоевременности ввиду натянутых отношений между Советским и польским эмигрантским правительствами.

Победы Советской Армии на фронтах войны способствовали упрочению международного авторитета СССР, повышению его роли в решении важнейших международных вопросов. Освобождение Чехословакии советскими войсками становилось все более очевидным. В связи с этим резко усилилась критика, в первую очередь со стороны коммунистов, правительственной внешнеполитической ориентации на западные страны, затягивания переговоров с СССР о подписании нового договора.

В марте 1943 г. Государственный совет одобрил намечавшуюся поездку Э. Бенеша в Москву для заключения советско-чехословацкого договора. Поездка Э. Бенеша планировалась на июнь. Но Э. Бенеш снова маневрирует. Вместо СССР он поехал в США, где снова высказался за федерацию или конфедерацию стран Центральной Европы и Балканского полуострова. Он был согласен в принципе и с идеей образования Соединенных штатов Европы, которую в годы войны выдвигал У. Черчилль. Говоря о довоенной политической ориентации чехословацких правящих кругов на западные державы, Э. Бенеш заверял, что и «после войны Чехословакия будет продолжать свои старые традиции»¹⁴. Соответствовала этой консервативной линии Э. Бенеша и его просьба к США помочь стабилизации порядка в послевоенной Европе, в том числе и в Чехословакии¹⁵. Имелся в виду, конечно, порядок буржуазный.

Вместе с тем, стараясь заручиться поддержкой правящих кругов США в своем намерении подписать договор с СССР, Э. Бенеш подчеркивал вероятность освобождения Чехословакии советскими войсками. Здесь он не скрывал, что рассматривает договор в первую очередь с точки зрения упрочения в стране позиций самого правительства.

Очевидно, переговоры Э. Бенеша в США сыграли немаловажную роль в появлении той категоричности, с которой президент Чехословацкой республики после возвращения из США настаивал снова на трипартийном пакте. Он заявил в докладе правительству: «Наш план следующий:

¹⁴ «Правда», 1942, 22 мая.

¹⁵ «Czechoslovak Sources and Documents». London, 1943, № 4, p. 28.

трипартитный договор между Польшей, Россией и Чехословакией для отпора „Дранг нах Остен“. От этого мы не отступим». В тех условиях, когда не было в ближайшее время надежд на ликвидацию разногласий между Правительством СССР и эмигрантским правительством Польши, упорство с трипартитным пактом, таким образом, было равносильно созданию нового барьера на пути к договору.

Нельзя не согласиться с Б. Лаштовичкой, который эти и другие маневры Бенеша, а также английского и американского правительств связывает с некоторыми аспектами советско-англо-американских отношений, характеризовавшихся определенной напряженностью в связи со срывом англо-американцами договоренности об открытии второго фронта еще в 1943 г.¹⁶.

Английское правительство тогда открыто выступило против заключения советско-чехословацкого договора, имея свои планы в отношении стран Центральной Европы и Дунайского бассейна. Однако этим планам не суждено было сбыться. Расчеты английских и американских правящих кругов, как и чехословацкого правительства не оправдались — успешное наступление советских вооруженных сил летом и осенью 1943 г., в котором приняла участие и чехословацкая воинская часть, вызвало в Чехословакии большой энтузиазм. С разгромом гитлеровских войск на восточном фронте связывались все надежды измученного народа на освобождение и восстановление независимого государства. С другой стороны, выжидательная позиция Англии, в частности задержка ею открытия второго фронта, подвергалась со стороны чехословацкой общественности острой критике. Вскоре после разгрома гитлеровцев на Курской дуге Э. Бенеш предложил Советскому правительству новый проект двустороннего договора. Он получил положительный ответ, однако правительство Англии продолжало занимать резко отрицательную позицию. А. Иден поехал в Москву на конференцию министров иностранных дел СССР, США и Англии осенью 1943 г., где намеревался сорвать подписание советско-чехословацкого договора.

На конференции представители союзников пытались навязать СССР свои планы создания федераций стран Восточной Европы, Дунайского бассейна и Балкан, пытались воскресить антисоветскую политику «санитарного кордона». Отвергая такие планы, Советское правительство важнейшей задачей союзников в решении вопроса послевоенного устройства Европы считало восстановление полной независимости и суверенности поработанных народов. Эта точка зрения соответствовала коренным интересам народов, служила делу установления прочного мира и европейской безопасности после войны. И она взяла верх.

Мы не будем здесь касаться содержания самого договора, тех важных поправок, которые были внесены в его текст накануне подписания.

Проникнутый духом уважения независимости и суверенитета договаривающихся стран договор от 12 декабря 1943 г. создавал благоприятные возможности для укрепления союза и всесторонних связей между народами СССР и Чехословакии. Подписание договора было серьезным ударом по планам ликвидации независимости малых стран Европы путем создания различных федераций, по замыслам внешнеполитической изоляции СССР. Договор укреплял внешнеполитическое положение Чехословакии. Он исключал повторение национальной катастрофы, подобной Мюнхену, обеспечивал народам страны полную безопасность. Это была победа народов обеих стран, победа политической линии КПЧ, которая последовательно и неустанно боролась за установление самого тесного и прочного союза с СССР, усматривая в этом вернейшую гарантию освобождения стра-

¹⁶ B. Laštovička. V Londýně za války. Praha, 1961, s. 277.

ны от фашистской оккупации, залог того, что в будущем народы Чехословакии пойдут по пути демократического и независимого развития.

В ходе переговоров между представителями чехословацкого и Советского правительств, состоявшихся сразу же после заключения договора, обсуждались проблемы, интересовавшие обе стороны. Как констатировал Э. Бенеш в своей телеграмме из Москвы 22 декабря 1943 г., была достигнута договоренность по вопросам о границах, переселении части немецкого населения из Чехословацкой республики, о будущем экономическом сотрудничестве, о помощи Советского Союза в формировании чехословацких воинских частей на советской территории, о взаимодействии чехословацкой армии с советскими вооруженными силами, об общей политической линии в отношении союзников¹⁷.

Обсуждались также актуальные вопросы, связанные с будущим пребыванием советских войск на территории Чехословакии, в частности, вопрос об урегулировании отношений между советским командованием и государственными и местными органами власти на освобождаемой территории. Была достигнута договоренность о заключении специального советско-чехословацкого соглашения, причем по предложению советской стороны проект соглашения представляло чехословацкое правительство. Это свидетельствовало об уважении Советским правительством суверенитета Чехословакии, его дружеских чувствах к чешскому и словацкому народам. Но правительство Э. Бенеша подготовило проект не двустороннего, а общего соглашения с Англией, США и СССР об отношениях чехословацкой администрации с «союзным верховным главнокомандующим». Причем, как свидетельствует З. Фирлингер, Бенеш намеревался заключить специальное соглашение с английским правительством о вступлении английских войск на территорию Чехословакии¹⁸.

Советское правительство решительно возразило против проекта многостороннего соглашения, ссылаясь на то, что советские войска подходили к границам Чехословакии, а войска союзников еще не открыли даже второго фронта. По настоянию советской стороны формулировка «союзные войска» была заменена на формулировку «советские (союзные) войска».

Соглашение от 8 мая 1944 г. принципиально отличалось от соответствующих соглашений английского и американского правительств с правительствами западноевропейских стран, находившихся в аналогичном с ЧСР положении. Там предусматривалось установление власти военного командования на неопределенный срок, а вопрос о переходе власти к органам самоуправления вообще обходился молчанием. Попирался и суверенитет освобождаемых стран, заранее возводились препятствия их демократическому развитию. Это отличие в выгодную для Чехословакии сторону отмечали многие официальные представители западных стран. Так, представитель французского комитета Национального освобождения в СССР Гарро в апреле 1944 г., посетив НКВД СССР, заявил: «Чехословацкое правительство оказывается в более благоприятном положении, чем другие, в том числе и французы, так как Чехословакия будет освобождена Красной Армией и поэтому несомненно гражданское управление будет организовано на более демократической основе»¹⁹.

Соглашение, подписанное 8 мая 1944 г., предусматривало передачу чехословацкому правительству всей полноты власти на территории, освобожденной советскими войсками. Таким образом, Советский Союз

¹⁷ «Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». М., 1960, стр. 139.

¹⁸ Z. Fierlinger. Ibid., s. 246.

¹⁹ «Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». М., 1959 г., стр. 527.

последовательно соблюдал принцип невмешательства во внутренние дела своего союзника. «Соглашение,— как констатировала тогда правительственная газета „Чехословак“,— обеспечивает полное восстановление государственного суверенитета Чехословацкой республики»²⁰.

Чехословацкое правительство, однако, по-прежнему придерживалось прозападной ориентации. Оно пыталось повести чехословацкий государственный корабль по пути «балансирования между Востоком и Западом». Это касалось как политических, так и экономических связей Чехословакии. Так, внешнюю торговлю страны предполагалось ориентировать на западные страны, при значительном увеличении удельного веса США в чехословацких экспортных и импортных операциях. Однако расчеты чехословацких буржуазных кругов становились все более нереальными ввиду складывавшейся международной обстановки и развития революционных событий в самой стране, важную роль в котором сыграло непосредственное общение широких масс советского и чехословацкого народов в ходе войны.

Несколько тысяч граждан Чехословакии в составе чехословацкой воинской части, созданной в СССР, вместе с советскими войсками освобождали села и города на Украине, включая Киев. Рядом с советскими партизанами чехословацкие граждане сражались также в лесах Белоруссии и Украины, в горах Крыма, в катакомбах Одессы. Они заслужили горячую благодарность советских людей. Вместе с тем и советские люди своей героической борьбой и победами над фашистскими войсками, участием в чешском и словацком партизанском движении снискали горячую признательность народов Чехословакии.

«Военнослужащие частей фронта...,— отмечалось позже в донесении политуправления 1-го Украинского фронта,— тронуты радужным приемом чехословаками Красной Армии. И в разговорах между собой и в письмах к родным выражают радостные чувства и восхищение гостеприимством и симпатиями чехословацкого народа к советскому народу»²¹.

Прекрасную страницу в историю упрочения советско-чехословацкой дружбы и боевого союза народов двух стран вписало Словацкое национальное восстание. Хотелось бы в этой связи обратить внимание на один важный, но малоизвестный факт, касающийся двух восточнословацких дивизий. Советскому правительству в начале июля 1944 г. стало известно, что чехословацкое правительство обратилось к правительству Великобритании с просьбой сбросить оружие в район расположения двух словацких дивизий, о которых было известно, что они готовятся к выступлению против гитлеровцев. Такое обращение к Англии было тем более удивительно, что в Москве длительное время, начиная с июля 1943 г., велись переговоры о советской помощи чехословацкому движению Сопротивления, и Советское правительство выразило готовность оказать такую помощь. Известно было и то, что советские войска в это время уже стояли на границах ЧСР. Эти и подобные им действия чехословацкого правительства, естественно, наносили ущерб союзническим отношениям. Напомним и об известной попытке правительства Бенеша торпедировать переговоры Советского командования с делегацией Словацкого национального совета во главе с К. Шмидке о координации планов восстания в Словакии с действиями советских вооруженных сил.

В этом, как и во многих других случаях, Советское правительство вынуждено было действовать с крайней осторожностью, чтобы не дать пово-

²⁰ «Czechoslovak» tydenik, r. VI, č. 18, London.

²¹ Архив МО СССР, ф. 236, оп. 2675, д. 165, л. 168.

да обвинить его в нелояльной позиции в отношении союзного чехословацкого правительства.

Антифашистское восстание словацкого народа было расценено в СССР как одно из важнейших военно-политических событий в Европе, как свидетельство единодушного желания словацкого народа покончить с господством гитлеровцев. Широкий отклик нашло восстание в советской прессе. Газета «Труд», в частности, писала в дни восстания: «Своим энергичным и мужественным сопротивлением словаки показывают пример всем народам Чехословакии, дают образец подлинной доблести и героизма в борьбе за освобождение своей родины от немецко-фашистских захватчиков»²². Специальные статьи, посвященные восстанию, публиковались в газетах «Правда», «Красная звезда», «Известия», «Комсомольская правда», во фронтовой прессе.

Газеты «Правда» и «Известия» ввели постоянную рубрику «Военные действия в Словакии». Международные обозреватели подчеркивали большое политическое и военно-стратегическое значение восстания, его всенародный характер. Восстание значительно повысило у советской общественности интерес к истории и культуре народов Чехословакии.

Словацкий народ, подняв восстание, встал в ряды антигитлеровской коалиции. Советские люди самоотверженно шли на помощь восставшему народу. Такие настроения были характерны для воинов Советской Армии. На фронтовых машинах часто можно было видеть надписи, подобные этой: «Нас ждет братская борющаяся Чехословакия». Военный корреспондент газеты «Комсомольская правда» Сергей Крушинский писал: «Сочувствие словацким повстанцам огромно. Наш солдат, как никто в мире, способен понять душу честного и смелого народа, борющегося за свою честь и свободу»²³.

Советское правительство и командование советских вооруженных сил, принимая решение об оказании немедленной помощи восставшему словацкому народу, исходили не только из соображений союзнического долга и военно-политической целесообразности этого акта, но и, безусловно, учитывали порыв советского общества помочь словакам.

В помощь партизанскому движению в Словакии были направлены организаторские группы, состоящие из чехословацких и советских опытных партизан. Г. Гусак в своей известной работе о Словацком национальном восстании пишет: «Психологически и политически решающей была одна вещь: в организаторских группах были советские офицеры. Все восхищение, любовь и доверие к Советскому Союзу, к Советской Армии, к советскому народу, которые за годы войны накопились в словацком народе, нашли теперь выражение в отношении к советским офицерам, которые прибыли из СССР помогать Словакии в антифашистской борьбе. Мы не одни, здесь русские, они пришли нам помогать, они с нами! Советская Армия с нами! Ее представители уже здесь! Так реагировали простые люди в августе 1944 г. на прибытие организаторских партизанских групп, и эта волна симпатии окружила формирующиеся партизанские отряды и росла в августе со дня на день как среди гражданского населения, так и среди воинов и части офицеров»²⁴.

Вступление советских войск на территорию Чехословакии способствовало упрочению советско-чехословацкой дружбы.

В частях Советской Армии, сражавшихся за освобождение Чехословакии, проводилась большая воспитательная работа. До сознания каждого

²² «Труд», 1944, 8 сентября.

²³ «Комсомольская правда», 1944, 14 сентября.

²⁴ Г. Гусак. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М., 1969, стр. 279.

война доводился основной смысл политики Коммунистической партии и Советского правительства по отношению к дружественной и союзной Чехословакии. обстоятельно разъяснялась благородная освободительная миссия советских войск в Чехословакии, велась работа по ознакомлению с историей и культурой народов ЧСР. Митинги и встречи советских людей с местными жителями в некоторых освобожденных городах и селах превращались в трогательные манифестации советско-чехословацкого братства в общей борьбе с врагом.

В процессе повседневного общения рассыпались вздорные анти-советские и антикоммунистические вымыслы гитлеровской и клерофашистской пропаганды о Советской Армии и советских людях. Доверие, радушие и помощь, которые были оказаны советским войскам в Словакии, а затем и в других районах Чехословакии укрепили в советских людях чувство уважения и дружбы к братским народам.

Контраст между отношением к словацкому народу Советской Армии и так называемой союзной гитлеровской армии был поразительным. Та армия, оккупировав Словакию, подавляла мечом и кровью восставший народ. Советская Армия не только освобождала страну, но и оказывала населению помощь продовольствием, в строительстве дорог, мостов, разминировании заводов, общественных и частных зданий, передавала народу трофейное имущество..

Население получило возможность убедиться в таких замечательных качествах советских людей, как высокий патриотизм, интернационализм, чувство долга, высокая дисциплинированность и убежденность в правоте борьбы с фашизмом. Все это не могло не оставить неизгладимого следа в сознании словаков и чехов.

В межгосударственных отношениях этого периода важное значение имело решение проблемы Закарпатской Украины, народ которой долгое время боролся за воссоединение с основной частью Украины. Учитывая это, уже первый президент Чехословацкой республики Т. Масарик заявил о необходимости возвращения Украине Закарпатья, включенного в состав Чехословакии по настоянию США ²⁵. Характерно, что осенью 1939 г., в связи с освобождением Красной Армией западных украинских и белорусских земель, усилилось стремление населения Закарпатской Украины к воссоединению с Советской Украиной. Об этом свидетельствовали многочисленные письма жителей Закарпатья в генеральное консульство СССР в Праге и посещение ими советского представительства. Массовый характер приняли переходы закарпатских украинцев в СССР ²⁶. Зная о таких настроениях народных масс Закарпатья, Э. Бенеш еще в 1941 г. заявил И. М. Майскому о желательности передачи СССР Закарпатской Украины ²⁷. Эти заявления делались неоднократно и, в частности, во время визита в Москву в декабре 1943 г. ²⁸.

После вступления Красной Армии в Закарпатскую Украину среди местного украинского населения началось широкое движение за воссоединение с Советской Украиной. Как констатировал уполномоченный чехословацкого правительства министр Немец в своей телеграмме президенту и правительству, это движение было «народным, стихийным» ²⁹.

26 ноября 1944 г. первый съезд представителей Национальных комитетов в Мукачево принял манифест о воссоединении Закарпатской Украины с УССР и обратился к Верховному Совету СССР с просьбой принять

²⁵ Z. Fierlinger. Ibid., s. 388.

²⁶ АВП СССР, ф. 0138, оп. 25 «б», д. 518, пап. 130, л. 151.

²⁷ Там же, л. 153.

²⁸ «Советско-чехословацкие отношения...», стр. 221

²⁹ Там же.

Закарпатскую Украину в состав Советской Украины. Избранная на съезде Народная рада уведомила о своем манифесте чехословацкое правительство и президента Э. Бенеша. На Западе попытались изобразить события в Закарпатье как кампанию, инспирированную Советским Союзом. Среди чехословацкой буржуазной эмиграции возникло замешательство. В связи с этим Советское правительство заявило, что оно ни в коем случае не намерено нарушать советско-чехословацкий договор и односторонне решать вопрос о Закарпатской Украине. Оно согласилось с предложением Э. Бенеша рассмотреть этот вопрос после войны³⁰. Со своей стороны Э. Бенеш заявил, что чехословацкое правительство не допустит превращения проблемы Закарпатья в предмет «каких-либо дискуссий или вмешательства других держав»³¹.

Эта и другие важные проблемы были обсуждены в духе взаимопонимания во время приезда Э. Бенеша в Москву в марте 1945 г.³².

В мае 1945 г. освобождением Чехословакии Советской Армией завершился чрезвычайно важный этап в истории взаимоотношений Советского Союза и Чехословакии. Подводя итоги развития советско-чехословацких отношений в годы второй мировой войны, можно сделать следующие выводы, которые опираются на изучение документального материала, в первую очередь дипломатического.

Народы двух стран отметили попытки империалистических кругов помешать делу создания союзнических, дружественных взаимоотношений между СССР и Чехословацкой республикой. В ходе совместной борьбы против фашистских захватчиков сформировался прочный военно-политический союз этих народов, который оказал положительное влияние на общую консолидацию антигитлеровской коалиции, сыграл решающую роль в восстановлении чехословацкой государственности и суверенности, в срыве реакционных планов английского и американского правительств воссоздать «санитарный кордон» против СССР в форме конфедерации или федерации стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Освободительное движение в Чехословакии, приведшее к победе национально-демократической революции, установлению народной власти позволило революционным силам чехословацкого общества оказать решающее воздействие на внешнюю политику государства и добиться в соответствии с национальными интересами, чтобы принцип союза, дружбы и сотрудничества с СССР стал основой внешней политики Чехословацкой республики.

Так в годы войны были заложены основы для формирования отношений нового типа между двумя государствами.

³⁰ Там же, стр. 221—222.

³¹ Там же, стр. 226.

³² Vojensko-historicky archiv. Fond čs. vojenské mise v SSSR. Krab. 3, sig. 3/2, depeše došlé 1945, č. 582—593/22.

И. КОСТЮШКО

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И НАРОДНОЙ ПОЛЬШИ В ПЕРИОД ВОЙНЫ С ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ

(июль 1944—май 1945 г.)

С освобождением в июле 1944 г. части польских земель от гитлеровской оккупации и созданием польского народно-демократического государства одним из важнейших вопросов советско-польских отношений становится экономическое сотрудничество между обеими странами. В условиях продолжающейся войны с гитлеровскими захватчиками Советский Союз и народная Польша были заинтересованы в том, чтобы оказать друг другу максимальную экономическую помощь в борьбе против общего врага. При этом все большее значение приобретала проблема экономического сотрудничества между ними в деле восстановления разрушенного войной хозяйства.

Общность интересов обеих стран определяла их стремление к установлению тесного всестороннего сотрудничества между ними. Уже в первом акте рождающейся народной Польши — Манифесте Польского комитета национального освобождения (ПКНО) от 22 июля 1944 г. указывалось: «Дружба и боевое сотрудничество, начало которому положено братством по оружию Войска Польского и Красной Армии, должны превратиться в прочный союз и добрососедское сотрудничество после войны»¹. Позиция Советского Союза по этому вопросу была выражена в заявлении НКВД СССР от 26 июля 1944 г. в связи с вступлением Красной Армии на территорию Польши. «Советское правительство,— говорилось в нем,— выражает твердую уверенность в том, что братские народы СССР и Польши совместно доведут до конца освободительную борьбу против немецких захватчиков и заложат прочные основы дружественного советско-польского сотрудничества»².

С момента образования народной Польши устанавливаются тесные советско-польские экономические связи. Впоследствии эти связи все более расширялись и укреплялись. Характерными чертами их были братская помощь и взаимовыгодное сотрудничество.

Во время войны в экономических отношениях между СССР и народной Польшей на первое место, естественно, выдвигались вопросы военно-экономического сотрудничества. 4 августа 1944 г. было заключено соглашение между правительством СССР и ПКНО относительно финансово-хозяйст-

¹ «Kształtowanie się podstaw programowych Polskiej Partii Robotniczej w latach 1942—1945». Warszawa, 1958, s. 505.

² «Правда», 1944, 26 июля.

венных вопросов, касающихся пребывания советских войск на территории Польши и формирования польских вооруженных сил на территории СССР. Советское правительство обязывалось предоставить ПКНО средства и услуги, необходимые для формирования и содержания польских войск на территории СССР. Польская сторона предоставляла в распоряжение Государственного банка СССР денежные средства в злотых в размере, необходимом для содержания частей Красной Армии на территории Польши, а также продовольствие, другие материалы и обслуживание советским войскам по ценам, установленным местными польскими властями по соглашению с командованием Красной Армии. Наряду с поставками, осуществляемыми органами польской администрации, советскому командованию разрешалось самостоятельно производить закупки, а в необходимых случаях и реквизиции предметов продовольствия, фуража и промышленных товаров с оплатой их в польских злотых по определенным ценам. Взаимные расчеты по расходам, связанным с выполнением этого соглашения, должны были быть произведены после окончания войны³.

Советский Союз предоставил народной Польше средства для формирования ее вооруженных сил. До 1 января 1945 г. на содержание польского военного формирования на территории СССР было израсходовано НКО СССР 723 264 095 руб.⁴. Советской страной обеспечивались потребности народного Войска Польского в вооружении, боеприпасах и других видах военного снаряжения. До конца войны ему только центральным управлением НКО СССР было передано около 410 тыс. винтовок и автоматов, 19 тыс. пулеметов и 7 тыс. противотанковых ружей, 4800 минометов, 3,5 тыс. орудий, 630 самолетов, 670 танков и самоходных орудий, 12 тыс. автомашин и большое количество другого военного имущества⁵. Советский Союз поставлял народной Польше первоклассное оружие и военное снаряжение в размерах, полностью удовлетворявших нужды ее вооруженных сил. Выступая на VI сессии Крайовой рады народовой 2 января 1945 г., Главнокомандующий Войском Польским генерал М. Роля-Жимерский отмечал: «В самую тяжелую для нации минуту, на четвертом году войны Советское правительство подало нам братскую руку, оказало всестороннюю помощь формирующейся на советской земле 1-й дивизии им. Тадеуша Костюшко, которая в течение года выросла в стотысячную Польскую армию. В период неслыханного напряжения борьбы на фронте и огромной потребности в оружии Советское правительство предоставляет нам самое современное оружие, обеспечивает возрождающееся Войско Польское всем необходимым: техникой, обмундированием, питанием»⁶. Советские военные поставки во многом обеспечивали успешное выполнение боевых задач, стоявших перед Войском Польским в борьбе с немецкими оккупантами. Существенное значение имела помощь советского командования вооружением и продовольствием польским партизанам и повстанцам, сражавшимся в Варшаве⁷.

Народная Польша, располагавшая в это время весьма ограниченными материальными ресурсами, со своей стороны оказывала содействие в снабжении продовольствием, фуражом и промышленными изделиями советских войск, находившихся на ее территории. Для их содержания ПКНО предоставил Советскому правительству денежные средства в раз-

³ Архив Института славяноведения и балканистики АН СССР. Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. VIII (далее — ДМ), док. 86.

⁴ ДМ, док. 199; «Советское славяноведение», 1973, № 5, стр. 14.

⁵ «20 lat ludowego Wojska Polskiego». Warszawa, 1967, s. 591; «Боевое содружество советского и польского народов». М., 1973, стр. 97.

⁶ ДМ, док. 184.

⁷ Там же, док. 124, 129, 131, 132, 140, 142; «Wojskowy Przegląd Historyczny», 1968, № 1, s. 343—346; «Советское славяноведение», 1972, № 2, стр. 15 и сл.

мере 2 млрд злотых⁸. За счет этих средств советское командование производило закупки продовольствия и промышленных изделий на территории Польши и оплачивало различного рода услуги. В соответствии с соглашением от 4 августа 1944 г. польские власти поставили советским войскам большое количество зерна, картофеля, мяса, сахара, сена и других предметов продовольствия и фуража⁹. Для удовлетворения нужд частей Красной Армии использовалась и продукция промышленных предприятий, многие из которых были пущены в ход благодаря советской материальной и технической помощи¹⁰. В частности, заводы в Сталево-Воле по заказам советского командования изготовляли запасные части для автопарка и конной тяги¹¹. Население освобожденных районов принимало широкое участие в восстановительных и строительных работах, имевших важное военное значение¹².

Наряду с поставками военного снаряжения Советский Союз всемерно способствовал восстановлению хозяйства народной Польши, обеспечению запросов ее населения. Советские саперные и инженерные части разминировали поля и постройки, восстанавливали пути сообщения, мосты и средства связи¹³. По просьбе ПКНО в августе 1944 г. правительство СССР передало ему 7 радиостанций (5 РАФ и 2 РСБ), 33 радиоузла и другое оборудование и имущество для устройства радиотелефонной сети. В Польшу были направлены советские специалисты для помощи в установке и налаживании работы этих средств связи и радиовещания¹⁴. В том же месяце советским Представительством при ПКНО было предоставлено местным польским властям в Люблине значительное количество продовольствия, фуража, технического оборудования, строительных материалов и других предметов хозяйственного назначения, в том числе 2 тыс. т хлебного зерна, 1570 кг риса, 2600 кг мяса в живом весе, 1035 кг сгущенного молока, 5 вагонов комбикорма и 10 вагонов прессованного сена, 13 автомашин ГАЗ-АА, 4 подъемных вагонных крана, станочное оборудование, свыше 60 вагонов каменного угля¹⁵.

Идя навстречу просьбе ПКНО об оказании срочной помощи продовольствием и медикаментами населению освобожденных районов Польши, Советское правительство в сентябре 1944 г. выделило в распоряжение ПКНО 10 тыс. банок сгущенного молока и 50 т риса без предъявления счетов с последующим перерасчетом с польской стороны. Заявка ПКНО на медикаменты и санитарные материалы была удовлетворена Исполкомом Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР¹⁶. В сентябре — октябре того же года правительство СССР, учитывая острые нужды народной Польши в транспортных средствах, поставило ей 350 мотоциклов и 950 автомашин¹⁷.

Медико-санитарной службе советских войск, дислоцированных в Польше, предписывалось (приказ начальника тыла Красной Армии от 22 сентября 1944 г.) осуществлять противоэпидемические мероприятия среди местного населения. Она обязана была проводить санитарную обработку населения, дезинфекцию помещений и вещей, помещать гражданских ин-

⁸ «20 lat ludowego Wojska Polskiego», s. 443.

⁹ Ibid., s. 444, 536; «Боевое содружество советского и польского народов», стр. 256.

¹⁰ «20 lat ludowego Wojska Polskiego», s. 538; «Боевое содружество советского и польского народов», стр. 257—258.

¹¹ ДМ, док. 176.

¹² «Боевое содружество советского и польского народов», стр. 260.

¹³ «20 lat ludowego Wojska Polskiego», s. 466.

¹⁴ ДМ, док. 95.

¹⁵ Там же, док. III.

¹⁶ Там же, док. 110, 119.

¹⁷ Там же, док. 121.

фекционных больных в специальные изоляторы или военные госпиталия¹⁸.

Государственный Комитет Обороны СССР 26 сентября 1944 г. принял постановление об оказании помощи населению освобожденной Праги — правобережной части Варшавы. В распоряжение ПКНО передавалось безвозмездно 10 тыс. *т* муки, которая должна была быть завезена по частям до 20 октября того же года. Кроме того, по договоренности с ПКНО санитарной службой советских войск оказывалась населению Праги необходимая медицинская помощь¹⁹. Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР направил дополнительную партию медикаментов, перевязочного материала и медицинского инструментария для населения освобожденных районов Польши²⁰.

20 октября 1944 г. было заключено первое торговое соглашение между СССР и народной Польшей. Правительство СССР соглашалось поставить Польше в течение октября — декабря 1944 г. на началах краткосрочного беспроцентного кредита товары на общую сумму 105 045 тыс. злотых. Предусматривалась поставка польской стороне по установленным ценам 45 тыс. *т* угля, 6 тыс. *т* керосина, 2 тыс. *т* моторной нефти, 12,5 тыс. *т* ржаной муки, 12,5 тыс. *т* пшеничной муки, 100 *т* хлопка, 700 автомобилей ГАЗ-АА, 2 тыс. *т* хозяйственного мыла, 6 тыс. *т* соли, 15 млн коробок спичек, 60 *т* чая и 600 тыс. катушек ниток. ПКНО обязывался в погашение этого кредита поставить СССР по согласованному ценам следующие товары: сахар (5 тыс. *т*), спирт (1,5 тыс. *т*), ржаную муку (12,5 тыс. *т*), пшеничную муку (12,5 тыс. *т*), пивоваренный ячмень (15 тыс. *т*), рожь (4805 *т*), лен (200 *т*), цемент (20 тыс. *т*), легированную сталь (10 тыс. *т*) и кузнечно-прессовое оборудование (100 молотов типа БШ 200 кг) на общую сумму 105 045 тыс. злотых с ежемесячной поставкой не менее чем на 15 млн злотых. Если в течение 30 дней после подписания этого соглашения спецификации на все количество или часть стали и оборудования оказались бы не согласованными, то ПКНО недостающую сумму возмещал дополнительными поставками ячменя и ржи. Отгрузка товаров польской стороной должна была быть начата не позднее чем через 30 дней после начала отгрузок советских товаров и закончена через 6 месяцев после окончания советских отгрузок, но не позднее 30 июня 1945 г. Поставляемые сторонами товары должны были быть обычного среднего качества и отвечать стандартам СССР, а расчеты за отклонения в качестве товаров должны были производиться в соответствии с принятыми в СССР условиями²¹.

Советское правительство аккуратно выполняло свои обязательства. Поставка им некоторых товаров задержалась до середины 1945 г., ибо польская сторона оказалась не в состоянии принять эти товары в предусмотренный срок. Польские поставки по этому соглашению вследствие трудностей, переживаемых страной, начались позднее (в декабре 1944 г. ПКНО предоставил СССР небольшое количество сахара, муки и спирта), производились нерегулярно и продолжались до 1948 г.²²

Правительство СССР и ПКНО, имея в виду важное значение железнодорожного транспорта Польши для ведения войны и польской экономики, принимали меры для восстановления железных дорог, подвижного состава и наиболее эффективного их использования. По решению ПКНО производилось частичное расширение колеи железнодорожных путей на время войны. В начале сентября 1944 г. было введено военное управление

¹⁸ ДМ, док. 130.

¹⁹ Там же, док. 134.

²⁰ Там же, док. 135.

²¹ ДМ, док. 149; «Боевое содружество советского и польского народов», стр. 261.

²² «Боевое содружество советского и польского народов», стр. 261.

железными дорогами. 5 ноября 1944 г. Советское правительство и ПКНО подписали соглашение о порядке управления железными дорогами Польши и эксплуатации их во время войны. Все железные дороги, в том числе и перешитые на широкую колею, находились в ведении ПКНО. В целях укрепления трудовой дисциплины они переводились на военное положение. При органах польской железнодорожной администрации учреждались уполномоченные Центрального управления военных сообщений Красной Армии, а на железнодорожных узлах и станциях — военные коменданты, по приказам которых осуществлялись беспрекословно все военные перевозки Красной Армии и Войска Польского. При этом распоряжения польской администрации по движению и эксплуатации дорог согласовывались с уполномоченными советского командования. Головные участки железных дорог в пределах 50 км от фронта эксплуатировались только частями Красной Армии. Ими производились восстановительные работы первой очереди на железных дорогах с максимальным использованием местных материалов и рабочих, выделяемых польской администрацией. При восстановительных работах второй очереди, т. е. расширении пропускной способности железнодорожных участков, части Красной Армии обязаны были оказать польским властям помощь в выполнении этих работ²³.

Народная Польша прилагала большие усилия для выполнения своих союзнических обязательств. Оценивая эти усилия, глава Советского правительства И. В. Сталин в письме к Ф. Рузвельту от 1 января 1945 г. подчеркивал, «что Польский Национальный Комитет все время оказывал и продолжает оказывать союзникам, в частности Красной Армии, важное содействие в борьбе против гитлеровской Германии»²⁴.

Созданное 31 января 1944 г. Временное правительство народной Польши в программной декларации 2 января 1945 г. заявило о своем стремлении внести достойный вклад в общее дело борьбы с гитлеровскими захватчиками и желании укреплять и развивать дружественные отношения между Польшей и СССР и «значительно расширить столь необходимые для Польши торговые отношения с Советским Союзом». Оно предусматривало заключение с СССР консульской, железнодорожной и почтово-телеграфной конвенций и соглашения о приграничном обмене, что позволило бы «установить все более четко функционирующую систему дружественных отношений между обеими странами»²⁵. Правительство СССР признало Временное правительство Польской Республики, и между ними были установлены дипломатические отношения²⁶. Советский Союз продолжал оказывать всемерную поддержку народной Польше.

В связи с освобождением многострадальной столицы Польши — города Варшавы — от гитлеровской оккупации Президиум Верховного Совета РСФСР и СНК РСФСР 26 февраля 1945 г. решили в знак дружбы народов Российской Федерации с польским народом передать из своих ресурсов 30 тыс. т хлеба безвозмездно для ее населения²⁷. В тот же день правительство Белорусской ССР в порядке безвозмездной помощи польскому народу и населению Варшавы выделило 10 тыс. т хлеба в распоряжение Временного правительства Польши²⁸. Украинская ССР предоставила без-

²³ ДМ, док. 155.

²⁴ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. II. М., 1957, стр. 181.

²⁵ ДМ, док. 185.

²⁶ Там же, док. 188.

²⁷ «Известия», 1945, 27 января.

²⁸ «Звезда», 1945, 27 января.

возмездно населению польской столицы 15 тыс. *т* хлеба, Литовская ССР — 5 тыс. *т* хлеба²⁹. Крайова рада народов и Временное правительство Польши, выражая благодарность за этот великодушный дар, заявили, что польский народ никогда не забудет помощи, полученной им от народов Советского Союза³⁰. По постановлению ГКО СССР выделялись средства для восстановления хозяйства польской столицы, в частности оборудование, позволявшее наладить радиотелефонную связь с другими городами страны, и медицинское имущество для наиболее нуждающихся районов. Временное правительство Польши считало своим долгом использовать производственные возможности страны в целях немедленного, хотя бы частичного, возмещения стоимости машин и оборудования, поставляемых ему правительством СССР³¹.

Советская экономическая миссия при Временном правительстве Польши приняла участие в разработке первоочередных мер по восстановлению Варшавы на 1945 г.³² По просьбе КРН и Временного правительства Польши СНК СССР в феврале 1945 г. принял решение направить в Польшу экспертов для оказания помощи по составлению плана восстановления Варшавы и предоставить польскому правительству материально-техническую помощь в размере 50% расходов, необходимых для восстановления основных ее районов³³. Этот акт был встречен польским народом с большой благодарностью. В телеграмме президента КРН Б. Берута, премьер-министра Временного правительства Э. Осубки-Моравского и министра национальной обороны Польши М. Роли-Жимерского председателю СНК СССР И. В. Сталину от 17 февраля говорилось: «В трудные и страшные годы войны, принесли столько несчастий и разрушений обеим нашим странам, народы Советского Союза проявляют столь беспримерное величие духа и столь великую созидательную мощь, что отстраивая громадные разрушения в собственной стране, в то же время спешат оказать помощь Польше. Польский народ всем сердцем оценит эту помощь и ответит на нее вечной благодарностью и нерушимой дружбой»³⁴.

В феврале 1945 г. Советский Союз, удовлетворяя просьбу польского правительства, передал ему 18 транспортных самолетов и 2 полка самолетов «У-2»³⁵. 25 февраля того же года ГКО СССР постановил выделить в распоряжение Временного правительства Польши с 1 по 20 марта 2 тыс. грузовых автомашин³⁶. С передачей предприятий пищевой промышленности местным польским властям последние получили от советской военной администрации значительное количество продовольствия. Кроме того, для населения Лодзи, Познани и Быдгощи предоставлялись продукты питания из трофейных складов советских войск³⁷. Население Силезско-Домбровского бассейна до середины мая 1945 г. получило из советских запасов 15 494 *т* хлеба, 1094 *т* крупы, 5361 *т* сахара, 662 *т* мяса и другое продовольствие³⁸.

В соответствии с решением СНК СССР в Польшу была направлена советская комиссия экспертов. Вместе с польскими властями она обсудила основные вопросы, связанные с восстановлением Варшавы, и наметила

²⁹ «Известия», 1945, 27 января.

³⁰ Там же, 1945, 17 февраля.

³¹ ДМ, док. 203; «Известия», 1945, 4 февраля.

³² ДМ, док. 215.

³³ «Известия», 1945, 18 февраля.

³⁴ ДМ, док. 212.

³⁵ Там же, док. 216.

³⁶ Там же, док. 219.

³⁷ ДМ, док. 223.

³⁸ «20 lat ludowego Wojska Polskiego», s. 551—552.

пути осуществления этого большого мероприятия³⁹. Ее работа была высоко оценена Президиумом Крайовой рады народовой.

Советская Армия оказала значительную помощь польским властям в освоении западных и северных польских земель, в восстановлении их хозяйства и обеспечении первоочередных нужд населения. С наступлением весны большое значение приобрел вопрос о проведении посевной кампании. Народная Польша остро нуждалась в семенах сельскохозяйственных культур. Учитывая это, 23 марта 1945 г. ГКО СССР принял постановление об оказании помощи Польше семенами сельскохозяйственных культур за счет трофеев и заготовок советских войск. До 15 апреля ей должно было быть передано 15 тыс. *т* семян зерновых культур, в том числе 4 тыс. *т* яровой пшеницы, 6 тыс. *т* ячменя, 5 тыс. *т* овса, и кроме того семена проса (50 *т*), гороха (100 *т*), фасоли (100 *т*), люпина (100 *т*), льна (100 *т*), конопли (50 *т*), клевера (100 *т*), люцерны (500 *т*), турнепса (1 *т*), брюквы (1 *т*), капусты (200 *кг*), огурцов (250 *кг*) и лука (500 *кг*)⁴⁰.

9 апреля 1945 г. было подписано соглашение, по которому правительство СССР предоставляло Временному правительству Польши беспроцентный заем в сумме 5 млн руб. и 6,5 млн американских долларов на покрытие разных государственных расходов в рублях и иностранной валюте. Погашение займа должно было начаться спустя 5 лет после окончания войны и производиться равными долями в течение последующих 10 лет. Временное правительство Польши обязывалось погасить этот заем по своему выбору: или американскими долларами или товарными поставками на условиях по особому соглашению сторон. В качестве основы для погашения всего займа принимался американский доллар, равный 5 руб. 30 коп. при цене 35 долларов за 1 унцию золота⁴¹.

В апреле 1945 г. правительство СССР, имея в виду нужды народной Польши, решило отказаться от ее поставок в размере 150 тыс. *т* хлеба и 25 тыс. *т* мяса. Кроме того, ей было передано 150 тыс. голов скота, 8 тыс. *т* мяса и 1 тыс. *т* жиров. Она получила 20 тыс. *т* хлопка и 100 тыс. шкур для переработки. 50% продукции из этого сырья предназначалось для СССР⁴². Советские поставки сырья позволили предотвратить безработицу для многих тысяч людей и возобновить работу ряда промышленных предприятий. Народная Польша поставила в апреле 1945 г. Советскому Союзу 202 337 *т* угля⁴³.

Советские власти выделили значительные средства для удовлетворения материальных и культурных запросов польских граждан, находившихся в СССР⁴⁴. Правительства СССР и народной Польши содействовали друг другу в репатриации населения, производившейся в соответствии с соглашениями от 9 и 22 сентября 1944 г.

В трудных условиях военного времени экономическое сотрудничество между СССР и народной Польшей, осуществлявшееся на принципах братской помощи и взаимной выгоды, сыграло важную роль в удовлетворении военных и хозяйственных нужд обеих стран. Советский Союз предоставил народной Польше большие материальные и финансовые средства. Это позволило Польше внести достойный вклад в общее дело борьбы с фашистскими захватчиками и во многом способствовало в восстановлении ее народного хозяйства, освоении западных и северных земель, обеспечении запросов населения, в упрочении народно-демократического строя. Поль-

³⁹ ДМ, док. 220.

⁴⁰ ДМ, док. 235.

⁴¹ Там же, док. 239.

⁴² Там же, док. 258.

⁴³ «20 lat ludowego Wojska Polskiego», s. 548.

⁴⁴ Ibid., s. 501—503.

ские поставки имели существенное значение для снабжения частей Красной Армии и удовлетворения других потребностей Советской страны.

Коренной перелом в отношениях между СССР и Польшей, происшедший в годы их совместной борьбы против гитлеровских захватчиков, был закреплен в Договоре о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, подписанном 21 апреля 1945 г. Определяя обязательства сторон в деле доведения войны против немецких захватчиков до полной и окончательной победы и обеспечения мира и безопасности народов после войны, договор предусматривал расширение экономического сотрудничества между СССР и народной Польшей. СССР и Польша, говорилось в статье 7 договора, — «будут и после окончания настоящей войны сотрудничать в духе дружбы, в целях дальнейшего развития и укрепления экономических и культурных связей между обеими странами, и помогать друг другу в восстановлении хозяйства обеих стран»⁴⁵. В соответствии с этим договором советско-польское экономическое сотрудничество успешно развивалось в послевоенный период.

⁴⁵ «Правда», 1945, 22 апреля.

Е. Н. ПРИЖИМОВА

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЙ ВОПРОС В БОЛГАРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

Жизнь и труды Кирилла и Мефодия, их учеников и последователей вот уже более двухсот лет привлекают внимание историков, филологов, богословов, публицистов, художников и поэтов. Кирилло-мефодиевский вопрос остается одной из основных историко-литературных проблем современной палеославистики. Научный интерес к деятельности солунских братьев вполне закономерен, ибо Кирилл и Мефодий олицетворяют собой целую эпоху в истории славянства. Создатели оригинальной письменности, переводчики богослужебных книг с византийских образцов, они стояли у начала болгаро-сербо-русской образованности. Посредники в христианизации славян балканских и мораво-паннонских, они способствовали вхождению их в круг цивилизованных народов Европы. И чем бы ни было использование древнеславянского языка в практике восточно-христианского богослужения: политической интригой, задуманной в Константинополе и умело проведенной византийскими дипломатами Кириллом и Мефодием, или результатом титанической борьбы «апостолов славянских»¹, или блестящей иллюстрацией к «образовавшемуся в Византийской империи к VIII—IX в. греко-славянскому этнологическому типу»² — заслуги их в истории славянства несомненны. Вслед за Г. Димитровым мы вправе повторить его гордые слова: «Задолго до того времени, когда германский император Карл V говорил, что по-немецки он беседует только со своими лошадьми, а немецкие дворяне и образованные люди писали на латыни и стыдились немецкого языка, в «варварской» Болгарии апостолы Кирилл и Мефодий создали и распространили древне-болгарскую письменность»³.

Историческая кирилло-мефодиевская проблематика необъятна: источниковедение и историография вопроса; этническая принадлежность Кирилла и Мефодия; литературно-философское наследие Константина-Кирилла; взаимоотношения солунских братьев с византийским двором и патриархами и их контакты с Римом; южные славяне и Византия в IX в. (докирилловские миссии); Кирилл и Мефодий в истории христианства и государственности у славян; судьбы учеников; кирилло-мефодиевские тра-

¹ Е. Георгиев. Кирил и Методий. Истината за създателите на българската и славянската писменост, София, 1969, стр. 5.

² А. С. Будилович. Несколько мыслей о греко-славянском характере деятельности св. Кирилла и Мефодия. «Мефодиевский юбилейный сборник», Варшава, 1885, стр. 4.

³ Стенограмма на заключителната реч пред съда. Сб. «Лайпцигският процес», София, 1960, стр. 239.

диции; образ солунцев в литературе, музыке и изобразительном искусстве славянских народов ⁴. Но и поныне ряд вопросов не может считаться окончательно разрешенным, многие нуждаются в большей доказательности или в современном освещении, некоторые не затронуты вовсе.

Малоисследованной проблемой является историография «Кирилло-Методиевских тем болгарскими историками раннего Возрождения» ⁵ — Паисием Хилендарским, Спиридоном Нямецким (Рильским, Габровским) и в так называемой Зографской болгарской истории. Литература по теме весьма немногочисленна. В 1877 г. появилась статья П. А. Сырку «Служба святителю Мефодию, учителю славянскому» ⁶, посвященная культуре солунских братьев в Болгарии. Тырновский хронограф, один из основных источников Спиридоновой истории, впервые был разобран М. С. Дриновым ⁷. В 1900 г. В. Н. Златарский опубликовал «гильфердинговский» список этого сочинения, а в предисловии к изданию он отметил кирилло-методиевские источники Спиридона ⁸. В последние годы в связи с новым восприятием трудов Паисия Хилендарского и авторов его круга в болгарской исторической науке заметно усилился интерес к их сообщениям о Кирилле и Мефодии. Исследованию тысячелетнего кирилло-методиевского культа в Болгарии посвящен ряд статей и книг Б. С. Ангелова ⁹ и В. С. Киселкова ¹⁰. Г. С. Тодоров в работе «Исторические взгляды Паисия Хилендарского» ¹¹ перечислил, в частности, большинство староболгарских и переводных источников Паисия. Д. Петканова-Тотева — автор статьи о кирилло-методиевских легендах, кочевавших в славянских литературах ¹². В монографии К. Мечева очерчен круг кирилло-методиевских тем, волновавших Паисия ¹³.

Кириллу и Мефодию и их ученикам в Паисиевой «Истории славяноболгарской» отведена специальная глава «О учителях словенских» ¹⁴; о них упоминается также в перечне болгарских святых ¹⁵. Уделяя столь прис-

⁴ Обзор юбилейной западноевропейской литературы см. J. P e t r o v i ć. Literatura o Ćirilju i Metodiju prilikom 1100. jubileja slavenske pismenosti. «Slovo», 1967, br. 17, s. 136—188; 1969, br. 18—19, s. 233—380. Болгарская библиография последних лет опубликована Ив. Дуйчевым, А. Пауновой и А. Кирмаговой в сб. «Константин — Кирил Философ. Юбилейн сборник по случай 1100-годишнината от смъртта му». София, 1969, стр. 425—450 и «Константин-Кирил Философ. Доклади от симпозиума, посветени на 1100-годишнината от смъртта му», София, 1971, стр. 373—414.

⁵ В этапизации болгарского Возрождения присоединяемся к мнению Е. Георгиева, высказанному им в статье «Паисий Хилендарски — между Ренессанса и Просвещения». Сб. «Паисий Хилендарски и неговата епоха. 1762—1962», София, 1962, стр. 253—283.

⁶ Русский филологический вестник (далее — РФВ), т. XVII. Варшава, 1887, № 1, стр. 69—107.

⁷ Новый церковно-славянский памятник с упоминанием о славянских учителях. «Журнал министерства народного просвещения» (далее — ЖМНП), ч. 238. СПб, 1885, № 4, стр. 174—205.

⁸ «История во кратце о болгарском народе словенском», София, 1900. Предисловие, стр. XXV—XLII.

⁹ См. последнюю «Борба за делото на Кирил и Методий», София, 1969.

¹⁰ «Кирилметодиевият култ в България». В сб. «Хиляда и сто години на славянската писменост». София, 1963, стр. 339—358.

¹¹ «Исторически възгледи на Паисий Хилендарски». — «Известия на Института за история» (далее — ИИИ), т. 20. София, 1968, стр. 139—141.

¹² «Кирил и Методий в някоя легендарни книжовни паметници». В Сб. «Константин-Кирил Философ...», 1969, стр. 75—94.

¹³ «Кирил и Методий. Исторически извори и литературни паметници». София, 1969, стр. 100—101.

¹⁴ Цит. по изд. Й. Иванова «История славяноболгарская собрана и нареждана. Паисиевъ иеромонахъ в лѣто 1762». София. 1914, стр. 67—74.

¹⁵ Там же, стр. 76—77.

тальное внимание их трудам, Паисий тем самым подчеркивает значение культурного миссионерства в истории Болгарии. Он делает акцент на так называемой «болгарской миссии» — проповедничестве Мефодия при дворе Радивоя-Богориса и деятельности Охридской школы.

Сюжетную канву биографий солунских братьев составили сведения, почерпнутые Паисием преимущественно из памятников агиографического характера. В соответствии с минейным (Дмитрия Ростовского) текстом Паннонских легенд, Кратких житий и поздних славянских прологов он повествует о знатности и богатстве рода Льва, отца Кирилла и Мефодия, его высоким чине в военно-административной иерархии империи¹⁶.

Мефодий наследовал отцу, поступив на военную службу, в течение 10 лет он правил в некоей славянской области, где научился славянскому языку: «С(вя)ты(й) Мефодия сталъ воевода славѣнски или болгарски, и научил се языкъ славѣнски. По десеть лета оставилъ санъ воински...»¹⁷. Из этих строк следует, что, по мнению Паисия, ромей Мефодий ранее не владел славянским языком, равно как не был знаком с правами подвластных ему славян.

Местонахождение наместничества Михаила-Мефодия¹⁸ спорно и поныне; в научной литературе существует несколько гипотез — стримонская П. Шафарика¹⁹ — Е. Дюммлера²⁰ — Фр. Дворника²¹ — С. В. Троицкого²²; «фессалийская» М. С. Дринова²³ — К. Иречека²⁴ — И. И. Малышевского²⁵; «вифинская» А. С. Будиловича²⁶ — А. Э. Тахиаоса²⁷; Е. Георгиев полагает, что Мефодий правил в солунской феме, подобно отцу²⁸.

Паисий не указывает, где именно Мефодий получил от императора Феофила «княжение.... държати словѣнско»²⁹; скорее всего, оно находилось где-то в пределах Стримона — Брегалницы. В пользу этого предположения свидетельствуют и так называемое Хилендарское сказание —

¹⁶ Интересно, что в отличие от всех кирилло-мефодиевских памятников, именующих Льва друнгарием, *Χιλαρταρχὴν Διήγησις* (в переложении Афанасия Паросского) называет его архонтом (см. Н. Л. Т у н и ц к и й. Св. Климент, епископ словенский, Сергиев Посад, 1913, стр. 28, 263. См. о ХД стр. 7—8). Дионисий Попович, епископ Будинский, напечатанный в 1823 г. «Истинную повесть о Кирилле и Мефодии...», называет его катепаном (Н. Л. Т у н и ц к и й. Там же, стр. 263.)

¹⁷ «Исторія славѣноболгарская...», стр. 67—68.

¹⁸ О том, что светское имя Мефодия было Михаил, впервые сообщил, сославшись на ХД, Гривец (F. G r i v e s. Konstantin und Method, Lehrer der Slaven. Wiesbaden, 1960, S. 20). См. также С. В. Т р о и ц к и й. Святой Мефодий как славянский законодатель. «Богословские труды Московской патриархии» (далее — БТ), вып. 2. М., 1961, стр. 100.

¹⁹ П. Ш а ф а р и к. Расцвет славянской письменности в Болгарии. М., 1848, стр. 4.

²⁰ E. D ü m m l e r. Die Pannonische Legende vom hl. Methodien. «Archiv für Kunde Österreichischer Geschichtsquellen». Wien, B. XIII. 1854, S. 165—166.

²¹ F. D v o r n i k. Les Legendes de Constantin et de Méthode, vues de Byzance. «Byzantinoslavica — suppl.» (далее Bsl), v. 1, Prague, 1929, p. 15.

²² См. также его статью на эту тему «Святой Мефодий или болгарский князь Борис составил Закон судный людем?». БТ, вып. 4, 1968, стр. 117—126.

²³ М. С. Д р и н о в. Заселение Балканского полуострова славянами. Съчинения, т. I. София, 1909, стр. 316.

²⁴ K. J i g e c e k. Geschichte der Bulgaren. Prag, 1875, S. 152.

²⁵ И. И. М а л ы ш е в с к и й. Свв. Кирилл и Мефодий. «Труды Киевской духовной академии» (далее — ТКДА). Киев, 1885, т. II, № 5, стр. 118.

²⁶ А. С. Б у д и л о в и ч. Там же, стр. 14.

²⁷ А.-Э. Т а х и а о с. Создание и деятельность литературного круга Константина-Кирилла до моравской миссии. Сб. «Константин-Кирилл Философ», 1971, стр. 288.

²⁸ Е. Г е о р г и е в. Кирилл и Мефодий, основоположники на славянските литератури. София, 1956, стр. 45.

²⁹ А. Т е о д о р о в - Б а л а н. Кирилл и Мефодий, св. 1. София, 1920, стр. 86.

памятник, почти забытый историками современности³⁰. Эта легенда упоминает о пограничной Болгарии области, куда император Михаил поставил Мефодия:

Ὁὐρανὸς Κρίσις . . .
 «Καὶ ὁ μὲν Μεθόδιος ὀλοῦν ἦτον
 πρῶτος τὴν Ἠλικίαν, ἀφ' οὗ ἔμαθε
 τὰ ἱερὰ γράμματα, καὶ ἔφθασεν εἰς
 Ἠλικίαν ἀνδρὸς ἐγένετο δρατιώτης
 ... Ὄθεν ἐπὶ τῆς Βασιλείας Θεοφίλου
 τοῦ οἰκονομάχου ἦλθεν εἰς τὴν
 κωνσταντινούπολιν, διὰ προσταγῆς
 τοῦ Βασιλέως, καὶ παρ' αὐτοῦ
 πέμπεται στρατηγὸς εἰς ἕκαστα...
 τὰ μέρη, τὰ ὅποια ἔσυνουρουσαν
 μὲ τὸ Ἔθνος τῶν Βουλγάρων...».

«Истинная повесть...»

«Меодій, возрастомъ старій, када
 изучи священо Оученіе и доспѣ оу
 возраст мужескій, постане войникомъ,
 и будуть да е быо мужественъ и вес-
 ма достоянъ, за что чувенъ буде оу
 самомъ царскомъ двору. Оу време...
 Царя Теофіла Иконоборца.....доиде
 оу Цариградъ на заповѣсть Царску.....
 као Военачалникъ оу оне предѣле, кои су
 граничили съ Болгарскимъ народомъ...»³¹.

Ни Фессалия, ни тем более малоазийские провинции в 30—40-е годы IX в. с Болгарией не сообщались, тогда как Стримон был пограничным владением. Еще в новое время здесь бытовали предания о просветителе Мефодии Солунском, жившем в этих краях³². Отношения местных славян с греками были в Стримоне давними и привычными. Договоры их с византийским правительством упоминаются со времен Юстиниана II (685—692), о котором в Бревиарии Никифора Константинопольского говорится, что он «... πολλὰ τῶν ἐκείσε (т. е. около Солуны) Σκλαβηνῶν γένη τά μὲν πολέμῳ τὰ δὲ ὁμολογία»³³. Эти относительно мирные отношения с греками нарушались в первые десятилетия IX в. только под влиянием внешних вторжений в Македонию. Защищая византийскую границу, Мефодий проявил храбрость, подобную отваге библейских героев³⁴.

Паисий вслед за жизнеописателем Мефодия указывает, что княжение ему было дано «словѣньско»³⁵, т. е. «въ Словѣнѣхъ» древних памятников. Этот термин — калька византийского «ἐν Σκλαβίαις», а «Σκλαβίαις» у греческих и арабских авторов традиционно обозначали колонизованные славянами регионы империи. С этими замечаниями мы присоединяемся к «стримонской» гипотезе.

³⁰ Новогреческий вариант старинного византийского жития Кирилла и Мефодия, датируемого Н. Л. Туницким XII—XIII вв. (см. Н. Л. Туницкий. Там же, стр. 33), а Г. А. Ильинским — даже IX—X вв. (Г. А. Ильинский. Иван Огіенко. Константин і Мефодій, їх життя та діяльність. Bsl., I. 1929, Praha, s. 237), И. В. Ягич, впрочем, относит его к XIV—XV вв. (I. J a g i ć. Н. Л. Туницкий. Св. Климент, епископ словенский. Его жизнь и просветительная деятельность. «Archiv für slavische Philologie», V. 35. Berlin, 1914, Hf. 3—4, S. 577—585); такого же мнения Н. М. Петровский (К истории сказаний о св. Кирилле и Мефодии, ЖМНП, НС, ч. IX, 1907, № 5, стр. 155). Подлинный текст ХД, ныне утерянный, еще в начале XIX в. хранился в Хилендаре, скевофилак которого проигумен Даниил, болгарин из Старой Загоры, переслал рукопись А. Паросскому. Последний поместил ХД в своем сочинении «Ὁὐρανὸς Κρίσις...» — «Суд небесный...» (ἐν Λαβία, 1805). «Истинная повесть...» представляет собой компиляцию ХД и «Ὁὐρανὸς Κρίσις».

³¹ Н. Л. Туницкий. Там же, стр. 263—264.

³² Г. Трайчев. Манастирите в Македония. София, 1933, стр. 172.

³³ «Breviarium Nicephori». — «Извори за българската история», т. VII, София, 1960, гл. XXIII, § 6, стр. 297.

³⁴ «...На войнѣко и Самѣсонъ и Гедѣонъ и Исѣ Навѣгинъ страшнѣхъ являшешя» (Похвальное слово свв. Кириллу и Мефодию. Цит. по П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Труды славянской комиссии АН СССР, т. I. Л., 1930, стр. 81).

³⁵ «Исторія славѣноболгарская...», стр. 67.

Титул Мефодия Паисием трактуется как «воевода» (соответственно Общей Похвале³⁶). Дюммлер³⁷ и Рачки³⁸ также считают Мефодия стримонским стратигом (*στρατηγός Στρίμωνος*). Дворник оспаривает это мнение, считая, что в 30—40-е годы IX в. Стримон был архонтией (*ἀρχοντία*), а Мефодий — ее архонтом (*ἄρχων*)³⁹, поэтому и Пространные, и Проложные жития называют его «князем»⁴⁰ (славянский эквивалент византийскому термину). Десятилетие спустя Лемерль установил, что Стримон был первой европейской клисурой Византии⁴¹. С. В. Троицкий продолжил эту мысль, отметив, что Мефодий в 830(831)—840(841) гг. был ее архонтом⁴². Но интересно, что Кекавмен толкует слово «челник» (см. «военачальник» у Д. Поповича) как болгарское в значении «стратиг», «военачальник».

Следовательно, Паисиев термин «воевода славянски», заимствованный им, как мы видим, у Климента Охридского, означает в свете современных научных данных, что Мефодий управлял клисурой Стримон. О причинах, побудивших его решиться на постриг, Паисий не сообщает, как и не называет монастырь в Вифинии, где он принял великую схиму.

О юных годах Константина Паисий пишет вкратце: «Кирилъ с(вя)тѣй билъ помлади братъ Методийнъ оучил се послѣде философия в Цариградъ заедно с Михаила ц(а)ря малого сина Теофилова...»⁴³.

Интересно лишь его сообщение о том, что Константин принял рукоположение (стал хартофилаком в константинопольском храме св. Софии) по совету старшего брата: «...И по съвѣта брата его Мееодия оставилъ миръ и въсприязль и онъ монашески чинъ...»⁴⁴.

После рассказа о молодости братьев Паисий переходит к истории христианизации Болгарии при хане Богорисе. При воссоздании этого важнейшего момента отечественной истории первоисточником ему послужила старинная византийская легенда, известная уже Ц. Баронию и М. Орбини. Эти авторы использовали сведения греческих хронистов о Мефодии-живописце, фрески которого склонили языческого повелителя болгаро-славян уверовать во Христа. Но ни Бароний⁴⁵, ни Орбини⁴⁶ не утверждают, что Мефодий Солунский имел какое бы то ни было отношение к Константину Философу: для них это некий странствующий художник, грек по происхождению. Паисий же приводит другую версию, согласно которой Мефодий, будущий архиепископ Моравский, специально прибыл в Тырново для

³⁶ «Тѣмъ же и воеводскѣй санъ примѣ...». П. А. Лавров. Там же, стр. 81.

³⁷ E. D ü m m l e r. Ibid., S. 165—166.

³⁸ F. R a č k i. *Vieki djelovanje sv. Cyrilla i Methoda, slovenskih apostolov*, t. 2. Zagreb, 1859, s. 86.

³⁹ F. D v o r n i k. Ibid., p. 15.

⁴⁰ А. Теодоров-Балан. Там же, св. 1, стр. 86.

⁴¹ P. L e m e r l e. *Philippe et la Macédoine orientale à l'époque chrétienne et byzantine*. «Bibliothèque des écoles françaises», f. 158. Paris, 1945, p. 118. К этому же мнению присоединился и J. Ферлуга (Ниже военно-административные единицы тематског уређења. «Зборник радова», кн. 36. Београд, 1953, стр. 61—94).

⁴² С. В. Троицкий. Там же, стр. 101—103.

⁴³ «Исторія славѣноболгарская...», стр. 68.

⁴⁴ Там же. Первый духовный чин Константина-Кирилла до сих пор не установлен. Выражение его Пространного жития «...постригыши и на поповство...» (А. Теодоров-Балан. Там же, св. 1, стр. 34) означает, на наш взгляд, принятие священнического сана, а не монашества. По крайней мере, в византийских и славянских средневековых актах («*пѣтхъ*») (славянское «поп») — всегда только священник. См., например, «Акты русского на святом Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона», Киев, 1873, стр. 393, 406, 408.

⁴⁵ «Деяния церковныя и гражданския...», М., 1719, стр. 212.

⁴⁶ «Книга историография...», СПб, 1722, стр. 301—302.

обращения язычника Богориса. В предыдущем же отрывке о Муртагоне⁴⁷ и Мефодии Паисий не называет последнего славянским апостолом. Это «несоответствие» Д. Петканова-Тотева объясняет тем, что, «когда наш историк начал составлять главу о славянских учителях, у него вдруг мелькнула счастливая мысль, что этот „некий Мефодий“ — не случайная личность, а болгарский учитель и моравский епископ»⁴⁸. Но ведь Паисий мог руководствоваться как собственной фантазией, так и болгарским вариантом греческой легенды. В письменных источниках этот вариант не зафиксирован в отличие от русского, записанного Нестором (рассказ о том, как византийский философ Кирилл, присланный Фотием, своей проповедью обратил князя Владимира)⁴⁹. Но автор Пространного жития Климента называет Бориса одним из первых духовных чад Мефодия:

«Ὁὐ μὲν ἀλλὰ καὶ τὸν τῶν Βουλγάρων ἄρχοντα Βορίσην, ὃς ἐπὶ τοῦ τῶν Ῥωμαίων βασιλέως Μιχαήλ ἦν, καὶ τοῦτον ὁ μέγας Μεθόδιος καὶ πάλαι μὲν τέκνον ἐποίησατο, καὶ τῆς οἰκίας γλώττης τῆς τὰ πάντα καλῆς ἐξηγήσατο καὶ τότε δὲ ταῖς τῶν λόγων ἐνεργείας ἅνια λείπτως εἶη δαρούμενος»⁵⁰.

«Кроме того, и болгарского князя Бориса, жившего во время повелителя ромеев Михаила, и того великий Мефодий сделал своим духовным чадом и привлек еще и прежде к своему языку, прекрасному во всем⁵¹, и в это время непрестанно одарял своим благодетельным словом».

Автор так называемой Зографской болгарской истории⁵² также упоминает о пребывании Мефодия в Тырнове. Как он сообщает в ЗИ, хан Муртагон «... крести ся, понеже имѣаше сестру плѣнену в царскій дворъ в Царѣградѣ бѣше крещена и ... прѣиде ко брату своему: и имяше с собою единаго: иконописца именем Мееодїа монаха...»⁵³. Этот Мефодий расписал по повелению Омортага его охотничий домик, но не картины облав и портреты охотников, а «различны исторїи хр(ис)тіанскїя и ... страшный судъ христовъ»⁵⁴ поместил хитроумный художник на его стенах. Хан

⁴⁷ «Исторія славѣноболгарская...», стр. 25. Следуя, вероятно, Баронию, Паисий смешивает имена и деяния болгарских ханов — язычников Омортага-Муртагона и Радивоя-Богориса-Бориса-Михаила.

⁴⁸ «Кирил и Методий в няков...», стр. 88. Кстати, почти весь кирилло-мефодиевский материал Паисия расценивается автором как плод его неуемной фантазии.

⁴⁹ А. А. Шахматов. Один из источников летописного сказания о крещении Владимира. «Сборник историко-филологического общества, состоящего при императорском Харьковском университете», т. XV, Харьков, 1908, стр. 69—74. Нестор мог идентифицировать Кирилла Катанского, посланного Фотием и Василием Македонянином на Русь, с Кириллом Философом.

⁵⁰ Цит. по изд. А. Милев. Гръцките жития на Климент Охридски. София, 1966, стр. 88.

⁵¹ Неясно, какой именно язык, «прекрасный во всем» — славянский или греческий, имеет в виду Феофилакт Охридский.

⁵² Малоизвестное историческое сочинение; составлено не позднее 1785 и не ранее 1750 г. (так как в списке болгарских святых в нем поминается битольский мученик Ангел, погибший в 1750) г. — см. об этом, например, И. Снегаров. Кратка история на съвременните православни църкви, т. 2. София, 1946, стр. 75—76, а найдено оно в так называемом Якововом списке 1785 г.). ЗИ была известна Г. С. Раковскому, купившему на базаре в Белграде у букиниста Х. Н. Йовановича какой-то ее список на пергамене in octo (см. Г. С. Раковски. Народни български повествователни паметници. «Български старини», Букурещ, 1865, кн. I. стр. 200—202). Впервые издана Ст. Аргировым (Из находките ми в светогорските манастири Хилендар и Зограф. «Периодическо списание на българско книжно дружество в гр. Средец», София, кн. XVIII, 1908, стр. 226—238), затем И. Ивановым («Български старини из Македония», София, 1931, стр. 630—642). Единственным ее исследователем был Ю. Трифонов («Зографската българска история». «Списание на БАН», кн. X. София, 1940, стр. 1—64). Зографской ее называют вслед за В. Н. Златарским (предисловие к изданию Спиридоновой истории, стр. XIII), по мнению Златарского, автором ее является болгарский же монах Стефан Светогорский.

⁵³ И. Иванов. Български старини..., стр. 634.

⁵⁴ Там же.

болгарский, убоясь геены огненной, отрекся от язычества. История о крещении болгарского царя бродячим монахом-зографом известна была также Спиридону Нямецкому⁵⁵.

Другие старинные болгарские памятники (Успение Кириллово, Брегалницкая легенда и пр.), западнославянские Чешская и Моравская легенды, хроника Козьмы Пражского, градишские летописи, также Дуклянская хроника подтверждают это свидетельство. Правда, эти памятники указывают, что князя Богориса обратил Кирилл. Из-за скудости источников нам остается лишь гадать, кто из братьев проповедовал при дворе болгарского хана⁵⁶ и проповедовал ли вообще. Но связь изобретения письменности с введением христианства была так естественна, что славянские книжники указывают на непосредственную деятельность Кирилла и Мефодия во всех славянских землях. Не приходится сомневаться, что в данном случае историки Возрождения руководствовались либо устным болгарским вариантом легенды о Мефодии Зографе, либо сочинением Феофилакта Охридского.

Интересно также, что столицей державы Богориса Паисий называет Тырново, как и Спиридон Габровский, и автор ЗИ. Может быть, все они видели «тырновский хронограф»⁵⁷?

Вообще вопрос о «болгарской миссии» солунских братьев в историографии крайне запутан; мнения авторитетных ученых часто не шли дальше гипотез. Да и не столь важно, проповедовали ли солунцы в Болгарии. Логически размышляя, византийские церковные и правительственные круги, заинтересованные в христианизации далекой Моравии и Киевской Руси, обязательно должны были приобщить к государственной религии своих славянских подданных и пытались приобщить славяно-болгар Борисовой державы. Более того, константинопольское духовенство было затем вынуждено покровительствовать новым епархиям. Подобный «демократизм» византийско-восточной церкви входил в *modus vivendi* империи, ибо эта незначительная по размерам и населению страна могла сохранять диктат над сателлитами и сдерживать натиск варваров лишь умелым сочетанием силы и гибкой религиозно-культурной политики. В отношениях с Болгарией это выразилось в постоянных столкновениях с болгарскими ханами и неоднократных попытках миссионерства у мизийских и македонских славян и болгар. О византийских миссиях у южных славян в докирилловскую эпоху свидетельствует, например, Брегалницкая легенда, содержащая отголоски смутных преданий о Кирилле Каппадокийско-Солунском (вторая половина VII в.)⁵⁸. Может быть, невнимание большинства

⁵⁵ «История во кратце», стр. 43.

⁵⁶ Паисий, кстати говоря, пишет, что Мефодий лишь обратил Бориса ко Христу, крестил же его и домочадцев епископ, присланный из Константинополя («История славяноболгарская...», стр. 63). Это беглое упоминание позволит, может быть, внести некоторую ясность в вопрос о времени крещения Болгарии; видимо, в середине 50-х годов IX в. был крещен лишь Преславский двор, тогда как христианизация всей страны относится к 864 г.

⁵⁷ См. о нем подробнее стр. 38—39.

⁵⁸ В сознании последующих поколений переписчиков житий, зографов, богословов и историков имена и труды Кирилла Александрийского, Кирилла Каппадокийца, Кирилла Катарского и Кирилла Солунского (подобно, например, Клименту Римскому и Клименту Охридскому, Горазду и св. Эразму) слились воедино. См. об этом П. Успенский. Отрывок из путешествия в Афонские монастыри и скиты в 1846 г. О св. Кирилле, просветителе славян моравских. ТКДА, 1877, т. III, № 10, стр. 79—110. Возможно, в первой четверти IX в. в Болгарии побывал еще один византийский миссионер; автор ЗИ сообщает о нем следующее: «...с(вя)тый Кирилл философъ написа болгаромъ книгу по своему языку сущимъ при Дунаи рѣцѣ живущимъ христіаномъ» (И. И в а н о в. Български старини..., стр. 634). О попытках создания азбуки в докирилловский период см. работы Е. Георгиева (например, его статью «Родина на кирило-

греческих хронистов и писателей к Кириллу и Мефодию объясняется именно ординарностью подобных миссий в глазах просвещенного византийца?

Для Паисия просветительная деятельность Кирилла и Мефодия в Болгарии — непреложный факт: «... Всприяти Мефодия и Кириль епископство да идать да учать болгари и прочи славянь, вѣру хр(ис)тианскою, и нарекли ихъ апостоли болгарские»⁵⁹. Была создана азбука из 38 букв и переведено евангелие апракос от Иоанна: «Постил се с(вя)ты(й) Кирил м(40) д(б)ни и извадилъ ѿ (38) слова и сложили писмо на словѣнски языкъ прво написали от Иоана евангелие въ начеле бе слово...»⁶⁰. Перевод был одобрен вдовствующей императрицей Феодорой и патриархом Игнатием; Кириллу и Мефодию было поручено просвещение балканских славян: «...И рекли имъ учити болгари и словени по языку ихъ и преводити от греческой книги на словенски»⁶¹.

Из Тырнова они пришли в Охрид к некоему архиепископу Клименту, где собрали вокруг себя кружок образованных славянских филологов, знакомых с античной философией и сведущих в писании: «И там се събраше петь философе от болгарски род, знахли елински премудости и писаніе: Климентъ, Сава, Наумъ, Еразмъ, Ангеларія. То са вси с(вя)ти мужи петь языка болгарского...»⁶². Охридско-солунской школе, по мнению Паисия, принадлежит заслуга создания искусственного общеславянского языка, вобравшего элементы ряда живых наречий. На этом славянском эсперанто были сделаны дальнейшие переводы, предназначенные для болгар: «И предали ихъ перво болгаромъ и наречени били книги болгарски...»⁶³.

Епископский сан Константина — свидетельство славянских прологов XV — XVI столетий⁶⁴, подхваченное позднесредневековыми иконописцами. Это мнение находится в полном соответствии с данными древнейшей кирилло-мефодиевской иконографии. Мы имеем в виду фрески, открытые в 60-х годах XIX в. приором ирландских доминиканцев Меллули на стенах и колоннах в базилике⁶⁵ под римской церковью св. Климента. Росписи⁶⁶ находятся недалеко от того места, где по преданию стояла рака с мощами св. Кирилла Солунянина. Определение коленопреклоненных монахов спорно из-за плохой сохранности изображения, тогда как остальные

методиево дело». Сб. Константин-Кирилл Философ, (1969), стр. 31—43), и И. Дуйчева «Вопросът за византийско-славянските отношения и византийските опити за създаване на славянската азбука през първата половина на IX в.». ИИИ, т. 7, 1957, стр. 241—243.

⁵⁹ «Исторія славѣноболгарская...», стр. 68.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, стр. 69. Видимо, не случайно именуется они Паисием «даскали искусни и премудри». Дидаскалы православной греко-восточной церкви в византийскую эпоху были проповедниками христианства (*didaskaloi tēs 'ekklēsiās*) с церковной кафедры, миссионерами. См. об этом «Православная богословская энциклопедия» (далее — ПБЭ), т. VI. СПб, 1905, стр. 323.

⁶² «Исторія славѣноболгарская...», стр. 69. Остальные двое — Лаврентий и Ангеларий. (Седмичисленниками Паисий называет только первых семь учеников Кирилла и Мефодия. В действительности учеников было значительно больше — здесь же скорее имеет место древнейшая ассиро-вавилонская традиция освящения числа семь, унаследованная и славянскими православными книжниками (семеро детей Льва и Марии, семь первоучеников и т. д.).

⁶³ Там же, стр. 69. Горазда (Еразм у Паисия) в Македонии зачастую принимали за св. Еразма, жившего в Охриде-Лихниде. См. Й. И в а н о в. Български старини..., стр. 310.

⁶⁴ См., например, П. А. Л а в р о в с к и й. Был ли святой Кирилл Солунский епископом? ЖМНП, ч. 238, 1885, № 4, стр. 170.

⁶⁵ Разрушена и засыпана в самом конце XI в.

⁶⁶ «Два коленопреклоненных монаха, представляемые Христу свв. Климентом и Андреем, благословляемые им по греческому обряду»; «Крещение язычника»; «Отпуск Михайлом III монаха с нимбом над головою и с надписью *Cirill*»; «Перенесение мощей св. Климента Римского(?) из Ватикана в его церковь».

фрески дают возможность различить Кирилла и Мефодия. В композиции «Крещение язычника» представлен, безусловно, Кирилл, облаченный в одежду византийского епископа⁶⁷ (его омофор, покрытый крестами, явно восточного типа, спущен поверх фелони вперед двумя концами). Более поздняя фреска «Перенесение мощей» изображает святого в епископском облачении, форма и украшения которого по рисунку не позже X в. Но это, конечно, никак не мощи Кирилла Философа, ибо из надписи под картиной следует, что погребение произошло при папе Николае.

Паисий ссылается также на «гречески стари отечници рукописни», откуда он заимствовал основные сведения о сподвижниках Кирилла и Мефодия доморавского периода⁶⁸. Вероятнее всего, то были патериконы — рукописные жития или службы св. Клименту; возможно, он пользовался мосхопольскими печатными службами в честь св. седмичисленников. Рукописные патериконы, лежавшие в основе мосхопольских изданий Михаила Горы и Григория Константинидиса, безвозвратно исчезли в бурях политических пертурбаций, пронесшихся над Балканским субконтинентом. Можно лишь предположить, что они исходили из монастыря св. Наума, центра культа седмичисленников⁶⁹. Эта традиция сложилась в Охриде как отголосок тех времен, когда функционировала Брегалницкая школа и Климент был кутмичевицким епископом. Узаконенная охридским клиром, она жила и в позднее средневековье, когда в других славянских землях почитание братьев и их сподвижников затухало. Кроме патериконов, Паисий использовал и иконописный материал: в странствованиях по Балканам он отметил, что «... гречески иконописци вси седмь наедно пишать на икони и именують ихъ даскали словенскѣ...»⁷⁰. Очевидно, имелись в виду творения Дебырской школы, тесно связанной с афонскими иконописными мастерскими; ее представителями был создан ряд фресок и иконостасов в монастырях и церквах Охридской епархии.

По данным Паисия, следующего отчасти этой традиции, Кирилл и Мефодий создали праалфавит: «...и имеа ли написани Кириль и Мефодѣа букви славенскѣи, но не могли съвокупити толико речи изредни от славенски кзвикъ и составить псалтирь перво...»⁷¹. Приоритет же в создании литературного языка принадлежит седмичисленникам, которые много «...помогали имъ и разпратили по всюду, где са говори славенски. И собрали речи по граматика греческака, колико има тамо речи, написали, спроти они речи собрали от вес(ь) славенски кзвикъ, и составили перво псалтирь і ев(ан)г(е)ліе въ Охрид(ъ) и въ Солунь»⁷². «Тако събирали речи изредни и прави от болгари, от сербіе, ст руси, от московѣ, от словене, от лехове...»⁷³.

Число букв азбуки — 38 — заимствовано Паисием, вероятно, из одного из списков Сказания о письменах Черноризца Храбра (хилендарского или зографского)⁷⁴. Наконец, о синтетическом характере древнеславянского языка пишет Константин Костенчский. Правда, Паисий не счи-

⁶⁷ Здесь мы пользовались материалами ПБЭ (т. V, 1905, стр. 368) и статьей Н. Тьерри (N. Thierry. Le costume épiscopale byzantine du IXe au XIIIe siècle d'après les peintures datées (miniatures, fresques). «Revue des études byzantines», v. 22. Paris, 1966, p. 308—315).

⁶⁸ «Исторія славѣноболгарская...», стр. 77.

⁶⁹ В Македонии их принято именовать «свети седмичисленници» или «свети светозарни учители».

⁷⁰ «Исторія славѣноболгарская...», стр. 77.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ Там же, стр. 69.

⁷⁴ См. К. М. Куев. Черноризец Храбръ. София, 1967, стр. 202, 205.

тает «тончайший и краснейший»⁷⁵ русский язык его первоосновой. По его мнению, древнеславянский язык был сводным наречием с вкраплениями основных славянских диалектов. Первыми же книгами, переведенными седмичисленниками с греческого, были изборное евангелие от Иоанна, апостол и псалтирь.

Моравской миссии Кирилла и Мефодия Паисий уделяет всего несколько строк; здесь он явно тенденциозен, подобно автору Паннонских легенд.

Спиридон также начинает свое повествование о Кирилле и Мефодии с описания знатности, богатства и влияния рода Льва, особо отмечая его обширные связи: «Бѣ той Леонъ знаемъ Сергію, зетю царскому...»⁷⁶. Соучеником Кирилла Паисий называет малолетнего Михаила III, Спиридон же противоречив: в главе о крещении царя Бориса он, следуя, вероятно, Успению Кириллову⁷⁷, сообщает, что соучеником был племянник Михаила, сын его сестры Феклы и патрикия Сергия⁷⁸. В главе же «О Кирилѣ Філософа» он, в соответствии с Пространным житием Кирилла⁷⁹, называет соучеником самого императора⁸⁰. Вообще в деталях Спиридон исключительно неточен. Так, покровителем братьев он именует патрикия Сергия, зятя Феофила: «...Сергій..., пославъ в Солунь, перваго сына его (Льва — Е. П.) воеводу дарданамъ постави, а мѣншаго в Цариградъ приведи и в наученіе отдаде»⁸¹. Но все кирилло-мефодиевские источники единодушно называют их патроном логофета Феоктиста⁸², одного из регентов при малолетнем Михаиле III и *spiritus movens* при назначении Мефодия. Имя же Сергия как мужа дочери Феофила нигде не встречается. В браке состояла лишь одна дочь императора, его любимица Мария. В 831 (832) г. она была отдана за армянина Алексия Моселе, возведенного в сан патрикия и магистра; Фекла же, фаворитка будущего императора Василия Македонянина, никогда не была замужем. Ок. 856 г. она вместе с младшими сестрами Анной, Анастасией и Пульхерией приняла схиму в Гастрийском монастыре. Итак, Михаил III мог иметь законного племянника, но родителями его были бы Мария и Алексей Моселе, а не Фекла и Сергий⁸³. И 6-летний Михаил III, и его племянник, и бастард Феофила Константин, умерший в юном возрасте, могли быть соучениками Константина-Кирилла; весь этот сюжет занимателен для нас потому, что он свидетельствует о связях юного Кирилла — ведь его соучеником был один из представителей царствующего дома Аморийцев.

О Мефодии Спиридон сообщает, что стараниями своего патрона тот был назначен на княжение в Вардарии (Дардании): «Сергій... перваго сына его воеводу дарданамъ постави...»⁸⁴. Мефодий унаследовал этот пост от своего отца, поэтому и знал славянский диалект с детства: «Дарданія или Вардарія... обладаема бѣ от кесарей греческихъ в то врѣмя, того ради и воеводы от греков поставляему бѣху. И тако дѣтей Леоновы, пребывающе всегда с болгарамы, знаяху языка болгарского...»⁸⁵. Противоречит ли

⁷⁵ А. Теодоров-Балан. Кирил и Методи, св. 2, 1934, стр. 146.

⁷⁶ «История во кратце...», стр. 40.

⁷⁷ П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения..., стр. 154.

⁷⁸ В главе «О Богарисе, царя болгарском, и о крещеніе его». «История во кратце...», стр. 39.

⁷⁹ А. Теодоров-Балан. Там же, св. 1, стр. 33—34.

⁸⁰ Там же, стр. 39.

⁸¹ Там же, стр. 40.

⁸² См. об этом И. И. Малышевский. Логофет Феоктист, покровитель Константина Философа. ТГДА, 1887, т. 1. стр. 265—297.

⁸³ См. генеалогические таблицы в т. III «Истории Византии», М., 1967, стр. 378.

⁸⁴ «История во кратце...», стр. 40.

⁸⁵ Там же.

сам себе Спиридон, цитируя далее «тырновский хронограф» — летопись, составленную по указанию патриарха и, вероятно, с участием самого владыки? «...Аще и святыи Евѳимій, патриархъ тырновскій, имянно рода болгарскаго быти глаголет»⁸⁶. И далее: «...Благословенъ бог... воздвиже от рода нашего таковаго учителя, иже просвѣти языкъ наш...»⁸⁷.

Быть может, в его представлении Кирилл и Мефодий — славяне, воспитанные греками и на греческий лад, истинные ромеи по духу, но объективно способствовавшие подъему болгарской культуры? Афонские монахи Паисий и Спиридон могли позволить себе прийти к подобному заключению, поскольку в те годы движение против грекомании еще не переросло в яростную антифанариотскую борьбу⁸⁸. В науке вопрос об этнической принадлежности братьев остается спорным и решается различно, более или менее предвзято. Источники не говорят с полной определенностью, кто были Кирилл и Мефодий — славяне или греки. Но, не сказав нам об их происхождении, древние жития предпочли отметить другие их качества, одинаково ценные в греке и славянине — высокую образованность, редкие таланты и огромное личное мужество.

В описании крещения Бориса⁸⁹ Спиридон вновь дает взаимоисключающие сведения. Изложив легенду о крещении Бориса Мефодием Зографом в 845 г.⁹⁰, «... во время святаго Меѳодія, патріарха константинопольскаго»⁹¹, он опровергает тем самым свое прежнее сообщение о Кирилле, крестившем Бориса и 53 тыс. его воинов, с победой вернувшихся из Армении⁹². После возвращения из Хазарии Кирилл по просьбе Бориса был послан в Болгарию для перевода богослужебных книг. Миссия его длилась три года (867—869), после чего Константин-Кирилл был послан в Моравию⁹³. Это вопиющий анахронизм, ибо год смерти Константина Солунского в Риме — 869 — не вызывает никаких сомнений. Дамаскин Студит, которого Спиридон придает в спутники Кириллу, никак не мог быть с последним — это теолог XV в., творения которого на славяно-болгарский, а затем на разговорный болгарский язык были переложены в XVI в. Спиридон отождествил его с Феодором Студитом (IX в.), а его труды счел оригинальными произведениями староболгарской литературы. Другой сподвижник Кирилла иеромонах Мефодий (не Мефодий Моравский) идентифицирован,

⁸⁶ Там же, стр. 40, 42. Д. Петканова-Тотева считает существование тырновского хронографа весьма сомнительным («История во кратце...», стр. 89); о нем не упоминается и в известном издании сочинений Евфимия Тырновского, предпринятом Калужнянским (E. Kaluzniasky. Werke des Patriarchen von Bulgarien Eutimius, Wien, 1901). Но М. С. Дринов («Новый церковно-славянский памятник...», стр. 344), а вслед за ним такой авторитет в изучении наследия Евфимия, как П. А. Сырку («Евфимия, патриарха тырновского, служба преподобной царице Феофано», СПб, 1900, стр. 1), допускали, что у Евфимия Тырновского были сочинения и исторического характера. На наш взгляд, патриарх Евфимий имел явную склонность к историческим сочинениям. В пользу этого предположения говорит, например, составленное им житие Петки Тырновской, где наряду с легендами использованы и подлинные исторические документы. Тырновский хронограф, судя по всему, безвозвратно погиб в печально знаменитых тырновских разорениях, но один из его списков, как видно, хранился на Афоне.

⁸⁷ «История во кратце...», стр. 40.

⁸⁸ Подробнее см. об этом Н. Тодоров. Българо-грѣцките отношения през XVIII в., отразени в Паисиевата история. Сб. Паисий Хилендарски, стр. 435—460.

⁸⁹ Христианизации Болгарии и связанной с этим дипломатии Бориса Спиридон отводит 5 глав: «О Богарисе, царя болгарском, и о крещеніе его» («История во кратце...», стр. 38—39); «О ѳомѣ отметника» (стр. 41—43); «О Петра Куфара» (стр. 43); «О посланіе царю болгарскому къ папѣ Николаю» (стр. 43—44); «О посланіе кесарей греческихъ Михаила и Василія къ царю болгарскому.— Ересей папинихъ» (стр. 44—45).

⁹⁰ Тогда на болгарском престоле был хан Персиан.

⁹¹ «История во кратце...», стр. 43.

⁹² Там же, стр. 39, 42.

⁹³ Там же, стр. 47.

очевидно, с одним из предшественников патриарха Евфимия, болгарским старцем иеромонахом Мефодием (первая половина XIV в.). Этот литератор совместно со своим учителем — священником Иоанном — работал в лавре св. Афанасия, исправляя болгарские переводы по византийским образцам. Часть его рукописей хранится в Синайском монастыре св. Екатерины⁹⁴. Спиридон, подобно многим переписчикам житий, отождествляет одноименных исторических лиц, дела двух или трех приписывая одному.

Внимание ученых болгарских монахов XVIII в. к миссии солунских братьев было, видимо, вовсе не случайным. В те времена, когда болгарская национальная церковь совершенно утратила свои позиции, когда фанариоты монополизировали образование, а болгарская речь считалась признаком дурного тона, долгом гражданина было выступить в защиту болгарской народности. Провозвестники болгарского Возрождения пытались доказать, что греки в IX в. были дальновиднее фанариотов, а византийское воспитание Кирилла и Мефодия не сделало их фанатичными эллинизаторами. Именно поэтому кирилло-мефодиевские пассажи у Паисия, Спиридона и автора ЗИ сводятся к локализации деятельности солунских братьев в славянской среде и ограничиваются этим. И хотя в сознании афонских монахов Кирилл и Мефодий были, по-видимому, все-таки ромеи, деятельность их носила характер болгарского просветительства. Солунцы действовали для болгар и в Болгарии. Но они были не только болгарскими просветителями — это славянские апостолы, общеславянские учителя. Идея родства славянских народов, близости славянских языков и культурно-исторической общности доминирует у авторов первых болгарских историй.

Основной их тезис справедлив и исторически верен: Кирилл и Мефодий и их ученики стояли у начала славянского просвещения и болгарской национальной культуры, хотя, как мы полагаем, помощь их в устройении славянской церкви объясняется политической заинтересованностью византийского клира⁹⁵. Просвещенные ромеи Кирилл и Мефодий действительно решили великую историческую задачу, создав на славянской земле славяноязычную культуру.

⁹⁴ См. об этом И. Иванов. Български старини..., стр. 274—276.

⁹⁵ Ср. Е. Георгиев. Кирилл и Методий — основоположници на славянските литератури..., стр. 100.

Л. ТАНАНАЕВА

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ СТАРОПОЛЬСКОГО ПОРТРЕТА XVII—XVIII ВЕКОВ

Старопольский или сарматский портрет начинает складываться в начале XVII в. Его генезис можно проследить по изображениям донаторов на алтарных образах XV — XVI вв., эпитафийному портрету, миниатюрам в «Liber geneleos» семьи Шидловецких. В XVI в. польский портрет уже существует независимо от религиозной картины; он активно усваивает тенденции, с одной стороны, европейской портретной живописи кранаховского типа, с другой — итальянского придворного портрета и, в общем, находится в русле позднеманьеристского европейского придворного портрета. Он обнаруживает многочисленные аналогии, например: с английским парадным портретом елизаветинских времен, с живописью испанцев Пантохи де ла Круса, Санчеса Коэльо и с творчеством средневропейского портретиста, придворного мастера императора Максимилиана I — Якоба Зейзеннегера. Это высокопрофессиональная живопись, хотя по преимуществу и анонимная; к лучшим образцам ее относятся портрет Екатерины Острожской, портреты Себастьяна Любомирского и его дочери (из собрания варшавского Национального музея — галерея в Вилянове).

В польской живописи XVII — XVIII вв. этот портрет оказывается одним из ведущих направлений. Он обладает суммой стойких признаков, которые, хотя и проходят за столетие определенную эволюцию, в основе своей остаются почти неизменными.

Сарматский портрет существовал на территории всей Речи Посполитой, заходя на ее восточные окраины — на литовские, украинские, белорусские земли. Воздействие польского портрета на русскую живопись XVII в. в известной мере признают и историки русского искусства.

Огромное наследие сарматского портрета включает целые родовые галереи, собиравшиеся многие десятилетия, и скромные эпитафии, рассеянные по сельским костелам, и труменный (от «трумна» — гроб), т. е. нагробный портрет, необычайно распространенный среди самых широких кругов польского дворянства. Вся эта масса материала еще не изучена, не систематизирована, даже не выявлена полностью. В настоящее время изучение сарматского портрета только начинается, и в самой Польше существует лишь несколько работ на эту тему¹. Сарматский портрет долгое

¹ Среди главных назовем следующие: T. Dobrowolski. Polskie malarstwo portretowe. Ze studiów nad sztuką epoki sarmatyzmu. Kraków, 1948; M. Gąsiorowska. Toruński portret mieszczański 1500—1850 (Katalog wystawy), Toruń, 1955; A. Siawaska, Z. Kępiński. Malarstwo Wielkopolskie 1520—1650 (Katalog wystawy), Poznań, 1952; S. Wiliński. U źródeł portretu staropolskiego. Warszawa, 1958; W. Dreśka. Portrety Sebastiana Lubomirskiego i jego rodziny z XVI i XVII wieku. В кн. Rocznik Muzeum Narodowego w Warszawie, XVII. Warszawa, 1973, s. 87—122;

время не считался полноценным видом искусства и обращал на себя внимание лишь историков культуры. Сейчас он приобрел своих сторонников среди искусствоведов, что, надо думать, принесет решительный сдвиг в этой области, тем более что центром его изучения стал в настоящее время варшавский Национальный музей — обладатель первоклассного собрания сарматских портретов. Это связано с общим интересом к проблематике искусства восточноевропейских стран, который возник в европейском искусствоведении, особенно в немецком и венгерском, в последние 10—15 лет. Одной из самых трудных оказалась проблема соотношения стилевых категорий европейского барокко и форм искусства восточноевропейских стран XVII — XVIII вв., с их ярко выраженными локальными особенностями. Не касаясь проблемы в целом, мы постараемся обратить особое внимание именно на местные черты, так как они и менее подробно изучены, и к тому же на протяжении конца XVII — первой половины XVIII в. пользуются преимущественным влиянием на художественную практику.

Второй трудностью является отсутствие критерия эстетической оценки сарматского портрета, как и вообще примитивных, по сравнению с Центральной Европой, форм искусства, что ощутили уже первые исследователи сарматского портрета². М. Гембарович отмечает, что подобное искусство выдвигает «проблематику, которая в своем своеобразии требует мышления иными категориями, установки иных критериев оценки, нежели те, которые приняты по отношению к классическим формам развития». Безусловно, специфика сарматского портрета велика и обусловлена действием ряда факторов, главным из которых представляется иное по сравнению с большинством стран Центральной Европы положение искусства в обществе.

Одновременно польский портрет гораздо меньше подчиняется принятым стилевым и иконографическим нормам, обходясь с ними очень свободно, в связи с чем Гембарович справедливо говорит о «сумме неконтролируемых индивидуальных усилий»³. В пределах широко понимаемых общих особенностей портрета имеет место чрезвычайно пестрое многообразие противоречивых художественных решений.

При изучении польского портрета указанные черты неизбежно приводят к описательности и заставляют скорее затрагивать большой круг вопросов в общей форме, чем детально и углубленно их исследовать.

Атмосфера жизни, в которой развивался сарматский портрет, была очень своеобразной, что сознавалось не только чужеземцами, приезжавшими в Польшу, но и самими поляками, и нашло свое отражение как в мемуарной литературе, так и в разного рода политических и дидактических изданиях, очень распространенных в то время. Основным отличием польского государственного строя — дворянской республики во главе с избираемым королем — было привилегированное по сравнению с другими европейскими странами положение шляхты. Король Ян Собеский вынужден был удовлетворять ролью «*primum inter pares*».

Особое положение шляхты утверждалось ее идеологами в многочисленных историософических сочинениях, целью которых было доказать, что даже по происхождению шляхта не имеет ничего общего с другими класса-

J. R u s z c z y ś o w n a. Portret renesansowy i barokowy na Mazowszu. Ibid., XIII, 1964. Из советских авторов польским портретом данного периода занимается Е. Каменецкая — см. статью в польском издании: E. K a m i e n i e s k a. Portrety Jana Szretera. В кн. Rocznik Muzeum Narodowego w Warszawie, XVII. Warszawa, 1973, s. 122—162.

² M. G e b a r o w i c z. Portret XVI—XVII wieku we Lwowie. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969.

³ Ibid.

ми общества, лишенными всяких прав. Польская шляхта провозглашалась потомком воинственных сарматских племен, в то время как мещанство и крестьяне якобы происходили от местных жителей, завоеванных и поработанных сарматами.

В основе общественного идеала сарматского периода лежит убеждение в абсолютной ценности отдельной личности; она переносит на себя и присваивает все те привилегии, которыми обладает класс, сословие в целом. Если ни одному польскому королю не удалось бы сказать: «Государство — это я», то каждый шляхтич свободно мог бы отнести эту формулу к себе. Самоутверждение и безграничная уверенность в собственной значительности, которыми пронизаны сарматские портреты XVII в., находятся в прямой связи с этой особенностью шляхетского сознания. А всеобщность, широта распространения шляхетской идеологии, которая диктовала всем «панам братьям» единые убеждения, заставляла их придерживаться и сходных форм быта, культуры, делала для мелкого шляхтича важным и необходимым то же самое, что входило в обиход магната. Степень интеграции, охваченность всего дворянского общества рамками единого типа культуры, кажется удивительной для огромного государства — конгломерата разноязыких народностей, имеющих к тому же разные религии. (На территории Речи Посполитой жили не только поляки, украинцы, литвины, белорусы, но и большие группы литовских татар, армян, немцев, голландских переселенцев. Не только дворянство этих народов, но и городской патрициат «ошляхечивались», перенимая стиль жизни польской шляхты.)

На формирование мировоззрения шляхты того времени воздействовали и иные факторы: историки подсчитали, что в течение всего XVII в. Польша имела всего 32 мирных года, причем конфликты на границах практически не затихали. Почти все столетие страна находилась в состоянии войны с турками, татарами, Россией и Украиной, сопротивлялась сокрушительному шведскому «потопу». В результате военных столкновений с носителями некаатолической, а значит, в глазах польского общества, еретической религии, в Польше начинает складываться своеобразный мессианиззм.

К патристической идее рыцаря-воина — защитника своей земли — присоединилась идея рыцаря-христианина, защитника животворящего креста, как бы воскрешенный идеал крестоносца средних веков. Польский литературовед Чеслав Гернас пишет по этому поводу: «...возникает конструкция „*homo militans*“, сражающийся человек, суровый образ, нормативный пример. Для шляхты — это идеал славных предков и практический образец для сегодняшнего дня, солдат-герой с восточных окраин, идеальный гражданский пример. Для церкви это философская конструкция, дефиниция человека, обреченного на вечную борьбу с плотскими искушениями, искушениями мирскими и с сатаной, как символом метафизических злых сил»⁴. Этот тип «*homo militans*» и есть идеальная конструкция, легшая в основу польского рыцарского портрета.

Идеи эти порождала реальная действительность: какими бы узкими и лишенными исторического предвиденья ни представлялись нам идеалы шляхты, нельзя не признать, что в это столетие она переживала свой героический период. Готовность значительной ее части к сражению на любом рубеже страны, в «диких полях» с татарами или на берегах Балтики с «лютрой», многократно подтвержденная самоотверженностью и истинным героизмом, которые и спасли страну в годы «потопа», были столь же неотъемлемой чертой жизненной философии шляхты Речи Посполитой, как ее наивная вера в свою избранность.

⁴ См. Cz. H e r n a s. Zarzys rozwoju literatury barokowej. В кн.: Polska XVII wieku. Warszawa, 1970, s. 296.

Но сарматизм с годами приобретает все более интенсивную католическую окраску. Поздние идеологи сарматизма в начале XVIII в. утверждают, что государственный строй поляков был угоден избравшему их для подвига Христу и освящен его волей. Получалась замкнутая система, застывшая именно за счет своей цельности.

Унификация форм жизни и мышления, жесткий традиционализм, обернувшийся в XVIII в. полной нетерпимостью и принципиальной косностью, оказались оборотной стороной «золотой вольности» и анархии. Сарматизм — это сплав исторически сложившейся идеологии и материальных форм быта, художественной культуры, порожденных во многом спецификой шляхетской идеологии и в ряде случаев обратно воздействующих на нее. В культуре был создан своего рода массовый стандарт — и в первую очередь это касается как раз портрета, чем и следует объяснить повсеместное распространение его основных форм и типов.

При слабости общественно-экономических связей, невысоком моральном авторитете монархии и государства особую роль приобретала принадлежность к семье, роду, понятах очень широко⁵. Это опять-таки имело самое непосредственное отношение к развитию портрета⁶: в любом скромном шляхетском дворике висели портреты предков, как эхо роскошных родовых галерей Вишневецких или Радзивиллов. И погребальный обряд — необычайно пышный и репрезентативный — был распространен повсеместно, чему польское искусство обязано обилием грустных портретов, являющихся необходимым элементом траурной церемонии. Расцвет этого наиболее, может быть, оригинального типа сарматского портрета, не имеющего, по известным на сегодняшний день данным, прямых соответствий в европейском искусстве своего времени, приходится на вторую половину XVII — начало XVIII в.

В XVII в. очень широко распространился тип парадного портрета *en pied* как в наиболее репрезентативном варианте с богатыми аксессуарами, так и в более скромном виде (переходя в поколенный портрет на нейтральном фоне). С конца этого столетия особую роль стал играть рыцарский портрет — портрет в латах, с булавой в руке, как бы живописное воплощение типа «*homo militans*».

Острая специфичность сарматского портрета ощутима с первого взгляда. Для советского зрителя он ассоциируется больше всего с русской парсуной и с украинским портретом XVII — XVIII вв., но имеет множество аналогий с искусством других европейских стран.

Мы будем говорить о сарматском портрете, имея в виду в основном живопись, возникшую на этнически польских землях и обусловленную типом культуры, рожденной польским шляхетским обществом. Но нельзя не учитывать широкие, «открытые» границы этого портрета, как и всей сарматской культуры, сильно воздействовавшей на дворянскую культуру соседних государств⁷.

⁵ Дворянское происхождение было здесь большей, чем где бы то ни было, гарантией места в обществе, и генеалогическим изысканиям посвящалось много времени и внимания. В Польше не было геральдики в европейском «научном» смысле слова, зато было множество, по словам одного из первых историков культуры сарматизма — В. Лозинского, «прирожденных геральдистов», хранивших в уме сложнейшие генеалогические разветвления своего, и не только своего, рода. См. W. Ł o z i ń s k i. *Zycie polskie w dawnych wiekach*. Lwów, 1912, s. 143.

⁶ О раннем средневековом периоде развития польской портретной живописи см. статью Т. Добженецкого «Средневековый портрет в польском церковном искусстве». *T. D o b ż e n i e c k i. Sredniowieczny portret w sakralnej sztuce polskiej*. *Rocznik Muzeum Narodowego*, t. I. Warszawa, 1969.

⁷ Историки сарматизма отмечают воздействие его идеологии и культуры на дворянские круги Румынии, на весь стиль жизни хорватской и венгерской шляхты, что связано с близостью ее политических задач и идеалов с интересами польской шляхты.

Стараясь рассмотреть функцию сарматского портрета, мы сталкиваемся с самого начала с присущей ему двойственностью. Прежде всего это — портрет торжественный, репрезентативный, возникший в придворных кругах. Вместе с тем портрет приспособляется к потребностям самых широких кругов шляхты, вплоть до мелкой, по уровню жизни мало чем отличавшейся от простого крестьянства.

Конечно, это вело к огрублению самой концепции портрета, к снижению образа, тем более что спрос на изображения предков, родных, правящих королей, рос быстро, и в орбиту портретного творчества втягивались местные ремесленники, далеко не всегда обладавшие профессиональным мастерством⁸. Однако одновременно открывалась и дорога демократизации портретного образа, возрастали черты жизненной конкретности и правдивости характеристики.

Обе эти стороны — и возвышенная идеализация образа и тяготение к прозаической, документальной точности — имеют тенденцию к дальнейшему развитию. В конце XVII в. в аристократическом придворном искусстве тенденция к героизации, идеализации достигает высшей точки своего развития. Причем, что очень интересно, она ищет себе теперь выражение в обращении к античности: примером могут служить многочисленные портреты Яна Собеского в римских доспехах⁹ (рис. 4).

Вторая тенденция также укрепляется к концу XVII в. Стремление к точности передачи лица и — насколько это было в силах ремесленных мастеров — характера приводит к появлению в портрете своего рода документальности¹⁰.

Объединение этих двух начал не происходит подобно лучшим образцам европейской портретной живописи — путем сложного, динамического слияния, нерасторжимого единства общего и единичного, материального и духовного. Здесь общее и конкретное часто как бы существуют рядом, в буквальном смысле слова: условно-репрезентативный, орнаментально-плоскостной фон, аксессуары, одежда, повторяющиеся из портрета в портрет как некий символ сословной значительности, и — живо охарактере-

Не случайно поэма Ивана Гундулича — хорватского поэта XVII в. — «Осман» посвящена Владиславу Вазе. Я. Табир отмечает: «Не случайно период наиболее интенсивного влияния сарматской культуры на территории Южной Европы падает на годы побед Яна Собеского и связанных с ними надежд на то, что он избавит всех славян от власти Высокой Порты» (J. T a z b i r. Rzeczpospolita i świat. Warszawa, 1971, s. 20. См. также: A. A n g u a l. Die slawische Barockwelt. Leipzig, 1961, S. 210—211, — где идет речь о влиянии польской культуры на творчество румынского писателя и государственного деятеля XVII в. Мирона Костина. См. также статью Е. Андьяла о польско-венгерских связях того времени: E. A n g u a l. Barok polski. В сб. Studia z dziejów polsko-węgierskich stosunków kulturalnych. Wrocław, 1969.

⁸ Особняком стоят работы мастеров северной школы, работавших в Гданьске, Щецине, Крулевец (Кенигсберге), богатых торговых городах, где был распространен тип культуры, близкий голландско-немецкому. Как заказчики этих портретов — городской патрициат, так и художники сильно отличались по традициям и принципам своего творчества от анонимов центральных польских земель. Крупнейшие мастера этой школы А. Мёллер, А. Штех, Б. Штробель, Д. Шульд (бывшие придворными портретистами у короля Владислава Вазы).

⁹ Об этом упоминают и польские исследователи. С наибольшей полнотой проблеме антиквизации в польском искусстве XVII в. ставит (и решает) книга М. Карповича «Искусство просвещенного сарматизма»: M. K a r p o w i c z. Sztuka oświeczonego sarmatyzmu. Warszawa, 1970, имеющая подtitул «Антиквизация и классицизм в варшавском художественном центре во времена Яна III».

¹⁰ Правдивости, сходства добивались как необходимой и важнейшей черты. Недостаточно похожие, с точки зрения заказчика, портреты возвращались художнику, сопровождаемые язвительным замечанием: «Ему бы малевать бесхвостых кобыл, а не княжеское лицо» (см. S. W i l e Ń s k i. U źródeł portretu staropolskiego. Warszawa, 1958, s. 28). Тем не менее спрос на портреты вел к тому, что ремесленники налаживали своего рода «серийное производство» портретов.

Рис. 1. Ежи Элеутор Шимонович-Семигировский (ок. 1660—1711). Портрет короля Яна Собеского в античных доспехах. Ок. 1693 г. Холст. Масло. Национальный музей в Варшаве

ризованное, в высшей степени индивидуализированное лицо. Доминировать может то одно, то другое начало (рис. 2,3).

XVII век дает наиболее органические варианты такого сочетания. Это не случайно: в польской шляхте еще живут в это время в сложном единстве и рыцарская гордость защитника христианского мира, и свободное самоутверждение дворянина, и родовое неистребимое тщеславие. И одновременно — трезвость житейских предприятий, безграничное доверие к реальности.

Не случайно названное одним из историков искусства «трагикомическим», мирозерцание польского шляхтича того времени, жившего фактически одновременно в двух одинаково реальных для него мирах, представляло собой сплав абстрактных идеалов, религиозного мессианства и трезвого хозяйского практицизма. Интересно было бы исследовать проблему связей романтизма с культурой польского барокко, с эпохой сарматизма, которая представляется нам одной из самых не только интересных, но и ключевых для изучения польской художественной культуры¹¹.

¹¹ Мицкевич увлекался анонимными гимнами эпохи барокко, находя в них внутреннюю близость своим собственным исканиям и отмечая их высокую поэтичность.

Рис. 2. Неизвестный польский мастер середины XVIII в. Портрет сандомирского каштеляна Франчишка Рыковского. Холст. Масло. Национальный музей в Варшаве

Рис. 3. Неизвестный польский мастер конца XVIII в. Портрет Елены Гомульницкой. 1792 г. Холст. Масло. Национальный музей в Варшаве

Особенности сарматского портрета объяснялись в большой мере той четко определенной социальной функцией, которую он должен был выполнять в польском обществе и которая имела мало общего с функцией эстетической. Ведь его не рассматривали как произведение большого искусства, как нечто, достойное стать наряду с теми полотнами, которые были куплены за границей, украшали галереи и кунсткамеры и представляли предмет гордости хозяев. Это было «искусство на каждый день», массовое, домашнее, и если оно оставалось все-таки искусством, то скорее вопреки своим специфическим задачам, чем благодаря им¹².

Главной задачей сарматского портрета является констатация того факта, что человек с такими-то чертами лица является действительно членом такого-то рода, обладателем такого-то герба и имеет (или имел при жизни) определенный сан, чины, должности, что тогда-то родился (а в женском портрете указывается еще девичья фамилия и он наследственные гербы).

Информация, сообщаемая таким портретом, очень обильна, но сообщается она наполовину внешневыписными средствами. Герб (или несколько гербов), иногда и девиз, длинная надпись, перечисляющая чины и звания,

¹² В портретные галереи включались не только изображения членов данного рода. Крупный польский историк искусства М. Гембарович в своей работе, рассматривающей львовский портрет XVII—XVIII вв., пишет, что возникали и собрания портретов римских пап (собрание в замке Красицких, существовавшее уже в 1614 г.), галерея портретов варминских епископов (в Лидзбарке, основанная епископом М. Шпиковским в середине XVII в. и вывезенная в Швецию), заменившая ее галерея епископских портретов, основанная уже в XVIII в. и перевезенная во Фромборк в XIX в. Галерея портретов польских королей восходила иконографически, по мнению Гембаровича, к графической серии работ Т. Третера, изданных в Риме в 1588 г. (*Reges Poloniae*) и в 1591 (*Regum Poloniae icones*) и повторенных позже А. Миллиусом. Собрания королевских портретов были у многих магнатов — у Красицких, Мнишков и др. См. M. G e b a r o w i c z. *Portret XVI—XVIII wieku we Lwowie*. Wrocław — Kraków — Warszawa, 1969, s. 56—62.

на многих портретах теснят изображение, скрывая фон, смыкаясь вокруг лица, низводя портретное изображение до роли фотографии на нынешних удостоверениях личности; герб играет роль печати учреждения, знака принадлежности к данной социальной группе, а письменный текст заменяет анкету.

Есть портреты, превращающиеся по сути дела в целые развернутые трактаты, рассматривая которые образованные зрители могли проявить свои познания в генеалогии и латыни; здесь, скажем, цитаты из Горация сочетаются с польскими «документальными справками» об изображенном, как на парадном портрете Анны Жевуской (из рода Любомирских) середины XVIII в. из собрания Львовского исторического музея.

Все это, как нам кажется, позволяет говорить о таких истоках польского портрета, как портретные гравюры и так называемые штабухи — альбомы для заметок, записей и зарисовок (обычно бравшиеся в путешествие), где мы встречаем развернутую, повествовательно-панегирическую подпись, герб, богатую орнаментовку¹³. Наконец, свою роль играли и книги эмблем, очень распространенные в то время в Польше, где сходным был сам тип соотношения изображения с текстом.

Поиски таких, неспецифически живописных истоков творчества польских портретистов представляются нам важными, так как многие импульсы, питающие это своеобразное искусство, лежат, видимо, вне сферы европейского профессионального живописного мастерства XVII в. Гравюра часто привлекается в целях установления личности портретируемого, для сравнений, для выяснения авторства; нам же кажется, что интересно было бы рассмотреть ее значение прежде всего как стилетворческого начала.

На дух польского портрета также влияют риторика, воцарившаяся в литературе, панегирический стиль, любовь к многоречивости и витиеватости.

Слияние этих разнородных слагаемых в реальном едином художественном произведении было обусловлено состоянием живописной культуры в Польше того времени. Живопись в том самостоятельном автономном значении, которым она уже обладала, например, в Италии, здесь еще не существовала. Уровень развития собственно пластического мышления был совсем иным.

Одновременно с высокопрофессиональным искусством, развивавшимся преимущественно при дворе и представленным именами крупных художников — Т. Долабеллы, Д. Шульца, Б. Штробля, Клода Калло, — в культуре Польши, особенно после прекращения династии Вазов, все большее значение приобретает живопись, связанная с широкими массами шляхты. Средняя и мелкая шляхта ощущала живую потребность увидеть и осознать себя, окружающую действительность — мир сарматской Польши, мир своих представлений, овеществленных в искусстве. Формирование такого светского искусства «широкого потребления» в Польше осуществлялось вне рамок той духовной культуры, к которой принадлежали и сложная, исполненная «метафизической тревоги» поэзия Семпа Шажиньского, религиозно-мистические трактаты «польского Соломона» — Станислава Гераклия Любомирского и придворное антикизирующее искусство. Параллельно им складывался в литературе тип светского повествования, блистательным образцом которого явились «Записки» Яна Хризостома Пасека, с особенной наглядностью олицетворившие собой именно ту стадию развития художественной культуры, которая, как нам кажется, породила и сарматский портрет. Лучше всего охарактеризовал это произ-

¹³ О штамбухах см. содержательную статью А. Госенедкой — A. Gosieniec k a. Sztambuch Michała Heidenreicha. In: Ze studiów nad sztuką XVI wiekuna Śląsku i w krajach sąsiednich. Wrocław, 1968, s. 111—130.

ведение его исследователь Р. Полляк: «Итак, и красочный рассказ о приключениях, и сухой перечень событий, и скучнейшее искусственное ораторство, приправленное латынью, и копии чужих писем..., и утомительные вирши, примехонько со школьной скамьи, и занимательная беседа на привале, и нечто вроде инсценированного диалога, или даже групповой сцены, такой выразительной, как будто это фрагмент комедии пера самого Александра Фредры»¹⁴. Разные, еще не ставшие самостоятельными, жанры существуют в этом произведении одновременно и складываются в причудливую словесную и образную мозаику.

Сходный процесс протекает и в польском изобразительном искусстве, где рождающийся бытовой жанр проникает в библейскую композицию, историческая живопись сочетается с портретом, а в самом портрете господствует разнообразие принципов изображения человеческой личности — от приемов, близких немецкому и голландскому искусству XVII в., до совершенно условных, узорно-орнаментальных решений; до проницательной характеристики до почти народных картинок, непосредственных и наивных. При этом влияние народного искусства, не столько отдельных его приемов, сколько самой стихии художественных представлений, восприятия цветовой плоскости, линии, орнамента как важнейшего изобразительного принципа, явственно сказывается в подавляющем большинстве произведений сарматской портретной живописи.

Здесь еще трудно говорить о «влиянии» народного искусства, так как оно само еще только оформлялось как автономный вид творчества (польские исследователи считают, что расслоение искусства на элитарное и народное происходило лишь в XVI в.)¹⁵. Это был момент переходного состояния, когда мировоззренческие и эстетические идеалы шляхты находили свое органическое выражение в формах недифференцированного искусства, на одном полюсе которого находятся простонародные гравюры или картинки на стекле, а на другом — произведения профессиональных мастеров европейского уровня. Оба эти начала сосуществуют, рождая особую эстетику лучших сарматских портретов, в которых гибкий ритмический узор свободно проведенных линий, уверенная броскость локальных, звучных цветковых плоскостей в сочетании с меткой, но обобщенной характеристикой лица модели рождает ощущение серьезного искусства, отлично владеющего суммой свойственных ему изобразительных принципов, своеобразного, но отнюдь не примитивного. В нем нет ни суетливости, ни дробности. Оно естественно монументально, и в таких работах, как, например, портрет Романа Сангушки (Краеведческий музей в Тарнове, начало XVII в.), поднимается до подлинных высот художественного обобщения, создавая великолепный образ целого сословия.

Эта же стадия развития живописи вызвала к жизни труменный портрет, вобравший в себя все наиболее характерные ее черты. Крепившийся на торцовую стенку гроба, после похорон он часто помещался с соответствующей надписью на стену костела, где играл уже роль эпитафии, заменяя средней и мелкой шляхте дорогостоящие мраморные надгробия, которые распространялись в то время и сильное влияние стиля которых явственно улавливается в этом портрете¹⁶ (рис. 4).

¹⁴ R. P o l l a k. Jan Pasek. Pamiętniki. Warszawa, 1955, Wstęp, s. 6.

¹⁵ См. K. P i w o s k i. Niektóre zagadnienia teorii sztuki ludowej. «Studia Estetyczne», t. III. 1966, s. 35—37. Другие исследователи (Я. Тазбир) считают, что и в XVII в. сохранялась большая культурная общность, которая оказывалась «одним из факторов национальной интеграции» (См. J. T a z b i r. Ibid., s. 19).

¹⁶ Данные о сарматских похоронах содержатся почти во всех работах, посвященных искусству и культуре того времени. Наиболее серьезно рассмотрена эта сторона старопольской обрядовой культуры в небольшой, но содержательной, использующей большой материал эпохи книге С. Виленского («U źródeł portretu staropolskiego»).

Рис. 4. Трудный портрет Зозфи Боской. XVII в. Масло на железе. Национальный музей в Варшаве

Нагробный портрет имел, таким образом, очень точное назначение: он должен был представить усопшего, скрытого в гробу (иногда похороны происходили через несколько месяцев после смерти; может быть, такой обычай и вызвал потребность еще раз напомнить его черты) «*ad vivum*». Такой характер изображения, когда «как живой» изображался человек, заведомо мертвый, уже оплаканный близкими, исключал и слишком бытовую трактовку образа, и малейшее легкомыслие. Концентрированности внутреннего содержания соответствовало то, что живое лицо сочеталось с абстрактным, пустым фоном, точно залитым серебристым холодным светом (надгробные портреты всегда сохраняют этот цвет металла в своих фонах — они писались по олову, железу, редко по серебру), светом «ниоткуда», что рождало острое и странное впечатление, что умерший общается с близкими, глядя на них как бы из иного мира. Прикрепленный к изголовью гроба, портрет возвышался над толпой на высоком траурном катафалке, поставленном посреди церкви под сенью траурных знамен. Все вместе создавало своеобразную, мрачно-торжественную паратеатральную ситуацию, в которой изображение играло роль своего рода «*memento mori*». Подобная многозначность искусства очень характерна для барокко.

Известно, что погребальные портреты не только писались с умерших, но иногда копировались с уже существовавших произведений, а иногда даже заготавливались художником впрок: работая над чьим-нибудь портретом, он одновременно делал с него копию, которую заканчивал в случае смерти заказчика. Однако даже в этом случае мастер не мог не ощущать, что пишет усопшего, готовит ему памятник — и лучшим из погребальных портретов нельзя отказать в оттенке особого чувства. Для людей того времени естественно было трактовать момент смерти как важнейший момент бытия человека, готовящегося предстать перед вечным судьей и поэтому отрицавшего все земное и суетное. Отсюда такая серьезность и сосредоточенность лучших нагробных портретов, их замкнутость в себе и строгость. Собственно, для современников, наверное, это и был портрет души, еще хранящей телесную, земную оболочку. То, что анонимные мастера смогли так ощутить портрет, найти соответствующие средства выражения, говорит об их причастности к идейным доминантам барокко: жизни и смерти, духа и плоти, бренности земного и вечности. Влияние религиозных и философских систем XVII в. ощутимо в шестиугольных изображениях парадно одетых шляхтичей и шляхтянок, приоров и монахинь, представленных одухотворенными, что кажется неожиданным и совсем не подходящим «по рангу» скромной провинциальной живописи.

Той концентрированности содержания, о которой говорилось выше, соответствует емкость живописных средств, опирающихся на большую традицию средневекового польского искусства. Большинству художников тру-

Из советских авторов этой теме касается П. Білецький, рассматривая черты сарматской культуры в своей книге об украинском портрете. См. П. Білецький. Український портретний живопис XVII—XVIII ст. Київ, 1969, стор. 108.

менных портретов органически присуще особое чувство плоскости, всегда идеально соблюденной, несмотря на то что лицо изображается с попыткой дать светотеневую, объемную моделировку. Лицо с его свежим инкарнатом соотносится с пустым холодным фоном через орнаментальный узор одежды, плоские локальные пятна волос, украшений, кружев. Им вторит рисунок герба, надпись или отдельные буквы инициалов. Крайняя лаконичность обобщенного контура, очерчивающего плечи и голову, умение оперировать небольшим полем, еще и неправильной формы, заставить максимально зазвучать серебряный цвет фона, соотнеся с ним цвета одежды, — все это делает лучшие сарматские погребальные портреты полноценными художественными произведениями своей эпохи.

Орнаментальное начало во многих этих портретах подчеркнуто еще и богатой резной металлической рамой, с изображением растительного орнамента. Лицо смотрит из нее, как лицо святого с какого-нибудь алтаря работы польских мастеров XVI — начала XVII в. Обычно говорят о влиянии портретных изображений на религиозную живопись XVII в. (в Польше и на Украине), что, действительно, имело место. Но, очевидно, существовала и обратная сторона: традиции церковной религиозной живописи накладывали сильный отпечаток на рождающиеся светские формы искусства. Наконец, здесь также есть связь с фольклоризацией польского изобразительного искусства того периода, что имеет, видимо, несколько источников. Мы остановимся на одном из них, который для Польши имел особое значение.

Часто фольклорная окрашенность искусства, знаменующая отход от официальной ортодоксии церкви, трактуется как рост антицерковных настроений, как признак секуляризации. Но история польской культуры XVII в. говорит о другом. Когда церковь, в одних случаях, смотрела сквозь пальцы на оживление языческих обрядов где-нибудь на Жмуди или в Белоруссии, когда она, не отвергая традиционные праздники, сложившиеся в народе, переносила их на дни церковных празднеств, а, в других случаях, в церкви можно было услышать песнопение на распространенный мотив песенки «Сидел заяц под межой», или встретить среди алтарной живописи царя Давида, одетого по-польски, — все это было не протестом против «навязанной сверху» идеологии, а осуществлением четкой программы католической церкви и особенно ордена иезуитов. (Правда, в среде церковников были сторонники и более ортодоксальной, «римской» ориентации, но не они решали дело.)¹⁷

Не случайно в угоду местному населению, далекому от понимания сложных религиозных доктрин, находившемуся на уровне неразвитого религиозного сознания, поощрялись многочисленные культы местных святых, нередко своеобразно сплетавшиеся с живыми еще остатками языческих представлений.

«Церковь за сто лет (считая от принятия тридентских установлений) стала более народной, чем за несколько предыдущих веков»¹⁸, — пишет Я. Тазбир. Этот процесс нашел свое отражение в изобразительном искусстве. Оснащенная реалиями народной жизни, по возможности близкая к действительности, живопись вызывала у простолюдина представление о том, что «вся священная история происходила в Польше, что все это — почти наша современность и что здесь мы находимся в своем домашнем кругу»¹⁹.

¹⁷ J. T a z b i r. Ibid.

¹⁸ Ibid., s. 128—129.

¹⁹ A. B r ü c k n e r. Polska, jej dzieje i kultura, t. II. Warszawa, b. d., s. 384. Очень хорошо видна деятельность церкви в этом отношении на примере народной ксилографии: в XVII—XVIII вв. это демократическое, широкое и острое по своей тематике искус-

Вот почему в Польше взаимопроникновение фольклорных мотивов и элементов церковного искусства совсем не означало роста секуляризации искусства и превосходно уживалось с мессианизмом шляхты. Напротив, струя социально окрашенного, связанного преимущественно с городской культурой искусства, развитого в XVI — начале XVII в., была в то время задавлена.

Это лишь усугубляло нерасчлененность светского и церковного искусства, но с другой стороны — создавало его своеобразие. Нам кажется, что труменный портрет и возник на таком стыке. И серебряные фоны (столь привычные в польской церковной живописи XVI — начала XVII в.), и сходство с изображением святых, которое легко можно обнаружить в трактовке образов церковных владык, равно как и в надгробных портретах, и некоторый «донаторский» оттенок в сарматском портрете вообще, и обилие эпитафий, и целый ряд других черт говорят о такой общности. Углубленная разработка этой темы могла бы прояснить много черт и особенностей польской живописи периода сарматизма.

Наконец, еще одно слагаемое, которое нельзя упустить даже при беглом обзоре сарматского портрета: проблема восточных влияний, возросших как раз в XVII в., в годы могущества Оттоманской Порты, оказавшей воздействие на всю Европу (следует учитывать и активность армянских колоний, например, во Львове), в первую очередь на те страны, с которыми турки непосредственно соприкасались — т. е. Польшу, Венгрию, Украину, Сербию. Контакт был длительным и постоянным: обмен посольствами, торговые связи в большой мере сформировали польскую (и венгерскую) моду тех времен, которая привлекала остальную Европу своей экзотикой.

Путешественник-француз Ле-Лабуер, сопровождавший королеву Марию Людвигу, так описывает свое впечатление от торжественного эскорта, состоявшего из знатных поляков: «...все, что греки писали о богатстве и роскоши древних персов, даже приблизительно нельзя сравнить с тем, что мы видели, а теперь не можем поверить, что глаза наши видели это на самом деле»²⁰.

Ковры и шатры, драгоценные ткани, военное снаряжение и конская сбруя, сам тип «степного рыцаря», неделями не покидающего седла, — все это неотрывно от влияния восточной культуры, как и то органическое ощущение орнамента, которое присуще польскому портрету²¹.

В последние десятилетия XVIII в. сарматский портрет как самостоятельное художественное явление, вместе с породившей его культурой, постепенно исчезает. Его традиции прослеживаются в живописи и в эпоху Просвещения, вплотную подходя к преромантическому искусству. Последней его яркой вспышкой было творчество Юзефа Фаворского, одного из лучших старопольских портретистов, расцветшее в 80-е годы XVIII в.

ство становится на службу религиозных представлений, интерпретируя несколько тем, вроде «Memento mori», иллюстрируя церковные тезисы, становясь своего рода «книгой эмблем для бедных», что убедительно показывает обзор развития этого вида искусства в книге Т. Северина «Старопольская народная графика». См. T. S e v e r u n. Staropolska grafika ludowa. Warszawa, 1956.

²⁰ Цит. по: J e a n d e L a b o u e r. Relacja z podróży królowej polskiej. В кн. Cudzoziemcy o Polsce, Relacje i opinie, t. I. Kraków, 1971, s. 245. И другие европейцы, посетившие Польшу в бурные десятилетия XVII в., писали в своих записках о восточном блеске, свойственном полякам, вспоминали «Тысячу и одну ночь». Не забудем, что и для Рембрандта казалось естественным вводить польский костюм в свои композиции, где должна была звучать нота экзотики и фантастики. Для всей Европы Польша по стилю жизни, обычаям, нравам, костюму казалась стоящей на границе западного мира и Востока.

²¹ T. M a ñ k o w s k i. Orient w polskiej kulturze artystycznej. Wrocław — Kraków, 1859.

Рис. 5. Юзеф Фаворский. Портрет Яна Пендзицкого. 1790 г. Холст. Масло. Национальный музей в Познани

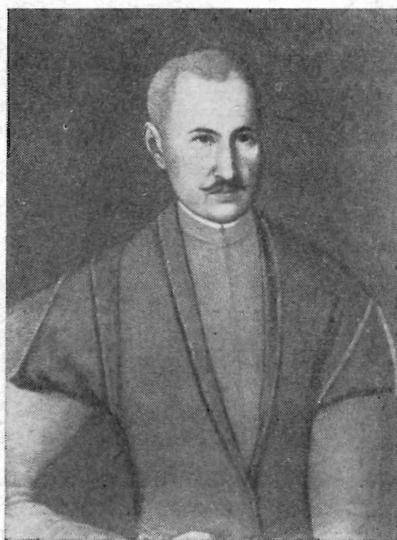

Рис. 6. Неизвестный польский мастер конца XVIII в. (предполагается Фаворский). Портрет шляхтича. Холст. Масло. Национальный музей в Варшаве

Фаворский, как бы играя, прихотливо использует черты сарматского портрета, доводя их до состояния рафинированности и тем самым знаменуя его конец. Строгость и изящество композиционных решений, тонкость цветовых сочетаний, соблюдение в целом образного строя сарматского портрета, при явном знакомстве с принципами тогдашнего западноевропейского искусства, придают работам Фаворского эффектность и особый эмоциональный строй (рис. 5, 6). Одной этой фигуры было бы достаточно, чтобы продемонстрировать оригинальность польской портретной живописи.

Несмотря на далеко не полную изученность наследия старопольского портрета, очевидно, что он является одной из наиболее цельных и характерных составляющих старопольской культуры, ее своеобразным вкладом в искусство европейского портрета.

ОБ ОДНОМ СЛУЧАЕ СВЯЗИ СОГЛАСОВАНИЯ С
ОПРЕДЕЛЕННОСТЬЮ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

1. ПРАВИЛО ПОТЕБНИ

А. А. Потембе принадлежит следующее наблюдение: «Весьма рано числительные количественные 5—10 становятся существительными собирательными, т. е. согласуются со сказуемым во множественном числе. В ссл., быть может, под влиянием греческого это бывает по правилу там, где в греческом стоит числительное с членом (где оно без члена, там в славянском сказуемое в единственном числе)»¹.

В качестве примера Потембе приводит притчу о семи братьях из евангелий от Луки и от Марка:

«СѢДМА ОУВО БРАТРИѢ ВѢ ... КАСѢ ... СѢДМА ОУМАРѢША НЕ ОСТАВАШЕ ЧАДЪ ...
... СѢДМА БО ИМѢША ІЖ ЖЕНЖ МАРЬИН. ев.—ἐπτά οὖν ἀδελφοὶ ἦσαν... καὶ οἱ
ἐπτά οὐ κατέλιπον τέκνα καὶ ἀπέθανον ... οἱ γὰρ ἐπτά ἔσχον αὐτὴν γυναῖκα. Лук.,
XX, 29, 31, 33. і поѣса ѣ сѣдма и не оставиша сѣмине ... егда коскръзѣнжѣ
котоороумоу ихъ вѣдетъ жена, сѣдма бо ихъ имѣша іж женж, ів.—ἐλαβον
αὐτὴν οἱ ἐπτά ... οἱ γὰρ ἐπτά ἔσχον αὐτὴν γυναῖκα. Марк, XII, 22—3»².

Для полноты картины приведем параллельное место из евангелия от Матфея:

вѣ же кз насъ сѣдма братри, ѣ ... каси бо имѣша іж Мар. ἦσαν δὲ παρ'
ἡμῖν ἐπτά ἀδελφοὶ ... πάντες γὰρ ἔσχον αὐτὴν Мф., XXII, 25, 28.

Потембе говорит, что возможны и исключения и в качестве примера приводит: «и егда исплзниша сѣ осма днии Мар. ев. (по Остр. ев.—исплзниша сѣ осма днии)... Лук., II, 21»³. Форма мн. числа также в Саввиной книге. В Зогр. и Ассем. здесь единственное число. Для объяснения возможности появления множественного при отсутствии члена в греческом существе весь контекст, поэтому мы приведем окончание предложения: ... да и обрѣжжѣтѣ и весь греческий текст⁴: Καὶ ὅτε ἐπλήσθησαν ἡμέραι ὀκτώ τοῦ περιτεμεῖν αὐτόν. Речь идет о тех определенных восьми днях, которые предписывались законами Моисея, поэтому значение определенности передается всем контекстом.

Противопоставление по определенности-неопределенности строится следующим образом: указание на то, что имеются в виду все объекты

¹ А. А. Потембе. Из записок по русской грамматике т. III. М., 1968, стр. 351.

² Там же. Текст выверен по изданию Ягича. (И. В. Ягич. Маринское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. СПб. 1883).

³ А. А. Потембе. Там же стр. 352. У Потембе неточно: в Остромировом евангелии стоит начальн сѣ.

⁴ По изданию: «Novum Testamentum Graece recensuit Constantinus Tischendorf». Lipsiae MDCCCXCVI.

данного класса, предполагаемые ситуацией (значение определенности, причем, если речь идет о форме ед. ч., обозначающей один объект, то имеется в виду единственный объект данного класса) противопоставлено отсутствию такого указания (значение неопределенности)⁵. Именно такое значение определенности и обнаруживается в приведенном примере.

А. А. Потебня в сущности сформулировал правило, по которому в счетных конструкциях форма мн. ч. глагола отражает значение определенности существительного, а форма ед. ч. — значение неопределенности. Мы будем называть эту закономерность «правилом Потебни». Заметим, что в данной формулировке правило Потебни может рассматриваться и как внутренняя закономерность старославянского языка — вне зависимости от формы греческого оригинала.

Прежде всего необходимо проверить это правило на более широком материале. Ниже в таблице мы приводим данные о переводе сочетаний типа «числительное (5 и более) + существительное + личный глагол» по Маринскому и Зографскому евангелиям целиком с соответствующими местами из двух апракосов (Саввина книга и Ассемиев кодекс). Приводится только русский перевод, для старославянского выписывается лишь форма глагола, для греческого указывается наличие члена (сокращенно: член.) или его отсутствие (сокращенно: нечлен.).

Всего нам встретилось (если отвлечься от формы дв. ч. в Лк. IX, 12) 28 употреблений конструкции «числительное + существительное + личный глагол», причем в 25 случаях правило Потебни выполняется: в 8 случаях при наличии члена в греческом — форма мн. ч. глагола в старославянском, а в 17 случаях нечленной форме соответствует ед. ч. глагола в старославянском⁶. Более того, для трех отклонений от правила Потебни, встретившихся нам, имеются оправдания. Отметим прежде всего, что именно в этих трех случаях между памятниками наблюдаются расхождения, в то время как в 25 случаях памятники удивительно единообразны. Во-вторых, речь идет о случаях, когда в греческом тексте член не употреблен, но контекст говорит об определенности. Создается неоднозначная ситуация, в которой формальное следование правилу Потебни требует принятия одного решения, а содержательное — иного. Отсюда, по-видимому, и разночтения в памятниках.

Одно место (Лк., II, 21), где Мар. и Сав. дают форму мн. ч. глагола, в то время как Зогр. и Ассем. (так же как и Остр.) — форму ед. ч., уже анализировалось, причем был приведен и более широкий контекст, показывающий, что существительное могло восприниматься и как определенное. Остановимся на втором месте (Лк., XVII, 17—18), которое целесообразно выписать теперь целиком: *οτὰρ ἔτι γὰρ κ̅ε̅ ἦν ἐν τῷ ρεχε. νε δεκατ̅α̅ λι ι̅κ̅ιστι̅α̅ σα. да δεката̅. како не обр̅ѣт̅ѣ̅ са (Мар., Ассем); ... како не обр̅ѣт̅ѣ̅ са. (Сав.) — ἀποκριθεῖς δὲ ὁ Ἰησοῦς εἶπεν οὐκ ἰοὶ οἱ δέκα ἐχαθαρίσθησαν: οἱ ἐνέα τοῦ; οὐχ ἐβρέθησαν ὑποτρέψαντες. Здесь при наличии члена и числительного оба текста дают мн. ч., но второй глагол стоит в Сав. в ед. ч.: *обр̅ѣт̅ѣ̅ са*. Контекст говорит об определенности, как и в случае с восемью днями, поэтому скорее следовало бы ожидать мн. ч. (как в Мар. и Ассем.). Однако имеется и противодействующий фактор: отсутствие вы-*

⁵ О возможности вывести из так понимаемого противопоставления остальные значения определенности см. И. И. Р е в з и н. О роли коммуникативного аспекта языка в современной лингвистике. «Вопросы философии», 1972, № 11, стр. 101—102.

⁶ А. Е. Супрун высказывает мнение, что два приведенные им случая колебания в памятниках говорят об отсутствии достаточно твердых норм в употреблении единственного и множественного числа. Приведенные факты, напротив, говорят о наличии нормы (А. Е. С у п р у н. Старославянские числительные. Фрунзе. 1961, стр. 85).

Таблица

Русский текст	Мар.	Зогр.	Сав.	Ассем.	Греческий текст
1. От Матфея					
XIV, 21: евших же было пять тысяч человек	БѢ	БѢАШЕ	БѢ	БѢ	Нечлен.
XV, 38: евших же было четыре тысячи человек	БѢША	БѢАШЕ	БѢ	БѢ	Нечлен.
XVIII, 12: будет у одного человека сто овец	БЖДЕТЪ	БЖДЕТЪ	—	БЖДЕТЪ	Нечлен.
XX, 24: слышав сие, десять вознегодовали	НЕГОДОКАША	—	—	—	Член.
XXII, 25: было у нас семь братьев	БѢ	—	—	—	Нечлен.
XXV, 2: из них пять было мудрых и пять неразумных	БѢ	БѢ	БѢ	БѢ	Нечлен.
XXVIII, 16: одиннадцать же учеников пошли в Галилею	ІАЖ	ІАОША	И(ДОША)	—	Член
2. От Марка					
VI, 44 и VIII, 9: было же евших около пяти тысяч мужей	БѢ	БѢ	—	—	Нечлен.
X, 41: десять начали негодовать	НАЧАСА	НАЧАША	НАЧАША	НАЧАША	Член.
XII, 20: было семь братьев	БѢ	БѢ	—	—	Нечлен.
XII, 22: брали ее за себя семеро	ПОЯСА	ПОЖША	—	—	Член.
XII, 23: ибо семеро имели ее женой	ИМѢША	ПОЖША	—	—	Член.
V, 13: было их около двух тысяч	БѢ	БѢ	—	—	Нечлен.
3. От Луки					
II, 21: когда исполнилось восемь дней	ИСПАЗНИШАСА	ИСПАЗНИСА	ИСПАЗНИШАСА	ИСПАЗНИСА	Нечлен.
VIII, 2: из которой вышли семь бесов	ИЗИДЕ	ИЗИДЕ	—	—	Нечлен.
IX, 12: двенадцать говорили ему	РѢСТЕ	РѢСТЕ	—	—	Член.
IX, 14: их было около пяти тысяч человек	БѢАШЕ	БѢАШЕ	—	—	Нечлен.
IX, 28: прошло восемь дней	БЫСТЪ	—	—	—	Нечлен.
X, 17: семьдесят учеников возвратились	КЪЗКРАТИША	КЪЗКРАТИША	КЪЗКРАТИША	КЪЗКРАТИША	Член.
XII, 6: не пять ли малых птиц продаются?	КѢНИТЪСА	КѢНИТЪСА	—	КѢНИТЪСА	Нечлен.
XII, 52: отныне пятеро в одном доме станут разделяться	БЖДЕТЪ РАЗДЕЛЕНЪ	БЖДЕТЪ РАЗДЕЛЕНЪ	—	—	Нечлен.
XIII, 14: есть шесть дней	ЕСТЪ	ЕСТЪ	ЕСТЪ	ЕСТЪ	Нечлен.

Таблица (продолжение)

Русский текст	Мар.	Зогр.	Сав.	Ассем.	Греческий текст
XVII, 12: встретили его десять прокаженных	сзрѣтѣ	сзрѣтѣ	сзрѣтѣ	сзрѣтѣ	Нечлен.
XVII, 17—18: не десять ли очистились? Где же девять? Почему не возвратились?	ичистиша са	ичисти- тиша са	ичистиша са	ичисти- ша са	Член.
XX, 29: было семь братьев	обрѣтѣж	—	обрѣтѣ	обрѣтѣ	Нечлен.
XX, 33: ибо семеро имели ее женой	вѣ	вѣ	—	—	Нечлен.
4. От Иоанна	имѣша	имѣша	—	—	Член.
II, 6: было же тут шесть водносов	вѣ	вѣ	вѣ	вѣ	Нечлен.

раженного субъекта при глаголе *обрѣтѣ са*, что делает возможным формальное, а не содержательное выполнение правила Потевни.

Разберем теперь третий пример (Мар., Мф., XV, 38): *ѣдзишѣ вѣша чѣтыри тышѣста мѣжа разѣтѣ женѣ и дѣти*. Нечленной форме существительного в греческом соответствует мн. ч. глагола в данном памятнике старославянского, хотя контекста определенности нет. Из приведенной выше таблицы видно, что в других памятниках здесь единственное число. Более того, в аналогичных местах (а именно: Мф., XIV, 21, Мр., VI, 44 и VIII, 9, а также V, 13, и, наконец, Лк., IX, 14) в обследованных памятниках единообразно употреблена форма ед. ч. В греческом оригинале во всех этих местах одна конструкция, например, Мф., XV, 38: *οἱ δὲ ἐσθίοντες ἤσαν τετρακισχίλιοι ἄνδρες χωρὶς παιδίων καὶ γυναῖκων*. Вряд ли здесь можно предполагать влияние члена при субстантивированном причастии *οἱ ἐσθίοντες*. Скорее мы имеем в указанном месте из Мариинского кодекса контаминацию двух конструкций, а именно полной кальки с греческого: *ѣдзиши же вѣша*⁷ и вполне идиоматической славянской конструкции *вѣ же ѣдзишѣ*.

Существенно, что ед. ч. глагола вообще никогда не используется при членной форме существительного. Так, в сложных числительных *едини на десѣти*, *оба на десѣти* согласование, вообще говоря, определяется первым компонентом. Тем не менее в Мф. XXVIII, 16: *едини же на десѣти оученикѣ идѣжъ къ галилаѣ* (Мар.), где в греческом употреблен член, стоит мн. ч. При *оба на десѣти* (Лк. IX, 12) стоит дв. ч. — в греческом членная форма существительного, в то время как в контекстах, где существительное выступает как неопределенное, употребляется ед. ч. глагола. Так, А. Е. Супрун приводит следующее место из Супрасльской рукописи: *дѣка на десѣти ихѣ ѣста*⁸.

Итак, согласование по множественному числу (точнее: неединственному) свидетельствует об определенности, согласование по единственному числу в подавляющем большинстве случаев сигнализирует о неопределенности. Каковы же причины действия правила Потевни?

⁷ Заметим, что конструкция *вѣша же ѣдзиши* действительно приводится И. Вайсом как встретившаяся в одном из апракосов, использованных им при реконструкции, а именно на месте Мр. VI, 44. «Evangelium sv. Marka». Text rekonstruovánu. Vydal Josef Vajs. Praha, 1935, s. 27.

⁸ А. Е. Супрун. Там же, стр. 88.

2. ВОЗМОЖНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ ПРАВИЛА ПОТЕБНИ

Представляется, что правило Потевни возникает на пересечении действия многих внешних и внутренних, собственно языковых факторов. Чтобы их выявить, необходимо ответить на ряд вопросов. Прежде всего, сознательно ли переводчики использовали мн. ч. в тех случаях, когда в греческом тексте был член? Мы считаем, что это был вполне осознанный прием перевода. Об этом свидетельствует единообразие текстов в употреблении форм ед. и мн. ч. в данных конструкциях. Второй и главный вопрос — почему так поступали переводчики? Какой смысл они хотели передать, связывая с членом при существительном в греческом мн. ч. глагола в старославянском? Было ли это намеренное выражение значения определенности? Или, может быть, вначале это было лишь попыткой компенсировать упущение в смысле при передаче членной и нечленной формы одинаковым способом — упущение, которое бросалось в глаза двуязычным переводчикам или переписчикам? Попытаемся разобраться в этом, не предрекая окончательного решения.

Хотя категория определенности как таковая в старославянском языке, по-видимому, отсутствовала⁹, в некоторых фрагментах системы, например, при употреблении членных и нечленных форм прилагательных, наблюдается довольно высокая степень соответствия греческим формам с членом и без члена, хотя и здесь имеется целый ряд несоответствий¹⁰. Вместе с тем можно указать на такие случаи, когда отразить каким-нибудь образом значение определенности необходимо для передачи смысла и тем не менее оно не находит выражения в старославянском тексте. Особенно показательно следующее важное место (чтение на первый понедельник пасхи), с которого по преданию начал свой перевод Константин¹¹: Ио. I, 1 *икони вѣаши слоко | слоко вѣаши отъ ба | вѣ вѣаши слоко* (Мар.); *слоко вѣ оу ба и вѣ вѣ слоко* (Ассем.); *слоко вѣ отъ вѣ и вѣ вѣ слоко* (Остр.). Хотя, как видно, здесь имеются разночтения, всюду сохранен порядок *вѣ вѣ слоко*, являющийся копией греческого: *θεός ἦν ὁ λόγος*. Для адекватного перевода греческого предложения, по-видимому, необходимо выразить как-то различие по определенности, и в данном случае мог бы быть использован порядок слов¹² как наиболее гибкое средство для передачи противоположения нового и данного. Однако это значение не передано. Это может, конечно, объясняться сакральным характером данного текста и проистекающим отсюда буквальным следованием греческому оригиналу¹³. Приведем сходные примеры: Ио. IV, 24 (Мар.) *ахъ ехъ вѣ*, где был бы более естествен обратный порядок, ср. греч. *πνεῦμα ὁ θεός*; Лк. VI, 5 *глааши имъ ꙗко гъ естѣ ена чкъ сокотѣ* (Мар.); *га естѣ ена члѣзъ ежвотѣ* (Ассем.), где опять-таки первое существительное в греческом без

⁹ J. K u r z. K otázce členu v jazycích slovanských, se zvláštním zřetelom k staroslověnštině. «Byzantinoslavica», 1937—1938, roč. 7, s. 212—340; roč. 8, 1939—1946, s. 172—288.

¹⁰ Н. И. Толстой. Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке. «Вопросы славянского языкознания», вып. 2. М., 1957, стр. 51 и сл.

¹¹ J. K u r z. Evangeliař Assemanův. Praha, 1955, S. VII.

¹² Ср. в русской Библии: *и Слово было Бог*. Б. А. Успенский, обративший наше внимание на это место, считает, что правильное понимание подобного текста предполагает двуязычного индивида, мысленно подставляющего к славянскому слову греческий член.

¹³ Вообще в порядке слов старославянских памятников отклонения от греческого невелики, см. O. G r ü n e n t a l. Die Übersetzungstechnik der altkirchenslavischen Evangelienübersetzung. «Archiv für slavische Philologie», Bd. XXXI, 1910, S. 362—363.

члена, а второе с членом: *xóriós éstiv ó úiós τοῦ ἀνθρώπου καὶ τοῦ σαββάτου*; ср. в русской Библии: *Сын человеческий есть господин и субботы*.

Следовательно, определенность могла оставаться невыраженной даже и в тех случаях, когда в этом была явная потребность. Поэтому без дополнительных аргументов нельзя утверждать, что различное использование форм числа было продиктовано необходимостью отразить значение определенности, формально выраженное в греческом тексте.

Вернемся теперь к вопросу о форме глагола при счетной конструкции. Каковы синтаксические отношения между членами конструкции? Известно, что числительные от 5 до 9 по происхождению представляли собой существительные женского рода единственного числа. Известно также, что превращение существительных в числительные сопровождалось утратой грамматических категорий рода и числа. Между двумя конечными точками этого процесса находится длительный период переходного состояния. К какому моменту следует приурочить ту ситуацию в старославянском языке, с которой имели дело переводчики? Трудность состоит в том, что конструкция типа *пѣтъ вѣ* не поддается однозначному толкованию. Числительные от 5 до 9, как известно, согласовались в старославянском языке с определяющими их прилагательными и местоимениями. Если ориентироваться только на атрибутивную синтагму, то следует считать, что глагол *вѣ* согласуется с существительным *пѣтъ*¹⁴ и конструкция является обычной личной конструкцией. По нашему мнению, однако, согласование числительного с атрибутом не является бесспорным доказательством личности конструкции¹⁵. Необходимо проверить согласование по роду в глагольной синтагме. Формы аориста, имперфекта, настоящего времени не родоизменяемы и нужного ответа не дают. Но уже в старославянском языке отмечены конструкции, в которых сказуемое имеет форму среднего рода единственного числа: *два на десѣте сѣхѣ пачѣ вѣашѣ избѣрано* (Супр. 409)¹⁶. Этот факт мы считаем чрезвычайно важным. Очень знаменательно, что на уровне словосочетания числительное ведет себя как существительное, а на уровне предложения, где собственно и возникает признак лица, согласование отсутствует. Связь с определением является более тесной и более формальной, в ней дольше сохраняются черты прежнего состояния, в то время как связь с предикатом более свободна и скорее отражает черты нового. Поэтому они могут оформляться по разным правилам. В этой связи можно напомнить примеры на слова, переходящие в «категорию состояния». Они также сочетаются в предикативной синтагме с глагольной формой среднего рода, но лишь на конечном этапе своего развития теряют способность иметь определение, ср.: *пора было ехать — прекрасная пора, жаль было уходить — разговорное такая жаль*, отмеченное А. М. Пешковским¹⁷. Отказ от обязательного согласования по роду сигнализирует в таких случаях о том, что слово не несет свойственного ему родового значения. Поскольку же род есть классифицирующая категория и изменение по нему невозможно,

¹⁴ Подобным образом анализируют конструкцию *пѣтъ вѣ* в Остр. С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов («Хрестоматия по истории русского языка», ч. I. М., 1952, стр. 13).

¹⁵ Сочетания *каждую пять* отмечены в языке М. В. Ломоносова, хотя в этот период выделение числительных в особую часть речи уже совершилось. (См. В. И. Чернышев в в. О нарушении согласования в русском языке. «Избранные труды», т. I. М., 1970, стр. 198).

¹⁶ А. Е. Супрун. Там же, стр. 89; е го же. Славянские числительные. Минск, 1969.

¹⁷ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6. М., 1938, стр. 330.

потеря словом родовой характеристики ведет к выходу его из класса существительных.

Итак, мы считаем, что в период перевода Евангелия уже начался процесс потери существительными-числительными предметности. Показательно, что переводчики не воспользовались для передачи определенности таким, казалось бы, естественным средством, как указательное местоимение при числительном-существительном. Очевидно, таким образом не удавалось снять значение неопределенности, исходящее от глагольной формы. Возможно также, что поскольку числительное теряло предметность, постольку же оно теряло и способность быть определенным, и переводчики связывали это значение с существительным (данни, мжжз и т. д.).

Существуют разные точки зрения относительно личности-безличности конструкций с числительными 5—9¹⁸. А. Е. Супрун приходит к таким выводам: «Трудно отрицать полностью и безличный характер сказуемого (быть может, с несколько ослабленной безличностью, с двоякой возможностью понимания сказуемого). Трудно решить вопрос о таких предложениях, а особенно в старославянском языке, со статической позиции»¹⁹.

С нашей точки зрения есть достаточные основания предполагать, что безличный характер глагола в счетных конструкциях ощущался переводчиками. Введение мн. (или дв. ч.) устраняло безличность. Возникает вопрос, как связана безличность с неопределенностью.

Во-первых, заметим, что в исследованных нами памятниках в 13 случаях (из 19 случаев употребления форм ед. ч.) выступает экзистенциальная конструкция с различными формами глагола *быть*, например, *ѣѣ же седма братриа*. В таких конструкциях числительное + существительное легко воспринимается как предикатив при безличной связке (для современного русского языка безличный характер подобных предложений был блестяще доказан А. А. Шахматовым²⁰, заметившим возможность их употребления с безличным *оно*; ср. *больше ста человек оно будет* при невозможности **больше ста человек оно будут*). Существительное в предикативе всегда неопределенное (ср. предикативное употребление нечленных форм прилагательного в старославянском, оформление предикативного существительного неопределенным артиклем в западно-европейских языках, а также болгарский перевод подобных конструкций при помощи безличного *има*, *имало*, после которого, как правило, употребляется *един*). Что касается остальных случаев употребления ед. ч., то в них счетная группа может быть интерпретирована как предикативный атрибут, т. е., например, конструкция *изиде седма ѣѣсз* как трансформационно возникшая из двух: *ѣѣ седма ѣѣсз* и *изиде*. Именительный падеж в предикативе и (или) в предикативном атрибуте вполне закономерен, и нет нужды прибегать к искусственному объяснению, что именительный появился здесь на месте «винительного меры»²¹.

Во-вторых, безличная конструкция, как это хорошо известно, не всегда означает отсутствие субъекта. А. М. Пешковский отмечал, что в подобных случаях «глагол имеет безличный смысл (ни с чем не согласован)»

¹⁸ Ср. изложение вопроса: А. Е. Супрун. Старославянские числительные стр. 88—89.

¹⁹ А. Е. Супрун. Там же, стр. 90.

²⁰ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1925, стр. 129.

²¹ O. Gr ün e n t a l. Ibid., S. 522.

и «такие предложения можно было бы назвать безличными предложениями с именительным количеством»²².

Таким образом, противопоставление *пять человек пришло* — *пять человек пришли* связано не с наличием — отсутствием субъекта, а с тем, как этот субъект трактуется. До известной степени сходное отношение имеется в противопоставлениях типа *людей собралось* — *люди собрались*²³, а также *убило молнией* — *убила молния*. При глагольной форме среднего рода ед. ч. называемый субъект не исчерпывает всего множества действующих субъектов в данной ситуации, вследствие чего такой субъект может, в частности, трактоваться как неопределенный (ср. приведенное на стр. 54—55 понимание определенности).

Итак, правило Потебни получает следующее объяснение: первые переводчики, обладая хорошим чутьем языка, не употребляли формы ед. ч. глагола при передаче сочетания с членным существительным потому, что соответствующая славянская конструкция воспринималась как безличная и субъект в ней был неопределенным.

По-видимому, мн. ч. используется первоначально для того, чтобы сделать конструкцию личной. При этом показатель мн. ч. в глаголе возникает в тексте каждый раз, когда в греческом имеется член. Значение определенности по своей природе таково, что оно фиксируется в контексте (данное — новое, упомянутое ранее событие — первое название). Правила употребления члена переносятся на появление в тексте мн. ч. глагола. С другой стороны, следует иметь в виду, что в счетных конструкциях значение самой категории числа нейтрализовано, так как идея множества выражена в числительном. Показатель множественности в глаголе является свободным и может быть наполнен другим содержанием. Имеется, таким образом, значение определенности, ищущее выражения, и форма мн. ч., готовая воспринять добавочное содержание. Происходит соединение маркированных членов категорий определенности и числа. Так объясняется действие второй части правила Потебни в старославянском языке: форма мн. ч. в глаголе в сочетаниях с числительными передает определенность: «было семь братьев» — ставится форма *ѣ*, так как идет первое упоминание; «ибо семеро имели ея женою» — *имѣша*, так как речь идет об известных братьях.

Необходимо сказать еще несколько слов об условиях действия правила Потебни. Это позволит понять положение в современных славянских языках и, вместе с тем, увязывает данный случай связи числа и определенности с другими фактами взаимодействия этих категорий.

Первая предпосылка для реализации правила Потебни, очевидно, состоит в том, что группа числительное + существительное должна сочетаться с формами обоих чисел. Иначе говоря, категория числа должна быть в данной конструкции свободной от собственного содержания, только тогда ее формальный аппарат может быть соединен со значением другой категории.

Вторая предпосылка состоит в следующем. Правило Потебни могло проявиться лишь при условии усвоения корпуса старославянских текстов, где, как мы видим, за каждой формой мн. ч. глагола в счетных конструкциях стоит правило употребления греческого определенного члена. Иначе связь форм числа и определенности разрывается, потому что она, во-первых, произвольна и, во-вторых, неоднозначна (см. ниже). Таким образом, правило Потебни в принципе можно обнаружить только в том

²² А. М. Пешковский. Там же, стр. 336.

²³ Ср. анализ этих противопоставлений в работе: R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. «Travaux du Cercle linguistique de Prague», № 6, 1936.

из новых славянских языков, в котором компетенция носителей языка была основана на непосредственном воздействии старославянских текстов.

Следует отметить, что правило Потевни — не единственный случай взаимодействия числа и определенности. Так, значение определенности проявляется в том случае, когда свойство, названное предикатом, может быть отнесено и ко всему классу объектов данного рода и к каждому его экземпляру: *к хвойным относятся сосна, ель, кедр* (т. е. все сосны, кедры, ели). Во-вторых, можно указать на употребление мн. ч. для обозначения неопределенного объекта, когда речь идет об открытом ряде объектов, который может постоянно быть пополнен из множества ему подобных, например, *осторожно: здесь гвозди* (какой-то гвоздь)²⁴. В этих случаях предпосылкой для передачи значения определенности-неопределенности является опять-таки нейтрализация значения числа. Но связь членов двух оппозиций в данном случае иная, чем в правиле Потевни: ед. ч. передает определенность, а мн. ч. — неопределенность. Это заставляет думать, что внутренней обязательной связи между членами категорий числа и определенности нет, каждое из чисел может в принципе выражать оба значения категории определенности.

Вместе с тем есть основания предположить, что при некоторых особых условиях маркированное значение категории (в данном случае множественного числа в сравнении с единственным) способствует определенности имени. Так, если в самой основе слова или в определяющем его члене уже имеется указание на совокупность или количество, то вторичное применение семантического признака множественности является внутренним фактором, усиливающим значение определенности. Именно такая ситуация складывается при применении правила Потевни, когда признак мн. ч. (имѣша), содержащийся в глаголе, накладывается на значение совокупности объектов, представленное в именной группе (*стама братриѣ*). Возможно, близкую роль играет показатель мн. ч. в тюркских языках²⁵.

3. ПРАВИЛО ПОТЕВНИ И ПОЛОЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Эволюция правил согласования глагола с количественным подлежащим и ситуация в современных славянских языках детально исследованы А. Е. Супруном²⁶. А. Е. Супрун выделяет три пути развития согласования: «болгаро-македонский», «чешский», «восточнославянский». «Болгаро-македонский» путь состоит в обобщении форм множественного числа, которое употребляется в подавляющем большинстве случаев как в сочетаниях с числительными 2—4, так и с числительными 5—9. «Чешский» путь характеризуется тем, что при различных числительных используются разные формы числа: множественное число, если представлены числительные 2, 3, 4, и единственное число при числительных от 5 до 9. Наконец, для «восточнославянского» пути характерна недетер-

²⁴ См. об этом: И. И. Ревзин. Так называемое немаркированное множественное число в современном русском языке. «Вопросы языкознания», 1969, № 3.

²⁵ В башкирском *ам* 'конь' передает идею как индивидуальной, так и коллективной неопределенности, т. е. указывает как на одного коня, так и на их совокупность. Добавление аффикса множественного числа *-лар* — *амтар* 'лошади' — сообщает имени значение коллективной определенности. Характерно, что такое же действие оказывает присоединение показателей винительного и родительного падежей по сравнению с немаркированной формой именительного падежа. (Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948).

²⁶ А. Е. Супрун. Славянские числительные.

минированность, т. е. — в целом — возможность употребления обеих форм числа.

Эти три пути развития нас интересуют с точки зрения того, какие предпосылки складываются в них для выполнения правила Потебни. Выше указывалось, что правило Потебни предполагает возможность употребить с одним и тем же сочетанием числительное + существительное и единственное и множественное число глагола. Поэтому его реализация невозможна ни в болгарском и македонском языках, где обобщается форма мн. ч., ни в чешском и словацком языках, где, как отмечает А. Е. Супрун, «нейтрализация числа происходит лишь по отношению ко всему классу числительных, в то время как отдельные из них всегда имеют при себе одно или другое число сказуемого, почти не допускают использования того и другого числа»²⁷. Отсутствие какой-либо корреляции между определенностью и числом в чешском языке наглядно демонстрируют примеры типа *tech dvanáct mužů povstalo* где определенность существительного подчеркивается указательным местоимением, в то время как глагол употреблен в безличной форме²⁸.

Остается, таким образом, «восточнославянский» путь, где в принципе согласование может происходить по обоим числам. При этом, однако, следует разграничить ситуации конкретных языков. Так, в сербско-хорватском языке при числительных 2—4 ед. ч. употребляется редко, «главным образом, при обозначениях времени и арифметических действий»²⁹, а при числительных типа *pet* преобладает форма ед. ч. Кроме того, — и это чрезвычайно существенно — во мн.ч. глагола имеется различие по родам, так что даже конструкции *još su mu ostala dva sina* 'у него осталось еще два сына', при том, что форма *ostala* может трактоваться по-разному (как пережиток дв. ч., ж. ед. или ср. мн.), являются личными³⁰. В результате здесь нельзя назвать общей для всех сочетаний числительного с существительным оппозиции двух глагольных форм, которая могла бы взять на себя выражение определенности.

В польском языке сочетание количественного наречия с существительным может выступать либо в форме родительного — винительного множественного (*dwóch panów*), либо в форме именительного множественного (*dwaj panowie*). В таких случаях две формы числа глагола оказываются связанными с разными способами оформления субъекта. Вторым противодействующим фактором является наличие лично-мужской и вещной глагольных форм (*przyjechały — przyjechali*). В результате для оппозиции числа глагола при количественных группах возникает более двух возможностей, что препятствует выражению через нее бинарного противопоставления по определенности. Наконец, можно отметить, что в сочетаниях с числительными *pięć* и выше мн.ч. встречается гораздо реже ед. ч.³¹ Таким образом, в сербском и польском языках внутренние факторы — неравноправие двух чисел в сочетании с разными видами числительных, множественность выражения сказуемого благодаря родовым различиям, нетождественность построения субъектной группы для поль-

²⁷ Там же, стр. 192.

²⁸ Fr. T g a v n i ě e k. *Mluvnice spisovné češtiny*, t. II. Praha, 1951, s. 1038.

²⁹ А. Е. С у п р у н. Славянские числительные, стр. 176.

³⁰ Различные трактовки этой формы см. А. Е. С у п р у н. Там же, стр. 175—176; В. П. Г у д к о в. Сербохорватский язык. М., 1969, стр. 91—92; Y. F r a n ě i ě. *Gramatyka opisowa języka serbochorwackiego*. Warszawa, 1963, s. 272.

³¹ S. S z o b e r. *Gramatyka języka polskiego*. Warszawa, 1963, s. 307, 323. С. Шобер рассматривает целый ряд случаев когда субъект в польском языке выступает не в именительном, а в косвенном падеже и предлагает в таких случаях говорить о логическом субъекте в противоположность логико-грамматическому (*ciemny las widniał z daleka*) или только грамматическому субъекту (*Na niebie świeciły miliony gwiazd*)

ского языка — препятствуют возникновению закономерностей типа правила Потебни. Поэтому в польском вполне возможны конструкции *tych trzech panów przyszło* или (*te wszystkie*) *sześć polków zostało zniesionych*, отмечаемые А. А. Потебней³².

Что касается восточнославянских языков, то они, как отмечает А. Е. Супрун, исключительно близки между собой по правилам согласования сказуемого с количественным подлежащим. Общими для всех трех языков являются возможность употребления обоих чисел в группах 2—4 и 5—9 (хотя в первой группе множественное число преобладает) и воздействие на форму числа дополнительных факторов: прямой/обратный порядок слов (при обратном порядке — единственное число), наличие определения (требует множественного числа), конструкции с глаголом *быть* (ср. сказанное в § 2).

В белорусском и украинском языках связь между определенностью и согласованием в отчетливом виде не обнаруживается. В украинском литературном языке с определением *ці* и *всі* употребляется множественное число (*Прийшли всі 262 чоловіка, Ці два мінерали входять у різні групи*), но вместе с тем вполне возможны конструкции типа *тих 5 чоловік прийшло*³³. Здесь, конечно, следует учесть влияние западнославянских языков, но особенно важно обратиться ко второй предпосылке для функционирования правила Потебни: к преемственной связи со старославянскими текстами. Эта предпосылка отсутствовала и в созданном на народной основе сербско-хорватском языке, и — по понятным причинам — в польском (католицизм). Но по отношению к сербскому и польскому языкам этот внешний фактор играл второстепенную роль, поскольку, как мы пытались показать, в этих языках были внутренние противодействующие факторы для выполнения правила Потебни. По отношению же к белорусскому и украинскому языкам отсутствие преемственной связи со старославянскими текстами оказалось, решающим.

Обратимся теперь к русскому литературному языку и отметим прежде всего, что в этом языке — единственном из всех славянских — присутствуют все условия для функционирования правила Потебни. Это, во-первых, возможность употребить оба числа при сочетании числительного с существительным, причем при числительных от 5 до 9 оба числа, по подсчетам А. Е. Супруна, равновероятны. Во-вторых, субъектная группа — числительное + существительное остается тождественной при обеих формах числа (в отличие от польского языка), а противопоставление глагольных форм по числу не осложнено никакими добавочными противопоставлениями (в отличие от сербского и польского языков). Наконец, в-третьих, русский литературный язык имеет богатые связи со старославянским (см. ниже), т. е. выполняется и второе условие функционирования правила Потебни.

Сам А. А. Потебня считал, что положение в русском языке мало отличается от положения в польском или украинском. Он писал, например: «Прибавка в начале родительного местоимения указательного делает невозможным субъектное сказуемое: *тех три взрослых юноши рассуждало* (не *рассуждали*); также *целых три летних дня прошло* (а не *прошли*)»³⁴. Между тем, в современном русском языке обороты **тех три взрослых юноши рассуждало* невозможны. И дело здесь не в особенностях построения субъектной группы, поскольку равным образом некорректно **те трое взрослых юношей рассуждало*.

³² А. А. Потебня. Там же, стр. 356.

³³ K. Buttke. Zur Kongruenz des Prädikats mit der Numeralfügung als Subjekt im modernen Ukrainischen. «Zeitschrift für Slawistik», Bd. XVIII, N. 5, 1972.

³⁴ А. А. Потебня. Там же, стр. 356.

Выше указывались признаки, которые прецизируют форму числа в восточнославянских языках: при наличии определений типа *все, эти* и т. д. обязательно мн. ч. (невозможно* *все пять человек пошло в разведку*), при препозиции сказуемого (инверсия ремы по отношению к теме) предпочитается ед. ч. (*пришло пять человек чаще, чем пришли пять человек*), оно же обычно при нераспространенности предложения (осложнение добавочными членами повышает степень определенности в контексте)³⁶. Нетрудно видеть, что это очень похоже на отдельные правила употребления члена в тех языках, где он есть. Во всех этих случаях в контексте возникает значение определенности или неопределенности, и мн. ч. связано с первым, а ед. ч. со вторым значением. Характерно, что если определение при группе «числительное + существительное» — неопределенное местоимение, то возможно и ед. ч. Так, наряду с *какие-то пять человек пришли* можно сказать и *каких-то пять человек пришло* (ср. приводимый Шахматовым³⁶ пример: *ну, что значит для общества каких-нибудь рублей десять*).

Эти случаи, конечно, вскрывают связь между выражением числа и определенности, но они еще не позволяют сделать вывод о способности форм числа в глаголе передать значение определенности — неопределенности самостоятельно, вне контекстной обусловленности. Такие правила действуют — с разной степенью обязательности — и в белорусском, и в украинском языках.

Рассмотрим теперь примеры, когда, по рекомендации грамматик, форма числа факультативна, и попытаемся восстановить тот более широкий контекст, который диктуется формами числа в глаголе.

1. *Пять летчиков погубло/погибли.*

В предложении *В протоколе сообщалось, что пять летчиков погубло, а один тяжело ранен* возможно как ед. ч., так и мн. ч. В контексте *Экипаж корабля состоял из пяти известных полярных летчиков. При аварии пять летчиков погибли.* ед. ч. нежелательно.

2. *Пять больных выздоровело/выздоровели. Пять больных выздоровело/выздоровели в отделении.* Возможны оба числа. *В отделении оставалось только пять тяжелых больных. После приема лекарства пять больных выздоровели* — рекомендуется мн. ч.

Итак, мы можем сказать, что правило Потевни действует — вопреки мнению самого А. А. Потевни — и в русском языке, но в ослабленном виде: неопределенность допускает употребление обеих форм глагола как ед. ч., так и мн. ч., но если контекст диктует значение определенности, то ед. ч. не употребляется. В старославянском языке связь была более жесткой: ед. ч. передавало неопределенность, а мн. ч. — определенность. Причины видоизменения действия правила Потевни и ослабления его мы видим в выравнивании согласования для групп 2—4 и 5—9, в результате чего мн. ч. приобрело частотность употребления, несоответствующую маркированному значению определенности. Этот же процесс, однако, имел и другое следствие: расширение сферы действия этого правила, расширение его на сочетание с существительными большего ряда числительных, чем это было в старославянском языке. Так, в упомянутой выше «Грамматике современного русского литературного языка» (стр. 554) параллельно приводятся предложения:

а) *Двое не пришло/не пришли.*

Покажем, что в случае, когда контекст делает соответствующее субстантивированное числительное определенным (как было бы определен-

³⁵ Эти признаки указываются, в частности, в академической «Грамматике современного русского литературного языка». Отв. редактор Н. Ю. Шведова. М., 1970, стр. 554.

³⁶ А. А. Шахматов. Там же, стр. 129.

ным опущенное существительное), несогласованная форма становится невозможной:

(Всюду только и разговору об этих двоих.) **Двое не пришло на собрание, двое прогуляло урок* и т. п. Нужно: *пришли, прогуляли*.

б) *Родилось/родились трое сыновей*.

Хотя сама семантика говорит здесь о чем-то новом, возникающем (а значит, о неопределенном), все же и тут можно построить контекст, где первая форма именно в силу определенности имени приходит в противоречие с ситуацией:

(Я узнал, что у Жени были тройняшки.) **Родилось трое сыновей в апреле*. Естественнее: *родились трое сыновей в апреле*. Когда предложения приводятся в полном виде, как правило, сразу видно, что в случаях несогласованности глагола с группой существительного мы имеем дело с неопределенностью. Единственное известное нам исключение — это приводимый Шахматовым в цитированной работе пример *Трое Пестовых значится в синодике Ивана Васильевича Грозного* (И. Тургенев. *Дворянское гнездо*), ибо фамилия Пестовых упоминается раньше в тексте. Характерно, однако, что в новейших изданиях «Дворянского гнезда» И. Тургенева стоит: *Трое Пестовых значатся*.

Очень тонко использована способность через множественное число передать определенность в поэме А. Блока «Двенадцать». *«Идут двенадцать человек... и опять идут двенадцать... и идут без имени святого все двенадцать вдаль...»*. Поскольку число 12 должно ассоциироваться с числом апостолов, т. е. его нужно связать с чем-то имеющимся в памяти, то оно оформляется так, как обычно оформляются такие конструкции, т. е. с помощью мн. ч. глагола.

Тот факт, что правило Потебни сохранилось именно в русском языке, связывает данную тему с не решенной еще проблемой о границах влияния церковнославянского языка на русский (ср. дискуссию вокруг доклада Б. Унбегауна на VI съезде славистов в Праге³⁷). Надо сказать, что уже в церковнославянском языке наблюдалась некоторая тенденция к увеличению сферы мн. ч. в этих конструкциях. Эта тенденция может объясняться либо южным, например, сербским влиянием (так, уже в Вукановом евангелии³⁸, в тексте от Луки в IX, 12 двойственное заменено множественным, а в XVII, 12 и XX, 28 употреблено множественное число), либо стремлением иметь ту же форму глагола, что и в греческом тексте (но тогда этот принцип проводится очень робко). Объяснить это явление должны историки церковнославянского языка; для нас же существенно, что при некоторых небольших отклонениях правило Потебни все время действовало в той его части, которая запрещает передачу определенности существительного конструкцией с единственным числом глагола.

В таком виде правило Потебни могло вполне осознаваться двуязычными (в своей основной массе) носителями церковнославянского языка, все время сравнивавшими церковнославянский текст с греческим, и далее отражаться в их собственной речи. По-видимому, огромная масса церковнославянских текстов оказывала очень большое влияние на языковую компетенцию образованных носителей русского языка, и это правило могло в дальнейшем — через их собственные тексты — повлиять на языковую компетенцию всех носителей русского языка.

³⁷ См. Б. У н б е г а у н. Язык русской литературы и проблемы его развития. Communications de la délégation française et de la délégation suisse, VI Congrès International des slavists. Paris, 1968; VI mezinárodní sjezd slavistů v Praze 1968. Akta sjezdu, 2. Praha, 1970, s. 461—465.

³⁸ J. В р а н а. Вуканово Евангелие. Београд, 1967.

СООБЩЕНИЯ

Д. И. БЕЛКИН

СЛАВЯНСКИЙ НОМЕР «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» А. С. ПУШКИНА И ЕГО ДРУЗЕЙ

Более 140 лет прошло со времени издания друзьями и единомышленниками Пушкина «Литературной газеты» (1830—1831), однако ее страницы по сей день хранят еще немалое число не раскрытых пока фактов журнально-публицистической деятельности гениального поэта. По справедливому замечанию В. В. Виноградова, «объем и характер участия Пушкина в „Литературной газете“ 1830—1831 годов не определены с необходимой точностью»¹.

Исследователи, обращавшиеся к номерам «Литературной газеты», к сожалению, недостаточное внимание уделили опубликованным в ней статьям и заметкам, посвященным славянским странам, их прошлому и современности, их литературам (в частности, драматургии и поэзии).

Более пристальное рассмотрение этих материалов позволяет, по нашему мнению, полнее представить сегодня, что именно влекло Пушкина в славянском мире; книги каких авторов он мог знать или читать; какие сведения о многоязыковой словесности славян стремился сообщить русским читателям.

Своеобразие пушкинского отношения к духовным сокровищам славянской культуры раскрывают многие выпуски «Литературной газеты». В данной же статье речь пойдет об одном из первых.

Известно, что в январе 1830 г. Пушкин в отсутствие А. А. Дельвига единолично редактировал только начавшую выходить «Литературную газету». Выяснено также, что это были номера с 3 по 12-й. В них преобладали чисто журнальные жанры: очерки, статьи научно-популярного характера, записки и т. п. Публиковались и разнообразные переводные материалы². Можно было встретить здесь и заметки на славянские темы. Особенно много оказалось их в газете, вышедшей в воскресенье 26 января 1830 г. Это был шестой по счету номер. Его первая полоса была занята «Письмом русского путешественника из Варны». Автор «Письма» Виктор Григорьевич Тепляков, поэт и археолог, в свое время был близок к декабристским кругам³. Весной 1829 г., в период турецко-русской войны, он был направлен Одесским музеем на разыскания «памятников древности, скрывающихся между развалинами Мизии и классической Фракии». На страницах «Литературной газеты» Тепляков делился своими впечатлениями о Варне: «Вступив в город, я с первого взгляда подумал,

¹ В. В. Виноградов. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961, стр. 396

² См. Н. Л. Степанов. «Литературная газета» в «Очерках по истории русской журналистики и критики», т. 1. Изд-во ЛГУ, 1950.

³ Подробно о В. Г. Теплякове см. статью А. Ф. Бычкова в «Историческом вестнике» (1887, № 7), а также: А. Н. Бруханский. «Письма из Болгарии» В. Г. Теплякова. Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1963; Е. В. Фрейдель. Пушкин в дневнике и письмах В. Г. Теплякова. В кн. Пушкин. Исследования и материалы, т. VI. Л., 1969.

что перенесен в сказочный мир Шехерезады, в этот вечно занимательный Багдад. <...> Правду сказать — ни один правоверный не встретился со мною, но чалмоносные болгары, армяне и греки, мелькавшие в темных и чрезвычайно тесных улицах, но пестреющие в открытых лавках азиатские товары, но эти смуглые лица, этот чуждый язык и одежда не разрушали очарования...»⁴.

Ориентальный колорит цитированного «Письма» связан с тем обстоятельством, что маршрут путешествия проходил по местам черноморского побережья Болгарии, где, в отличие от центральных и северных районов страны, турецкое влияние было особенно ощутимо.

Ряд интересных сведений о памятниках древности, сохранившихся в Болгарии, содержался и в других письмах Теплякова, которые он позднее объединил в книге «Письма из Болгарии», вышедшей в Москве в 1833 г.⁵ Что же касается первого письма с болгарской земли, то в нем особенно значительным представляется сообщение о приподнятом настроении русских солдат, вызванном фактом освобождения славянской страны от турецкого владычества. Эмоциональный тон письма «задан» не только личной впечатлительностью автора-путешественника, но и ощущением всеобщей радости, разделяемой русскими воинами.

К чести «Литературной газеты» следует отнести, что она первой высоко оценила интересные рассказы о Болгарии малоизвестного в ту пору писателя. Корреспонденцию из Варны сопровождал следующий отзыв, несомненно, разделявшийся Пушкиным: «Откровенный рассказ, живой слог, поэтический взгляд на предметы и веселое равнодушие в тех случаях, где судьба была неприветлива к сочинителю,— вот отличительный характер его писем, которые, без сомнения, понравятся читателям „Литературной газеты“»⁶.

По всей вероятности, в этом сочувственном отзыве, составленном О. М. Сомовым, часть текста принадлежит перу Пушкина⁷.

Если первое «Письмо из Болгарии» В. Г. Теплякова отразило «в значительной мере средний уровень знаний образованного дворянства в данной области»⁸, если в факте публикации «Письма» прозвучало сочувственное стремление прогрессивной русской общественности помочь болгарскому народу освободиться от чужеземного ига, то другой посвященный Болгарии материал из того же январского номера «Литературной газеты» представлял один из первых примеров углубленного изучения русской наукой далекого прошлого болгарского народа. Речь идет о «Критических замечаниях на первый том книги под названием: „Древние и нынешние Болгары в отношении к Россиянам“, с которыми выступил здесь Китаевед Иакинф Бичурин. Факт этот интересен и сам по себе: на страницах пушкинской «Литературной газеты» с оценкой исторического труда знатока славянских культур Юрия Венелина выступал известный в России и Европе синолог»⁹.

Очень возможно, что Пушкин был близок не только с рецензентом, но и с автором книги о прошлом и настоящем болгарского народа Ю. Ве-

⁴ «Литературная газета», 1830, т. 1. № 6. (Цензурное разрешение от 25 января).

⁵ А. Ф. Бычков сообщает о добрых письменных откликах, которые получил В. Г. Тепляков на книгу «Письма из Болгарии» от В. А. Жуковского и И. И. Дмитриева.

⁶ «Литературная газета», 1830, т. 1. № 6, стр. 43.

⁷ См. об этом: В. В. Виноградов. Там же, стр. 423—426.

⁸ А. Н. Бруханский. Там же, стр. 316.

⁹ На принадлежность рецензии, подписанной заглавной буквой «И», Иакинфию указал еще П. А. Вяземский. (См. статью Александра Фомина — к вопросу об авторстве неподписанных статей А. С. Пушкина, кн. П. А. Вяземского и других в «Литературной газете», 1830 — «Русский библиофил», 1914, № 4, стр. 49.)

нелиным. Их знакомство, а может быть и дружба, могло начаться еще в Кишиневе. Биограф знаменитого слависта Западной Украины И. И. Молнар вспоминал, что «в начале весны 1823 г.» Венелин поехал в Кишинев. Здесь «юному страннику» оказал свое покровительство генерал-губернатор И. Н. Инзов, который, как известно, в целом сочувственно относился к Пушкину. В местном благородном пансионе Венелин получил должность. Он успешно учительствовал в Кишиневе в течение двух лет, собирая одновременно «материалы для исторических своих изысканий»¹⁰.

Напомним, что в годы пребывания Пушкина в Кишиневе генерал И. Н. Инзов исполнял должность «попечителя» эмигрировавших в Россию болгар, и это обстоятельство могло способствовать ознакомлению ссыльного поэта с неуклонно нараставшим национально-освободительным движением на Балканах¹¹.

Рецензия Бичурина хотя и была посвящена частному вопросу «Древних Болгар», однако заняла более двух полос «Литературной газеты». Ученый, вероятно, лично получил из рук Ю. Венелина его книгу¹² и «с удовольствием прочитал». В обширном историческом труде Венелина востоковеда не удовлетворили «суждения автора о гуннах», изложенные на стр. 156—164. Венелин пытался доказать здесь, будто «гунны, появившиеся в Европе в конце IV века, были не монголы, а славяне». Бичурин выразил свое несогласие с этим маловероятным предположением ученого, исходившего скорее из чисто внешнего, а не внутреннего «сходства некоторых обыкновений»¹³ гуннов и славян. Русский синолог полагал, что необходимый в данном случае экскурс в историю некоторых восточных народностей неизбежно приводит к совершенно иным выводам касательно происхождения гуннов.

Часть критических замечаний рецензента была посвящена проблемам сравнительного языкознания. Бичурин, например, оспаривал историю происхождения слов «хан» и «хаган», предложенную Венелиным. Он считал, что уважаемый славист допустил и в этом, и в других случаях произвольный, «натянутый разбор слов по созвучию»¹⁴, поскольку воспользовался материалами языков, ему неизвестных¹⁵.

И характер рецензии, и факт ее публикации Пушкиным свидетельствовали о пристальном внимании издателей «Литературной газеты» к далекому прошлому славянских племен, которое сочеталось с требованием строгой аргументации и обоснованности выводов. И рецензент и редактор «Литературной газеты» несомненно были едины, отмечая, что «никто не может оспаривать у г. Венелина некоторых новых положений относительно происхождения народов», и прежде всего славянских. Однако, и это подчеркивалось ими, «критика историческая, взятая как наука, должна быть по существу своему одинакова в отношении к истории каждого народа»¹⁶. Уважительное отношение к разнообразным памятникам культуры и словесности любого из народов Запада и Востока с самого начала составляло отличительную черту «Литературной газеты».

¹⁰ «Древние и нынешние Болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к Россиянам». Историко-критические изыскания Юрия Венелина, т. II. М., 1844, стр. X. (Предисловие И. И. Молнара).

¹¹ Ф. Я. П р и й м а. Из истории создания «Песен западных славян» А. С. Пушкина. В сб. «Из истории русско-славянских литературных связей XIX в.». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1963; И. С. Д о с т я н. Россия и балканский вопрос. «Наука», 1972.

¹² «Литературная газета», 1830, т. 1. стр. 44.

¹³ Там же, стр. 45.

¹⁴ Там же, стр. 46.

¹⁵ Замечания синоведа Венелин принял с благодарностью. Н. Б а р с у к о в. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 3. СПб., 1890, стр. 132.

¹⁶ «Литературная газета», 1830, т. 1, № 6, стр. 46.

Публикация рецензии на труд Ю. Венелина отразила стремление — и, конечно же, не одного Пушкина — разобраться в сложности пройденного болгарским народом исторического пути.

Отвлекаясь несколько в сторону, отметим, что весной 1833 г., когда Венелин после полутора лет напряженной работы в Болгарии «среди чумы, холеры, горячки, лихорадки и варварства» оказался, вернувшись в Москву, в невыносимо тяжелых материальных условиях, то именно Пушкина просил помочь Венелину профессор Московского университета М. П. Погодин. Он рассказывал ему о работе Венелина над болгарской грамматикой, которой в ту пору «одной недоставало в литературе славянских наречий». В том же письме он сообщал, что Венелин окончил «фолиант объяснений на болгарские грамоты с 14 до 18 века», что ему остается еще «объяснить песни, им собранные, и приготовить к изданию»¹⁷.

Таким образом, Пушкин постоянно оказывался в курсе славяноведческих работ Ю. Венелина и, что не менее важно, не оставался равнодушным ни к трудам, ни к судьбе исследователя. Материалы рецензии на книгу «Древние и нынешние Болгаре» показывают, что Пушкина и его современников привлекали также вопросы сравнительного языкознания, которые выдвигались тогдашней наукой на первый план. В целом издатели газеты стремились дать конкретное представление о реальной жизни славянских народов и их исторических судьбах.

Не только в шестом номере «Литературной газеты», но и в предыдущих, и в последующих ее выпусках Пушкин как редактор уделял немало внимания творчеству польских литераторов. Например, в пятом номере была опубликована обстоятельная рецензия на сборник стихотворений Александра Ходзьки («Poezycie Alexandra Chodźki»), которая признавала, что его стихи «как оригинальные, так и переводные несут на себе отпечаток таланта и могут доставить удовольствие просвещенным любителям поэзии»¹⁸.

Знакомство с материалами «Литературной газеты», посвященными культуре Польши, подтверждает мысль, высказанную советскими славистами, что «интерес, который питал Пушкин к польской культуре и, в частности, к литературе, изучен сравнительно мало»¹⁹. И хотя о взаимоотношениях Пушкина и Мицкевича до начала восстания 1830—1831 гг. обстоятельно рассказано в сравнительно большом количестве работ²⁰, однако полного представления о симпатиях русского поэта к польскому собрату не может сегодня сложиться без учета откликов «Литературной газеты» на произведения Мицкевича²¹.

В интересующем нас номере редактируемой Пушкиным газеты, в разделе «Литературные новости», рассказывалось, что 15 января 1830 г. в столице вышел первый номер польской газеты «Tygodnik Petersburski» («С-Петербургский еженедельник»). Кратко характеризуя его содержание, «Литературная газета» сообщала читателям, что «замечательны» в «Тыгоднике петербургском» «извлечения из писем А. Мицкевича, писанных им

¹⁷ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 16 томах, т. XV. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937—1949, стр. 60.

¹⁸ «Литературная газета», 1830, т. 1, № 5, стр. 39.

¹⁹ Игорь Бэлза. Пушкин и польская культура. В кн. Польско-русские литературные связи. «Наука», 1970, стр. 156.

²⁰ Д. Д. Благой. Мицкевич и Пушкин. Изв. АН СССР, ОЛЯ, т. 15, вып. 4. 1956; Б. Ф. Стахеев. Мицкевич и прогрессивная русская общественность. М., 1955; И. И. Беккер. Мицкевич в Петербурге. Л., 1955; В. В. Іа́лoкoзoвiсz. Z dziejów wzajemnych polsko-rosyjskich związków literackich w XIX wieku. Warszawa, 1971.

²¹ «Адам Мицкевич в русской печати 1825—1955 гг.» (Библиографические материалы). М.—Л., Изд-во АН СССР, 1957 (Здесь отмечена большая часть этих откликов).

из Рима в конце прошлого года»²². Публикуя их русский перевод, издатель обращал внимание на такую привлекательную сторону этого эпистолярного произведения, как «богатство мыслями».

Это не было первым упоминанием о знаменитом польском поэте. Например, в рецензии на стихи А. Ходзьки — из предыдущего выпуска «Литературной газеты» — сообщалось также о том, что Мицкевич не только перевел арабскую касыду аш-Шанфара, стихотворца-изгнанника VI в., но сам написал интересное произведение об арабе-бедуине, который в гордом одиночестве пускается в опасный путь. По словам рецензента, творению Мицкевича, названному «Фарис» («Наездник», «Всадник»), присуща была «сила мысли, живость изображений и жар поэзии», которые в совокупности «поработали» читательское воображение и «заставляли его удивляться гению поэта»²³.

Добрые слова о великом польском стихотворце были помещены и в восьмом номере от 5 февраля 1830 г. Они принадлежали перу Пушкина и П. А. Вяземского.

Вопрос об оценках творчества Мицкевича на страницах «Литературной газеты» заслуживает самостоятельного изучения, нас же интересуют материалы шестого номера, посвященные болгарской и польской культуре.

Среди них — сцена из драматической поэмы Юзефа Коженевского «Ангелика»²⁴. Ее автор был представлен русской публике как «едва ли не лучший из драматических писателей Польши». Переводчик, сотрудник «Литературной газеты» В. Н. Щастный, видел одно из главных достоинств творческого метода Коженевского в том, что он «первый из поляков в трагедиях отвергнул рифму, делающую разговор неестественным»²⁵. Правда, это новшество воспринималось и истолковывалось современниками по-разному. Достаточно вспомнить отрицательное мнение П. А. Катенина об этом примечании: «В белых стихах на волос нет натуры»²⁶. В ту пору Катенин считался одним из активных сотрудников «Литературной газеты». Начиная с четвертого номера, здесь печатались его фундаментальные «Размышления и разборы». К голосу Катенина Пушкин-редактор несомненно прислушивался.

И если учесть, что «романтическая трагедия» «Борис Годунов», написанная «белым», нерифмованным стихом, еще не была опубликована, то примечание В. Н. Щастного об отсутствии рифм в «Ангелике» обретает свое исключительное значение. Пушкин мог заинтересоваться именно этой стороной драматического произведения польского автора, тем более что и он, и многие его современники сознавали необходимость реформы стиха трагедий²⁷.

Опубликовав второе явление из первого действия «Ангелики», которое вводило в обстоятельства, вынуждавшие учителя Вильгельма покинуть гостеприимный кров, «Литературная газета» отмечала: «поэзии драматической» Коженевского (в газете транскрипция фамилии — Корженевский. — Д. Б.) присуща «глубокость чувств и мыслей, сила и отчетливость выражений, благородство и ясность слова, наконец, гармония стихов»²⁸.

²² «Литературная газета», 1830, т. 1, № 6, стр. 48.

²³ «Литературная газета», 1830, т. 1, № 5, стр. 38.

²⁴ Интересное исследование о переводе и постановке пьес польского драматурга Юзефа Коженевского в России выполнено В. Н. Баскаковым. См. «Из истории русско-славянских литературных связей XIX в.». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1963.

²⁵ «Литературная газета», 1830, т. 1, № 6, стр. 43.

²⁶ «Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину». Вступит. ст. и примеч. А. А. Чебышева. СПб., 1911, стр. 170—171.

²⁷ Подробно об этом см. Б. П. Городецки й. Трагедия А. С. Пушкина «Борис Годунов» (Комментарий). Л., 1969, стр. 52 и след.

²⁸ «Литературная газета», 1830, т. 1, № 6, стр. 44.

Как показал в своей работе В. Н. Баскаков, Коженевский «был первый» из всех славянских (польских, чешских, болгарских и сербских) драматургов, чье «творчество обратило серьезное внимание русской театральной общественности и прочно на долгие годы вошло в репертуар русского драматического театра, знакомя зрителя с обычаями и нравами польской шляхты всех рангов, о которой русский читатель и зритель располагал в то время чрезвычайно скудными сведениями»²⁹. Таким образом, «Литературная газета», предъявляя высокие эстетические требования к произведениям как русских, так и других славянских авторов, сумела раньше других оценить «неотъемлемые достоинства» молодого польского драматурга.

Знакомясь с опубликованными в шестом номере «Литературной газеты» материалами на славянские темы, нельзя не упомянуть о рецензии О. М. Сомова, посвященной альманаху «Царское село на 1830 год». Вряд ли разбор альманаха оказался случайным в этом номере. В портфеле «Литературной газеты» имелись, как это сообщал О. М. Сомов, готовые обзоры «Невского альманаха» и некоторых других изданий. Видимо, созвучие материалов «Царского села» статьям, отобранным для шестого номера «Литературной газеты», оказалось здесь решающим. Так, в столичном альманахе было помещено четвертое явление первого действия драматической поэмы Коженевского «Ангелика» в переводе В. Щастного. С польской тематикой соприкасалось и произведение Г. Коншина «Остров на садовом озере». Рецензент сообщал, что «в сей повести довольно хорошо изображен двор Екатерины II и еще лучше описаны роскошные пиры богатейшего из вельмож старой Польши, полудержавного Радзивила»³⁰.

Случайно ли такое скопление славянских материалов в рамках одного газетного номера? Разумеется, нет.

Если бы сведения о Болгарии, Польше, Чехии, их историческом прошлом и деятелях современной культуры не находили себе места в предшествующих или последующих номерах «Литературной газеты», только тогда, да и то с большой натяжкой, мы могли бы сказать, что славянский выпуск «Литературной газеты» от 26 января 1830 г. носил не закономерный, а случайный характер. Однако даже беглое знакомство с «Литературной газетой» Пушкина и его друзей свидетельствует об ином. Поэт и его литературные единомышленники стремились быть в курсе творческих интересов славянских писателей, особенностей жизни их стран и народов. Уже отмечалось такими исследователями, как Е. М. Блинова и В. Н. Стефанович³¹, что за фактами довольно частой перепечатки «Литературной газетой» материалов из «Гыгодника петербургского» кроется искренняя симпатия Пушкина и его единомышленников к судьбе и творчеству создателей польского еженедельника Ф. Малевского и других талантливых людей, высланных из Польши еще в 1824 г.

Включение в состав «Литературной газеты» материалов, относящихся к славянскому миру, отражало характер осмысления передовыми людьми России роли славянских народов в мировом историческом процессе. Пушкинский номер «Литературной газеты» достиг своей цели, показав тесную связь славянских культур. Вместе с тем славянская тема передвигалась как бы к центру идейных и творческих исканий великого русского поэта. Она обрела живой отклик в его мирообъемлющем гении.

²⁹ В. Н. Баскаков. Юзеф Коженевский в России. В кн. Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 339.

³⁰ «Литературная газета», 1830, т. 1. стр. 47.

³¹ В. Стефанович. Польский переводчик Пушкина. В сб. «Польско-русские литературные связи». «Наука», 1970, стр. 189; Е. М. Блинова. «Литературная газета» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина 1830—1831 гг. (Указатель содержания). М., «Книга», 1966, стр. 150.

И. И. КАЛИГАНОВ

К ВОПРОСУ О ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЖИТИЯ ГЕОРГИЯ НОВОГО

Названный памятник агиографии XVI в. известен русской, болгарской и сербской славистике. Он существует в двух вариантах: болгарском, созданном софийским книжником Пейо вскоре после смерти Георгия (11 февраля 1515 г.), и русском, написанном пресвитером Ильей¹. В житии повествуется о юноше, отказавшемся принять мусульманскую веру и пострадавшем за это от толпы разъяренных турок.

Почти все списки болгарского жития (а оно представлено семью списками²) изданы, установлены их взаимоотношения. Значение и роль памятника в культурной жизни Болгарии XVI в. по достоинству оценены в монографии болгарского слависта П. Динекова³. Иначе обстоит дело с изучением русского жития.

На русскую почву житие Георгия Нового переносится в 1538/1539 году афонскими монахами Прохором и Митрофаном. Побывав в Новгороде и, вероятно, в Пскове, монахи рассказали о Георгии тогдашнему новгородскому и псковскому архиепископу Макарию. В предисловии к русскому варианту жития наряду с этими сведениями автор Илья сообщает, что архиепископ Макарий «восхити от уст их, яко некоторую пищу сладкую» и изъявил желание, чтобы Илья запечатлел устный рассказ монахов «колько мощно». Житие Георгия приобрело большую популярность у древнерусского читателя. Число списков русской редакции значительно превосходит число южнославянских. Между тем вопросы, связанные с появлением, распространением и ролью памятника в русской агиографии, еще недостаточно освещены. Необходимость разысканий в данной области ощущается современной славистикой. «Особенно слабо исследованы некоторые вопросы русско-болгарских связей в XVI—XVIII вв.», — отмечает в своей статье акад. П. Динеков⁴.

Невыясненной осталась бо́льшая или меньшая степень самостоятельности русского жития по отношению к болгарскому. На основании пре-

¹ Полное заглавие жития по спискам, хранящимся в СССР, — «Мучение Георгия Нового, иже в Средеце граде болгарском мучившагося от нечестиваго царя Селима Турского». В научных работах часто можно встретить: «Георгий Новый», «Георгий Средецкий», «Георгий Софийский», «Георгий Болгарский», «житие Георгия», что не противоречит заглавию памятника, а является сокращением.

² См. Б. С. т. Ангелов. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1967, стр. 268—279. (Пользуюсь случаем выразить автору книги признательность за неоценимую библиографическую помощь.)

³ П. Динеков. Софийски книжовници през 16 век. София, 1939.

⁴ П. Динеков. Из истории русско-болгарских литературных связей XVI—XVIII веков. Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ), т. XIX. М.—Л., 1963, стр. 318.

дисловия к русскому житию можно сделать предположение, что в качестве источников Илья использовал лишь устное повествование. Афонские монахи, отвечая на расспросы Макария, «много съ каза ша ... скверных срадын насилия... и поведоша» (разрядка моя.— *И. К.*) историю о смерти Георгия. Не исключена, однако, возможность использования других источников. Мнения русских славистов по этому вопросу расходятся.

В 70-х годах XIX в. известный славист Е. И. Калужняцкий предпринял поездку в Галицию и Львов в поисках славянских рукописей. Обнаружив список жития Георгия в библиотеке монастыря Онуфрия, он, очевидно, сопоставил его с другими списками и был категоричен в своем выводе: «Житие Георгия Нового болгарского чудотворца времен султана Селима I есть сочинение собственно русское»⁵. Хотя точно неизвестно, какие именно списки Е. И. Калужняцкий привлек для сравнения, можно допустить, что из южнославянских ему текстуально были известны два: 1) список 1677 г. Белградской народной библиотеки, изданный в 1867 г. сербским ученым Ст. Новаковичем⁶; 2) список 1714 г., подаренный болгаринном Са-вой В. Филаретовым А. И. Гильфердингу, который издал его в 1864 г.⁷

В начале XX в. славист А. И. Яцимирский вновь коснулся проблемы взаимосвязи русского и болгарского житий Георгия в своем исследовании о Григории Цамблаке⁸. А. И. Яцимирский сделал предположение, что при написании жития Илья взял за образец цамблаковское житие Иоанна Нового Белградского. Подтверждая свою точку зрения, А. И. Яцимирский провел параллели между житиями. Несколько лет спустя он изменил свое мнение и при издании проложного жития по рильскому списку высказал мысль, что Илья мог воспользоваться им в качестве источника⁹. Таким образом, из южнославянских списков А. И. Яцимирскому были известны уже три: белградский, гильфердинговский и, изданный им самим, рильский. Какие списки русской редакции знал А. И. Яцимирский? Еще до знакомства с рильским списком он выпустил книгу «Из истории славянской проповеди в Молдавии», где издал список русского жития, принадлежащий ранее священнику Феофилу Гепецкому из села Ворничены в Бессарабии. Список отнесен исследователем к середине XVI в. (не позднее 1552 г.). Здесь же А. И. Яцимирский привел перечень списков¹⁰, судя по которому он знал гораздо большее количество рукописей, содержащих русское житие Георгия, чем Е. И. Калужняцкий.

Издав самый старый список русского жития и высказав впоследствии мысль в пользу его связи с болгарским, А. И. Яцимирский все же оставил вопрос открытым. Неясно, в чем конкретно выражается эта связь и до какой степени присутствует влияние произведения Пейо в русском варианте жития Илья. «Не следует, однако, считать завершенным исследование вопроса о взаимоотношениях русского жития Георгия Нового, написанного Ильей, с болгарскими литературными памятниками, посвященными софийскому мученику, тем более, что это касается одного из самых

⁵ Е. И. К а л у ж н я ц к и й. Обзор славяно-русских памятников языка и письма, находящихся в библиотеках и архивах львовских. Труды III Археологического съезда, т. II. Киев, 1878, стр. 230.

⁶ С т. Н о в а к о в и ч. Служба и живот светого ѣурѣа Кратовца. Гласник Српског ученог друштва, т. XIX. 1867, стр. 97—156.

⁷ Летопись занятий Археографической комиссии 1862—1863 гг., вып. II. СПб., 1864, стр. 1—24. Приложения.

⁸ А. И. Я ц и м и р с к и й. Григорий Цамблак. СПб., 1904, стр. 457—461.

⁹ Е г о ж е. Медкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературе. Известия ОРЯС, т. XIII, кн. 2. СПб., 1908, стр. 168—171.

¹⁰ Е г о ж е. Из истории славянской проповеди в Молдавии. М., 1906, стр. 75—76.

интереснейших периодов развития древней болгарской литературы»¹¹, — пишет акад. П. Динеков, привлекая внимание исследователей к нерешенной проблеме.

Разрешить поставленную задачу невозможно без учета требований современной текстологии. Оригинал жития, созданного Ильей, не найден. А список Феофила Гепецкого не обязательно должен являться точной копией найденного оригинала. Еще А. И. Яцимирский обратил внимание, что гепецковский список представляет собой соединение краткой и более пространной редакций русского варианта жития. Нередки случаи, когда не самый старый, а более поздний список оказывается ближе к найденному позже оригиналу. Нет и полной уверенности, что А. И. Яцимирский просматривал все перечисленные им списки жития Георгия. По нашим наблюдениям, в Трефолое № 316 московской Синодальной библиотеки¹² имеется не житие, а служба и канон Георгию, написанные русским книжником Василием. Авторство легко установить по записи: «творение Василя мних». Сборник содержит службы русским святым на вторую половину года, с марта по август; Четья-Минея инок Тулупова из собрания Троице-Сергиевой Лавры под № 681 на проверку оказалась августовской минеей. Русское житие Георгия обыкновенно помещалось в майских минеях, но нет его и в майской минее Тулупова. Вероятно, А. И. Яцимирский имел в виду Четья-Минея Иоанна Милютина, где находим житие в майской минее на л. 1347—1362; в сборнике второй половины XVI в. № 851 из собрания бывшего Ярославского архиерейского дома на л. 197—204 содержится канон Георгию, а не житие¹³. Сборник в собрании рукописей Д. В. Пискарева содержит не отрывок жития Георгия Нового, а полную редакцию. А. И. Яцимирский повторил ошибку А. Е. Викторова, допущенную при описании пискаревского собрания¹⁴. Список действительно очень невелик по объему, и А. Е. Викторов легко мог принять его за отрывок. Если бы А. И. Яцимирский просматривал пискаревский список, он несомненно бы установил неточность.

Вышеизложенное дает основания заключить, что при сравнении двух житий, русского и болгарского, привлекались не все списки, упомянутые А. И. Яцимирским. Для успешного разрешения вопроса о взаимосвязи двух житий необходимо привлечь все известные на сегодняшний день списки русского варианта жития и произвести текстологическое сравнение со списками южнославянскими. Однако современное местонахождение списков, данных у А. И. Яцимирского, нуждается в уточнении, так как он зачастую указывал лишь их название: список Ярославского архиерейского дома, список Пафнутие-Боровского монастыря и т. д. В этом А. И. Яцимирский ненамного отличался от Н. Барсукова, который еще раньше привел данные о списках жития Георгия в своем ценном библиографическом труде по русской агиографии¹⁵. Проф. Б. Ст. Ангелов разыскал упоминания о некоторых списках в старых описях¹⁶, но, к сожалению, они не всегда дают представление о современном местонахождении рукописей. С мо-

¹¹ П. Динеков. Из истории русско-болгарских литературных связей в XVI—XVIII веках. ТОДРЛ, т. XIX. М.—Л., 1963, стр. 319.

¹² Здесь А. И. Яцимирский использует номер прежнего инвентарного каталога Патриаршей библиотеки 1823 г. Рукопись описана у Н. Попова под № 490, см. «Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки», отдел III. М., 1871, стр. 223.

¹³ Сборник ныне хранится в Ярославском музее-заповеднике под № 15 261.

¹⁴ А. Е. Викторов. Каталог собраний славяно-русских рукописей Д. В. Пискарева. М., 1871, стр. 33 (Сборник хранится в ГБЛ, под шифром ф. 228/148).

¹⁵ Н. Барсуков. Источники русской агиографии. СПб., 1882, стр. 120—121.

¹⁶ Б. Ст. Ангелов. Из старата българска, руска и сръбска литература, ч. II. София, 1967, стр. 274—275.

мента выхода некоторых описей в свет прошло более полувека. Немало рукописей за это время переместилось в другие хранилища, отдельные рукописи утрачены. Работая в рукописных хранилищах Москвы, Ленинграда и Киева, мы уточнили местонахождение списков жития Георгия Нового и нашли новые.

Публикуем краткие сведения о списках русского жития Георгия Нового в рукописных хранилищах СССР. В тех случаях, когда мы не согласны с датировкой рукописей, приводим основания. В археографический обзор не входят каноны, службы Георгию (без жития), тропари и кондаки, которые часто встречаются в святцах.

МОСКВА

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина

1. ф. 228/122 (собрание Д. В. Пискарева). Сборник четырёхминейных статей XVII в. Житие Георгия¹⁷ на л. 404—410 об. Рукопись описана: А. Е. В и к т о р о в. Каталог славяно-русских рукописей Д. В. Пискарева. М., 1870, стр. 25.

2. ф. 228/148 (собрание Д. В. Пискарева). Сборник житий святых. Относим к последней четверти XVIII в., исходя из палеографических особенностей рукописи и обнаруженных нами, водяных знаков: а) герб города Ярославля, Тромонин № 1682—1779 год; Клепиков, стр. 23, тип 5—1779 год; б) литеры «ЯМСЯ» (Ярославская мануфактура Саввы Яковлева), Тромонин № 1683—1779 год; в) гербовая катушка под короной, внутри лигатура РФМ (рольная фабрика Мосолова), Клепиков № 511—1754 год; № 724—1754 год; г) русифицированный знак Pro Patria с литерами «ГУБР», Тромонин № 529—1780 год; д) латинские вензели «АГ» (Афанасий Гончаров), Тромонин № 679—1750 год; е) Pro Patria с литерами «АГ» (Афанасий Гончаров), Клепиков, стр. 162, № 20 (левая) — 1760—1763 гг. Житие Георгия (а не отрывок — см. выше мнение А. И. Яцимирского и А. Е. Викторова) на л. 74—83 об. Рукопись кратко описана: А. Е. В и к т о р о в. Каталог славяно-русских рукописей Д. В. Пискарева. М., 1871, стр. 33.

3. ф. 297/310 (собрание В. М. Ундольского). Рукопись конца XVII в. Содержит лишь житие Георгия Нового. Описана: Каталог славяно-русских рукописей В. М. Ундольского. М., 1870, стр. 224.

4. ф. 256/364 (музейное собрание). Сборник смешанного содержания конца XVII — начала XVIII в., л. 412—415 об. Описан: А. В о с т о к о в. Описание российских и славянских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, стр. 524.

5. ф. 209/277 (собрание П. А. Овчинникова). Сборник русских житий XVI—XVII вв., л. 441—446 об. Описан: Л. В. Т и г а н о в а. Описание собрания рукописных книг П. А. Овчинникова (машинописное). М., ГБЛ, 1963, стр. 58.

6. ф. 310/563 (собрание В. М. Ундольского). Сборник житий святых. Относим к середине XVII в. (а не к XVI—XVII, как В. М. Ундольский, см. ниже) по палеографическим особенностям и обнаруженным нами водяным знакам: а) герб города Базеля, Черчиль № 287—1633 год; б) двуглавый орел, Тромонин № 634—1644 год, Хивуд № 1303—1644 год; в) герб города Базеля (другая разновидность), напоминает Тромонин № 639 и Хивуд № 287, но литеры под гербом иные; г) интересен и водяной знак, встречающийся в рукописи на л. 432, 481 и др. В основе изображенного здесь

¹⁷ В дальнейшем указываем лишь листы рукописей на которых помещено житие, не повторяя каждый раз его название.

герба лежит одна из разновидностей гербов, данных у Гераклитова: № 270—278, но в рукописи он осложнен дополнительными украшениями, л. 640—654 об. Описан: В. М. Ундольский. Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского. М., 1870, стр. 423.

7. ф. 199/313 (собрание Никифоровых). Сборник слов, духовных стихов, житий и повестей без начала. Последняя четверть XVIII в., л. 277—283. Описан: Л. В. Тиганова, И. М. Кудрявцев, Я. Н. Щапов, Н. Б. Тихомиров и др. Описание рукописного собрания Никифоровых (машинописное). М., ГБЛ, 1970, стр. 96.

8. ф. 37/162 (собрание Т. Ф. Большакова). Сборник слов и повестей конца XVII в., л. 367—372. Описан: Г. П. Георгиевский. Рукописи Т. Ф. Большакова, хранящиеся в московском Румянцевском музее. Пг., 1915, стр. 123.

9. ф. 299/301 (собрание Н. С. Тихонравова). Торжественник первой половины XVII в., л. 423—440. Описан: Г. П. Георгиевский. Собрание Н. С. Тихонравова. М., 1913, стр. 54. Житие Георгия в описи не значится.

Государственный исторический музей

10. 355/1849 (собрание А. С. Уварова). Сборник житий XVII в., л. 211 об — 219. Описан: П. Строев. Рукописи славянские и российские, принадлежащие... И. Н. Царскому. М., 1848, стр. 497—499, под № 411; Леонид. Систематическое описание славяно-русских рукописей А. С. Уварова. М., 1894, ч. IV, стр. 177—178.

11. 147/1883 (собрание А. С. Уварова). Сборник житий и сказаний об иконах. Рукопись XVII в., л. 149 об.— 160. Описана: Леонид. Систематическое описание славяно-русских рукописей А. С. Уварова, ч. IV. М., 1894, стр. 239.

12. № 802 (Син. 180). Синодальное собрание. Царский список Великих Миней-Четых митрополита Макария. Минея на месяц май. Около 1553 г., л. 1140—1144 об. Описана: Т. Н. Протасьева, М. В. Щепкина. Описание рукописей, не вошедших в описание А. Горского и К. Невоструева. М., ГИМ, 1970, стр. 200. Известны три списка Великих Миней-Четых (ВМЧ) митрополита Макария: Софийский (новгородский), Успенский и Царский. В предисловии к изданию сентябрьской мины из ВМЧ (СПб., 1868) Археографическая комиссия допустила ошибку, переставив закрепленные за минеями названия — дав минеям Успенского собора название Царских и наоборот. А. И. Яцимирский повторил ошибку Археографической комиссии, указывая, что в Успенском списке имеются «разные списки» жития Георгия, равно как и в других списках ВМЧ¹⁸. Житие Георгия Нового помещено лишь в Царском списке, а в Софийском и Успенском таковое не значится¹⁹.

13. Син. № 805 (Синодальное собрание). Майская минея-четья Иоанна Милютина. 1646—1654 гг., л. 1347—1362. Рукопись упоминается: Т. Н. Протасьева, М. В. Щепкина. Описание рукописей, не вошедших в описание А. Горского и К. Невоструева. М., ГИМ, 1970, стр. 208—209. Оглавление мины см. Оглавление четых-миней священника Иоанна Милютина, составил Иосиф. Общество любителей духовного просвещения, ч. IV. 1868.

¹⁸ А. И. Яцимирский. Из истории славянской проповеди в Молдавии. М., 1906, стр. 75—76.

¹⁹ См. оглавление Софийского списка: Д. И. Абрамович. Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии, вып. II. СПб., 1907, стр. 92—113; Успенского: А. Иосиф. Подробное оглавление Великих Четых-Миней митрополита Макария. М., 1892, стр. 133—202.

ЛЕНИНГРАД

Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

14. № 514 (Соловецкое собрание). Минея-четырь на месяц май. Рукопись 1569 г. дачи царя Ивана Грозного Соловецкому монастырю, л. 960—971 об. Описана: [И. Я. Порфирьев, А. В. Вадковский, Н. Ф. Красносельцев.] Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии, ч. II. Казань, 1885, стр. 438.

15. 826/936 (Соловецкое собрание). Сборник четырь-минеинных статей XVI в., л. 457—474 об. Описан: [И. Я. Порфирьев, А. В. Вадковский, Н. Ф. Красносельцев.] Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии, ч. II. Казань, 1885, стр. 490.

16. 834/944 (Соловецкое собрание). Сборник четырь-минеинных статей XVI в., л. 306—314 об. Описан: И. Я. Порфирьев. О соловецкой библиотеке, находящейся ныне в Казанской духовной академии. Казань, 1878, стр. 487.

17. Q 109 (собрание Общества любителей древней письменности). Сборник статей религиозно-учительного содержания 1642 г., л. 409—410 об. Описан: Х. М. Лопарев. Описание рукописей общества ЛДП, ч. II. СПб., 1893, стр. 155; Описание рукописей ОЛДП (машинописное). Ленинград, ГПБ, 1966, стр. 166.

18. Титов. № 1326. Сборник XVIII в., л. 164—171 об. Описан: А. А. Титов. Описание славяно-русских рукописей, находящихся в собрании А. А. Титова, т. 5. М., 1906, стр. 253.

19. Титов. № 239. Пролог конца XVI — начала XVII в., л. 407 об.—408 об. Описан: А. А. Титов. Описание славяно-русских рукописей А. А. Титова, т. III, М., 1903, стр. 79.

20. № 1424 (собрание Софийской библиотеки). Сборник XVI в., л. 40 об.—49 об. Описан: Д. И. Абрамович. Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии, вып. III. СПб., 1910, стр. 136.

Библиотека АН СССР

21. Д. 102 (Архангельское собрание). Минея-четырь на апрель и май из библиотеки Антониева-Сийского монастыря. Рукопись XVI в., л. 371—381 об. Описана: А. Е. Викторов. Описание рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890, стр. 88.

Центральный государственный исторический архив г. Ленинграда

22. ф. 834/3763. Минея-четырь на май и июль. Рукопись первой половины XVII в., л. 481 об.—491. Ранее минея принадлежала Пафнутие-Боровскому монастырю. Описана: П. Строев. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввина-Сторожевского и Пафнутие-Боровского. СПб., 1891, стр. 302—303; Описание рукописей, хранящихся в Архиве св. правительствующего Синода, т. II, вып. 2. СПб., 1910, стр. 520.

КИЕВ

Библиотека АН УССР

23. Мак./Ц.26. Собрание митрополита Макария (Булгакова). Пролог 1700 г., л. 65—78 об. Описан: Н. Петров. Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве. М., 1891, стр. 39.

ЛЬВОВ

Библиотека АН УССР

24. ф. 3, кн. 1263 (из собрания библиотеки монастыря, св. Онуфрия). Пролог XVI в., л. 233 об.—235 об. Рукопись не описана.

АРХАНГЕЛЬСК

Государственный архив Архангельской области

25. № 223. Сборник житий и похвальных слов. Рукопись конца XVI — начала XVII в. Принадлежала Спасопреображенскому собору в г. Холмогоры. Описана: А. Е. В и к т о р о в. Описание рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890, стр. 63.

Приведенный археографический обзор²⁰ показывает, что из перечня списков жития Георгия, который составил А. И. Яцимирский, в результате нашей проверки исключены списки: ярославский, два из Великих Миней-Четьих митрополита Макария, синодальный № 316, тулуповский, румянцевский № 397. Однако перечень пополнился за счет списков: Милютинского (указания о нем см. Н. Б а р с у к о в. Источники русской агнографии, стр. 120—121); Овчинниковского и Q 109 ОЛДП (благодаря данным из личной картотеки Б. Ст. Ангелова, любезно предоставленной им в наше распоряжение); Софийского (новгородского), двух списков из собрания А. А. Титова, Никифоровского и Большаковского — найденных нами. Мы также уточнили современное местонахождение списков, которые переместились в другие хранилища или о которых давались весьма скудные сведения: Архангельского, Львовского, Сийского, Пафнутие-Боровского, из собрания Н. С. Тихонравова. Таким образом, уже сегодня можно говорить, что существует или существовало не менее 27 списков русского жития Георгия Нового²¹. Разумеется, эта цифра может и не являться окончательной. Многие четырёх-минейные сборники у нас до сих пор не имеют подробного оглавления, а именно в подобного рода сборниках русские книжники чаще всего помещали повесть о мучении Георгия. Изучение наших списков заложит основы текстологического исследования русского жития Георгия и позволит прояснить вопрос о его связи с болгарским.

Даже беглое знакомство со списками русского жития выявляет его значительные отличия от болгарского. Согласно русскому житию, Георгий родом не из Кратова, а из Софии; родители мученика не Дмитрий и Сарра, а Иван и Мария; Георгий принял мученичество не 11 февраля, а 26 мая; пострадал в возрасте 25 лет, а не 18 и т. д. Значительны расхождения и в композиционном отношении. В русском варианте жития большое место уделено своеобразному введению. Илья подготавливает древнерусского читателя к восприятию событий, подводит к пониманию трагической судьбы родственного славянского народа, попавшего под турецкое иго. Турецкий царь Селим притесняет славян так, как «никтоже от древних гонитель». Лукавый правитель действует не открыто, а хитростью. Каждые три года по его приказу по завоеванной стране едут турецкие военные отряды и

²⁰ Искренне благодарю за помощь при отыскании отдельных списков сотрудников книгохранилищ: Л. А. Косгерину, М. В. Кукушкину, Л. В. Тиганову, С. Хорому, В. Лучука, Ю. Д. Рыкова.

²¹ К нашим 25 спискам следует прибавить еще два: а) Гепецковский, издание которого А. И. Яцимирским облегчает будущую текстологическую работу; б) Петрозаводский № 13 (см. А. И. Я ц и м и р с к и й. Из истории...). Рукопись с этим списком описана А. Е. В и к т о р о в ы м: Описание рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890, стр. 306. Местонахождение этого списка пока не известно.

насиленно отбирают детей мужского пола у родителей. Вызывая негодование читателя, Илья скрупулезно перечисляет детали «кровной дани»: если у христианина три сына, царю забирают двоих, один сын — забирают единственного. Тонкий психолог, автор русского жития играет на чувстве родительской любви, усиливает напряженность повествования, старается сделать читателя сопричастным к описываемым событиям. Детей забирают «и от десяти лет, и от девяти лет, и от осми лет, и от семи лет, и от шести лет, и от пяти лет». Когда вырастят их турки по своим законам и обычаям, дети настолько забывают свою страну, род, семью, что не признают и родителей. Турецкий царь Селим у Ильи и «нечестивый», и «скверный», он «яко змия хапая и пожирая дети християнския». У Пейо ничего этого нет. По вполне понятным причинам автор болгарского жития не мог позволить себе вольность поставить такие эпитеты перед именем могущественного Селима. Произведение Пейо более сдержанно. В предисловии основное внимание уделяется нравственному смыслу мученичества. Пейо начинает издали. Он обосновывает мученичество как акт угодный небу, но не утаивает и личные мотивы, побудившие его к написанию жития. Пейо спешит увековечить историю Георгия, опасаясь, что «без писание в забвение придет подвиг его и борение». Автор жития — наставник и учитель юноши, он принимает активное участие в происходящих событиях. Пейо приходит к Георгию в темницу, куда того турки заключают за отказ переменить веру. Он укрепляет дух юноши, дает советы. После смерти Георгия Пейо прилагает усилия, чтобы заполучить тело мученика. Активная роль Пейо в русском варианте сведена до минимума.

Краткий сопоставительный анализ предисловий и некоторых фабульных моментов иллюстрирует, насколько сильны отличия двух житий. Однако при внимательном рассмотрении списков обоих вариантов между текстами обнаруживаются и общие точки соприкосновения. Сходство наблюдается как в использовании одних и тех же цитат священного писания, так и в наличии общих мест в сюжетах житий. Например:

Русское житие по списку конца XVII в. (ГБЛ. собрание В. М. Ундольского, ф. 297/310) *Болгарское житие по списку конца XVIII — начала XIX в.* (Софийская народная библиотека, № 281)

Георгий предстает перед судьей

л. 7. Судия же оудивися величеству тела его... с честью призывает мученика близь себе...

л. 27. Судия оудиви се лепоте его и близь себе его призвав...

Сеиты склоняют Георгия переменить веру

л. 5 об.— 6. Неподобно ти есть в такове красоте пребывати в християнской вере.

л. 24 об. Недостоить бо такому благоличную твою в ниците сей рабски пребивати.

Толпа увещевает Георгия покориться и отказаться от веры

л. 11 об.— 12. Георгие, помилуй сам ся и пощади юность свою. Мощно бо ти есть инде жити, пространна бо есть и широка поднебесная. Не посрамляй толика народа, повинися повелению цареву.

л. 37 об. ...сотвори волю нашу и по сих, аще ти угодно будет с нами пребивати по закону нашему, аще ли ны, земля пространна есть црева, еще же и иних царства многа такожде тогда и ти, яко же и хошеши, иди с миром и сотвори свое хотение, но ныне пощади юность свою, не погубляи себе тако безумно.

и т. д.

Приведенные параллели из текстов местами объяснимы данью славянских книжников агиографической традиции. В житийной литературе

средневековья понятие красоты произведения регламентировалось рамками канона. Использование канонических формул, выработанных известными агиографами, не только не ставилось книжникам в укор, а наоборот, поощрялось и всячески приветствовалось. Арсенал художественных приемов, применяемых авторитетными авторами житий, был образцом, по которому определялись достоинства того или иного произведения. Чем больше совпадало изображение с каноном красоты агиографического произведения, тем выше оценивалось писательское мастерство книжника. В нашем случае заслуживает внимания не столько буквальное совпадение отдельных мест, сколько их расположение в композиционном каркасе двух житий.

Интересно и то, что в дамаскине, поступившем недавно в библиотеку Болгарской академии наук²², дата мучения Георгия совпадает с датой, указанной в русских рукописях: 26 мая. Явно имеется связь между двумя житиями, характер которой необходимо установить. Более обстоятельный ответ на вопрос о взаимосвязи болгарского и русского житий станет возможным после тщательного изучения списков, выявления разночтений, восстановления истории движения текста. По нашему мнению, целесообразно осуществить критическое издание редакций русского варианта жития Георгия. Предварительный анализ наших списков опровергает традиционное представление о существовании двух редакций в русском варианте. Выделяем три редакции: I. Пространная, представленная ее двумя разновидностями, одна из которых является риторическим распространением другой. Вид А — списки: Сийский, Соловецкий № 834/944, Пискаревский № 148, Киевский и др.; вид Б (риторический) — списки: Царский из ВМЧ, Соловецкий № 514, Софийский № 1424. II. Сокращенная, списки: Никифоровский № 313, Большаковский № 162, ОЛДП Q 109, Титовский 1326, Румянцевский № 364. III. Краткая, списки: Титовский № 239, Львовский (?). Краткая, проложная редакция до сих пор не исследована.

Даже если обнаружится, что автор русского жития Илья действовал самостоятельно, сопоставление русского и болгарского житий весьма перспективно. В русской агиографической литературе нередки случаи, когда мы сталкиваемся с наличием нескольких редакций житий, написанных в честь одного и того же лица: известны четыре варианта жития Александра Невского, есть различные редакции жития Михаила Клопского и др. Их исследование и выявление различий помогает расширить наши знания о культурной и политической жизни русского средневековья. Становятся понятны некоторые аспекты борьбы политических группировок. Политические идеи агиографа дают нам представление об умонастроениях в скриптории: монастыре, городе, вотчине. Рассматривая болгарское и русское жития, мы приближаемся к более широкой и важной проблеме — сходству и отличию болгарской и русской литератур в эпоху славянского средневековья. В обоих житиях интерпретируется одно происшествие, один факт из истории XVI в. И трактуется он не только в зависимости от личных взглядов Пейо и Ильи, их книжной начитанности, но и от других факторов: общественной атмосферы, литературного окружения, состояния жанров агиографии в данный исторический период. Удельный вес жития Пейо в системе жанра болгарской агиографии значительно выше, чем жития Ильи в русской. Разной была и их функция. Вопросы подобного рода выходят за рамки нашей статьи.

²² Б. Ст. Ангелов. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1967, стр. 270.

ПАВЕЛ ОНДРУС

СЛОВАЦКИЕ ГОВОРЫ И КАРПАТСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ОБЛАСТЬ

Когда удалось ознакомиться с диалектным материалом, в сущности, всех языковых уровней по отдельным славянским национальным языкам, создались условия для того, чтобы можно было начать изучение и сопоставление диалектного материала отдельных национальных языков на более широкой славянской основе. Усилия в этом направлении способствовали постановке многих важных исследовательских задач, результаты решения которых постепенно публикуются. В частности, мы имеем в виду «Карпатский диалектологический атлас» и монографические работы подобного плана¹.

Известно, что каждый диалектологический атлас национального языка создается на основе вопросников, составленных на таких принципах, которые отвечают специфике и особенностям говоров соответствующих национальных языков. При их сопоставлении сразу же обнаружилось, что для «наддиалектных» диалектологических атласов материал, собранный по вопросникам диалектных областей отдельных славянских языков, может быть использован лишь в ограниченной мере. Поэтому для сравнительного изучения говоров нужно было составить новые вопросники², продумать новый способ собирания и обработки полученного материала³. Это относится и к карпатской языковой области.

В настоящем сообщении мы хотим внести скромную лепту в изучение карпатской языковой проблематики в области лексики, предложив, в частности, словарный материал, даже и тот, который уже собран, но который до сих пор еще не публиковался⁴. Данное сообщение, таким образом, следует считать предварительной информацией о наличии в словацких говорах некоторых слов, характерных для карпатской языковой области. Речь пойдет о словах из сел следующих бывших жуп (комитатов): Братиславской (Бр), Нитрянской (Ни), Тренчанской (Тр), Оравской (Ор), Тековской (Те), Гонтянской (Го), Новоградской (Но), Зволенской (Зв), Гемерской (Ге), Спишской (Сп), Шаршской (Ша), Земплинской (Зе)⁵.

В словацких говорах встречаются следующие слова: [vír 'в воде']: vír Бр (Опой), Ни (Нитрянски Градок, Раковице), vír Тр (Клокочов), vír Но (Абелова), vír Зе (Жалобин); [krútňava]: krútňava Но (Любореч);

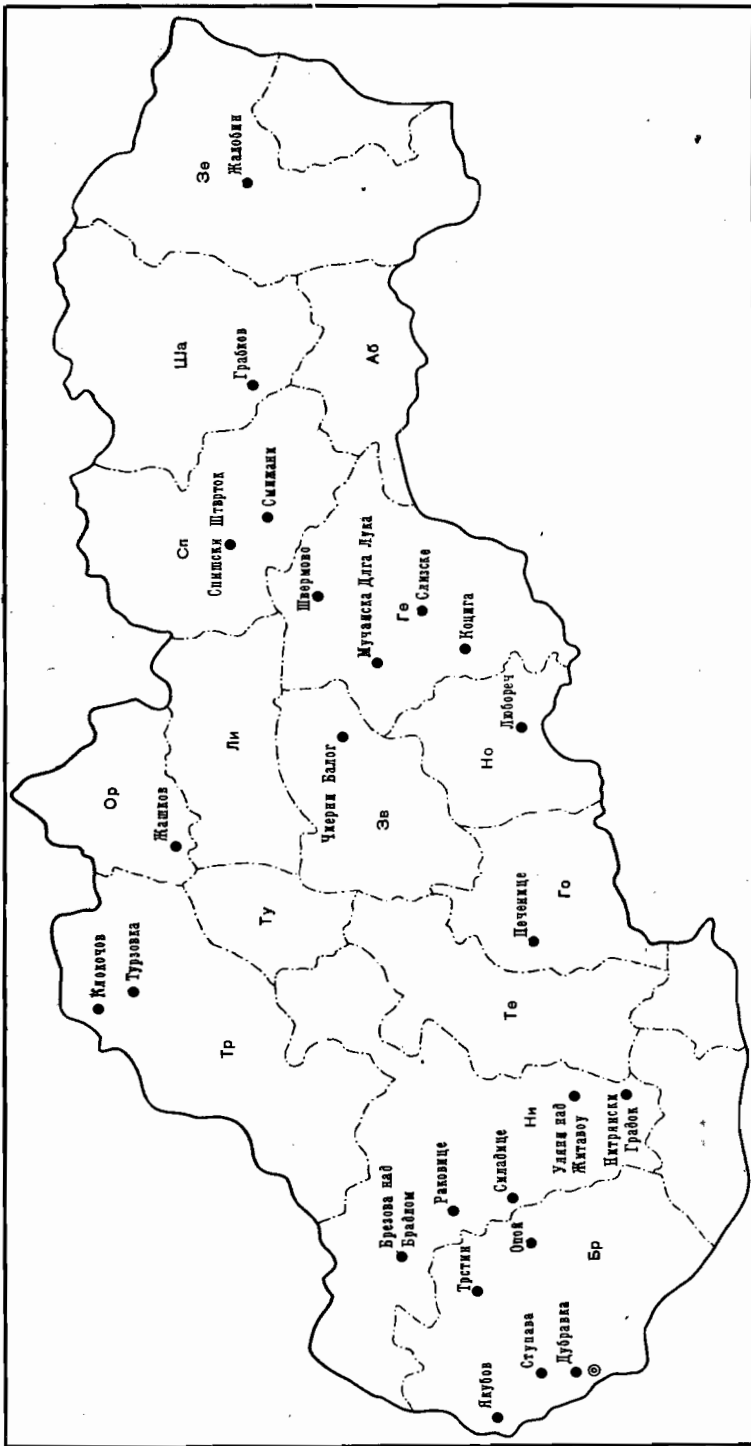
¹ Например, сборники: «Карпатская диалектология и ономастика». М., 1972; «Лексика Полесья». М., 1968 и др.

² Ср. С. Б. Бернштейн, В. М. Илич-Свитыч и др. Карпатский диалектологический атлас. М., 1967.

³ Об этом см., например: Н. И. Голсто́й. Об изучении полесской лексики. Сб. «Лексика Полесья», стр. 3—19.

⁴ Он хранится на кафедре словацкого языка философского факультета Университета им. Коменского в Братиславе.

⁵ См. карту на стр. 83.

Высшие жупы (комитаты) на территории Словакии

[*kalný* 'мутная вода']: *kalní* Бр (Опой, Трстин), *kal'ný* Тр (Турзовка), *kalní* Ор (Жашков); [*mütny* 'мутная вода']: *mütni* Ге (Косига), *mutni* Ша (Грабков); *mütni* Бр (Ступава);

[*blýskavica* 'гроза с громом и без грома']: *bl'iskavica* Тр (Турзовка), *bliskavica* Но (Любореч);

[*lieska* 'лесной орех']: *l'ieska* Ни (Брезова под Брадлом), *léska* Бр (Ступава, Дубравка, Трстин), *líska* Бр (Опой), Ни (Силадице), *léska* Ни (Нитрянски Градок), *l'eska* Тр (Турзовка), *l'ieska* Го (Печенице), Но (Любореч), Ге (Коцига), Зв (Чиерни Балог), *l'ieska* Ге (Слизске), *l'eska* Сп (Смижани), *líska* Сп (Спишски Штврток), *l'ieska* Ша (Грабков), *l'iska* Зе (Жалобин);

[*pečiarka* 'шампиньон, гриб']: *pečírka* Бр (Ступава), *pečárka* Бр (Трстин), *pečárki* Ни (Уляни над Житавоу), *pečiarka* Го (Печенице), Но (Любореч), *pečarka* Зе (Жалобин);

[*ihrat'* 'танцевать']: *ihrat'i* Ге (Коцига);]

[*oplecko* 'часть женской одежды']: *oplečko* Бр (Дубравка, Трстин), Ни (Силадице, Нитрянски Градок, Раковице, Траковице), *opl'echo* Ор (Подбиель, Жашков), Го (Печенице), Но (Любореч), Зв (Чиерни Балог), Ге (Ратковска Здишава), *oplecko* Ге (Швермово), *opl'echo* Ге (Муранска Длга Лука), Сп (Смижани, Спишски Штврток), Зе (Жалобин);

[*košiar* 'загон для овец на пастбище, загон для скота в деревне']: *košár* Бр (Ступава), Ни (Нитрянски Градок), *košar* Гр (Турзовка), *košar* Сп (Спишски Штврток, Смижани), Ге (Муранска Длга Лука); *košar* Ге (Шиветисе), *košiar* Но (Абелова), *košar* Ге (Коцига), Ша (Грабков), Зе (Жалобин); *košarisko* Ни (Брезова под Брадлом), *košaruvat'* Но (Любореч);

[*sadza* 'частица угля, остающаяся после сжигания горючих материалов': *saze* Бр (Дубравка), *sadza* Бр (Трстин), *sadze* Ни (Силадице), *sadza* Ни (Нитрянски Градок, Раковице), *sadza* Тр (Турзовка), *sadzä* Ор (Жашков), *sadza* Сп (Смижани), *sadza* Но (Абелова), Ша (Грабков); *očadený* 'черный от сажи', *očād'ení* Ор (Жашков);

[*kolomaz* 'мазь для колес']: *kolomaz* Го (Печенице), Ге (Коцига), *kol'i-maz* Ша (Грабков);

[*plytký* 'неглубокий, мелкий']: *plytkí* Бр (Ступава), *plítki* Бр (Дубравка), *plítki* Бр (Трстин), *plítki* Ни (Силадице, Раковице, Уляни над Житавоу), Ор (Жашков), *pl'itki* Сп (Спишски Штврток), *pl'itki* Но (Любореч), *pletkej* Но (Абелова), *pl'itki* Ге (Муранска Длга Лука), Ша (Грабков), *plítki* Зе (Жалобин);

[*kysnúť* 'о тесте']: *kisnúť* Ни (Брезова под Брадлом), Бр (Ступава, Трстин), Ни (Силадице, Нитрянски Градок, Раковице), *kisnúť* /*kisnúť* i Ни (Уляни над Житавоу), *kisnuc* Сп (Спишски Штврток), Ге (Муранска Длга Лука), *kisnúť* Зв (Чиерни Балог), *kisnúť* i Ге (Коцига), *kisnuc* Ша (Грабков);

[*pristát'* 'пожениться и пойти жить в дом жены']: *pristát'i* Ге (Коцига); [*prístavok* 'тот, кто поженившись, живет в доме жены']: *prístavok* Го (Печенице); *pristaš* Сп (Спишски Штврток), Ша (Грабков);

[*nikdy*]: *nikedi* Бр (Опой), *nikodi* Ге (Слизске), *nigdaj/nikedi* Бр (Трстин), *ňhda/ňigda/ňigdy* Тр (Клокочов), *ňigdá* Го (Печенице), *ňigdaj* Ге (Муранска Длга Лука, Коцига), Сп (Спишски Штврток), *ňigda* Ша (Грабков);

[*okid* 'иной']: *okit* Ни (Валаска Бела), *okid* Ге (Швермово); *inovat* Бр (Ступава, Трстин), Ни (Раковице), *inovat'* Ни (Нитрянски Градок, Уляни над Житавоу), *inovač* Тр (Клокочов), *inovač* Тр (Турзовка), *inovet'* Но (Любореч), *inovač* Ге (Шиветисе); *srieň* «иной» Го (Печенице).

Кроме указанных слов для карпатской языковой области характерны также слова:

[iskat' hl'adat', искать']: *iskač* Тр (Турзовка), *iskac* Ша (Грабков) ⁶;
[buchta 'разновидность пирога']: *buchta* Ни (Брезова под Брадлом), Бр (Ступава, Трстин), Ни (Силадице, Раковице), Ор (Жашков), Го (Печенице), Ге (Коцига), Зе (Жалобин), Ша (Грабков); *buchti* Но (Любдореч), Ге (Муранска Длга Лука, Слизске), Сп (Спишски Штврток);

[znoj 'пот']: *znoj* Ге (Коцига), *znoj* Ор (Жашков); *pot* Бр (Якубов), Зв (Чиерни Балог), Ге (Шиветице); *pot'it sa* Го (Печенице);

[háj 'лес, поросль, старый лес, небольшой лиственный лес, молодой лес']: *háj* Бр (Ступава, Дубравка, Опой), Ни (Силадице, Раковице, Уляни над Житавою, Нитр. Градок); *Hájik* Ор (Подбиель), *Háj* Но (Абелова) ⁷;

[breh 'склон, откос']: *breh* Ни (Брезова под Брадлом), Бр (Ступава, Опой, Трстин), Ни (Нитрянски Градок), Тр (Турзовка), Го (Печенице), Но (Любореч, Абелова), Зв (Чиерни Балог), Ге (Шиветице, Муранска Длга Лука), *brih* Зе (Жалобин: здесь в значении 'небольшая гора');

[zavřšit' 'сложить копну (сена)']: *zavřšič* Ге (Ратковска Здихава);

[ogar 'высокий, худой человек; юноша']: *ogar* Ге (Ревиса), Ша (Вельхи Шарип) и Гевешский округ в Венгрии в четырех матранских поселениях) ⁸.

Итак, указанные слова можно разделить на несколько групп:

1. Первую группу составляют слова *vír*, *lieska*, *pečiarcka*, *oplecko*, *košiar*, *sadza*, *plytký*, *kysnúť*, *buchta*, *breh*, *háj* ⁹. Подобные слова, например, для Атласа словацкого языка не имеют значения, их картографирование «ничего не говорит» о дифференциации словацких говоров. Они приобретают значение только под углом зрения более широких славянских связей, так как встречаются в говорах украинского и белорусского языков.

2. Вторую группу образуют слова *hrat'* 'танцевать', *kolomaz* 'мазь для колес', *pristát'* 'пожениться и пойти жить в дом жены', *završit'* 'закончить', встречающиеся главным образом в южных среднесловацких говорах.

3. Третью группу представляют два слова: *iskať* 'искать' и *znoj* 'пот' ¹⁰. *Iskať* встречается в южных среднесловацких говорах и в бывшей Тренчанской жупе (*iskač*: Турзовка), а *znoj* — в южных среднесловацких говорах и в бывшей Шарипской жупе (Грабков).

4. Особое место среди названных слов занимает слово *ogar*, которое проникло в карпатскую языковую область в результате валашской колонизации. Оно встречается в бывшей Гемерской и Шарипской жупе. Благодаря валашской колонизации оно дошло до польского языка, на юге, до моравско-словацкого диалекта. Из моравской области путем колонизации Матранских гор в середине XVIII в. оно проникло в современную Венгрию.

Общим признаком всех приведенных слов, различных по происхождению, является то, что они характерны для карпатской языковой области.

⁶ Согласно материалу Атласа словацкого языка, находящемуся в диалектологическом отделении Словацкой академии наук в Братиславе, слово *hl'adat'* представлено в бывших жупах Бр, Ни, Тр, Ту, отчасти и в Те, Го, Но. На остальной территории средней Словакии, а также в восточной Словакии представлено слово *iskať*.

⁷ Как показывает материал Атласа словацкого языка, в средней Словакии слово *haj* выступает в значении: 'лес' (Но), 'большая группа деревьев' (Го, Но), 'место, частично поросшее лесом' (Го), 'поросль возле деревни' (Те), 'луг, на котором мало деревьев' (Зв), 'красивый лесок' (Зв, Те). В восточной Словакии слово *haj* обозначает 'небольшой лесок' (Ша), 'молодой лес' (Зе) и т. д.

⁸ О распространении слова *ogar* вне Словакии и Венгрии см.: А. В а š е к. *Ogar*. «Miscelanea Linguistica. Acta Universitatis Palackianae Olomucensis», 1971, s. 73—77.

⁹ Ф. П. Филин в книге «Происхождение русского, украинского и белорусского языков» (Л., 1972) пишет, что название *haj* «в настоящее время широко известно в украинском и белорусском языках». В северо-восточной области слово *gai* не существует (стр. 527). «По-видимому, славянские племена, продвигавшиеся с юго-запада на северо-восток, вероятно, постепенно забывали это слово, поскольку отдельно стоящие лиственные рощи не были характерны для северо-восточного ландшафта» (стр. 528).

¹⁰ О слове *znoj* 'пот' ср. Н. И. Т о л с т о й. Из географии славянских слов: 6. *сажа* — *чад*; 7. *пот* — *зно́й*. В сб. «Карпатская диалектология и ономастика». М., 1972, стр. 240—257.

В. В. ЗЕЛЕНИН

ОПЕРАЦИЯ «ХОД КОНЕМ»

25 мая 1944 г. в 5 часов 10 минут над спящим маленьким городком Дрваром, расположенным в долине реки Унац в Боснийской Крайне, раздался звон колокола, возвещающий воздушную тревогу. А через несколько минут Дрварскую котловину заполнил рев авиационных моторов. Волна за волной накатывались на городок бомбардировщики со свастикой на крыльях, сбрасывая бомбы на и без того уже полуразрушенный городок. Шум моторов десятков самолетов, разрывы сбрасываемых ими бомб, треск пулеметов — все это слилось в один непрерывный оглушающий грохот.

Так началась комбинированная немецко-фашистская операция против Народно-освободительной армии Югославии, которой в разработавших ее гитлеровских штабах было присвоено претенциозное кодовое наименование «Ход конем». Она явилась первым этапом очередного, седьмого по счету с начала освободительной войны в Югославии, генерального наступления оккупантов и их приспешников.

ФАШИСТЫ ГОТОВЯТ СЕДЬМОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Весной 1944 г. в гитлеровском «волчьем логове» в очередной раз подвелись безрадостные итоги. Красная Армия неудержимо гнала фашистские войска на запад. В гигантских «котлах» на советско-германском фронте исчезали дивизии, корпуса, армии. Англо-американские войска, очистив в 1943 г. Северную Африку и высадившись в Италии, угрожали фашистской «европейской крепости» с юга. Правда, в двухмесячных боях конца 1943 г. английская 8-я и американская 5-я армии продвинулись лишь на 18—20 км и надолго остановились перед «зимней линией» обороны немцев.

Победы Красной Армии и капитуляция Италии способствовали дальнейшему подъему освободительного движения народов Балкан. Огромный размах приобрела антифашистская освободительная война в Югославии. Героическая Народно-освободительная армия и партизанские отряды Югославии, с успехом отбив за три года войны шесть вражеских генеральных наступлений, вели бои по всей стране. Весной 1944 г. вооруженные силы Новой Югославии насчитывали около 350 тысяч бойцов и скрывали около 450 тысяч солдат и офицеров оккупационных войск и значительные квислинговские формирования: усташско-домобранские войска марионеточного «Независимого государства Хорватия», отряды «сербской государ-

ственной стражи», банды четников Михайловича, албанских «баллистов» и др.

Все это вызывало большую тревогу в гитлеровском главном стане, поскольку Балканы и особенно активный югославский театр военных действий грозили в недалеком будущем превратиться в связующее звено между фронтом западных союзников в Италии и южным флангом стремительно наступавшей Красной Армии. Сил же для решительного наступления против НОАЮ у гитлеровцев не было. Все резервы, наскребаемые «тотальными мобилизациями», отправлялись на Восточный фронт, где их ожидала участь их предшественников. Туда же в первые месяцы 1944 г. было переброшено несколько немецких дивизий из Центральной Италии.

Стремясь добиться перелома во все ухудшавшемся положении немецких оккупантов в Югославии, Гитлер решил прибегнуть к одному из своих старых излюбленных средств — к методу вооруженной диверсии.

«ХОД КОНЕМ»

Еще в конце 1943 г. в недрах ведомства Гимmlера разрабатывались операции, направленные на уничтожение руководства югославского освободительного движения. Два варианта диверсий против ЦК КПЮ и Верховного штаба НОАЮ были разработаны в штабе полицейской дивизии СС «Бранденбург», специализировавшейся на убийствах, шпионаже и диверсиях. Согласно одному из них, предполагалось сбросить с нераскрывшимися парашютами на свободной территории в Югославии два трупа, одетые в английскую военную форму. Среди их вещей должна была находиться адская машина, замаскированная под посылку, адресованную Верховному главнокомандующему НОАЮ Тито. Другой вариант предполагал засылку на освобожденную территорию в район расположения Верховного штаба диверсионной группы, переодетой в партизанскую форму, с участием местных предателей-четников. Эта группа должна была отыскать место расположения руководящих органов Новой Югославии и дать по радио сигнал, по которому в указанное место ночью предполагалось выбросить воздушный десант, а тем временем переодетые в партизанскую форму диверсанты под видом ближайшего партизанского подразделения, спешащего на защиту руководства освободительного движения, проникнут в расположение Верховного штаба и уничтожат его¹.

Выполнение этих планов было сорвано наступлением НОАЮ в Боснийской Крайне, в ходе которого произошли перегруппировки войск НОАЮ. Верховный штаб изменил место своего пребывания, и эсесовским тайных дел мастерам пришлось заново искать его.

В начале 1944 г. Гитлер отдал главе всех эсесовских банд обер-шпиону Гимmlеру категорический приказ: ликвидировать Верховный штаб Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии, а ее руководителя Тито убить или захватить живым.

Получив эту директиву, Гимmlер возложил ее выполнение на командование 2-й танковой армии во главе с генералом пехоты Лотаром Рендулицом, осуществлявшее общее руководство немецкими войсками в Югославии. Здесь и была разработана операция под кодовым названием «Ход конем», предусматривавшая высадку воздушного десанта в расположение ЦК КПЮ, Верховного штаба НОАЮ и Президиума АВНОЮ с одновременным наступлением сухопутных, преимущественно мотомеханизированных

¹ Оба варианта плана разработал офицер дивизии «Бранденбург» штурмфюрер (лейтенант) войск СС Кирхнер. Он же должен был возглавить диверсионную группу, на которую по второму варианту возлагалась задача уничтожения Верховного штаба НОАЮ (S. S e v o. Desant na Drvar. Sarajevo, 1969, s. 16—17).

войск по сходящимся направлениям к месту высадки десанта. По замыслу «гроссмейстеров» из штаба 2-й танковой армии², этот «ход» при сравнительно малых затратах сил должен был принести большие результаты: уничтожение группировки войск НОАЮ в Боснийской Крайне, ликвидацию руководства освободительного движения югославского народа, дезорганизацию всех сил Сопротивления в Югославии.

К началу разработки операции фашисты уже знали, что ЦК КПЮ, Верховный штаб НОАЮ, Национальный комитет освобождения и Президиум АВНОЮ находятся в Дрваре. Гитлеровцам также было известно, что здесь, при руководящих органах освободительного движения, находились и военные миссии СССР, Англии и США. Особенно бесила фашистов мысль о том, что прибытие Советской военной миссии в борющуюся Югославию будет способствовать расширению масштабов боевых действий НОАЮ. Не укрылось, видимо, от взоров гитлеровской разведки и то, что сразу же после прибытия Советской военной миссии (она прибыла на освобожденную территорию в Боснийской Крайне 23 февраля 1944 г.) начались регулярные полеты крупных соединений советской авиации, доставлявших в Югославию с аэродромов на территории Украины оружие, боеприпасы, медикаменты и пр. Все это заставляло оккупантов спешить с выполнением операции. После тщательной подготовки, проходившей в условиях строжайшей секретности, «ход конем» был назначен на воскресенье 25 мая 1944 г. и должен был возвестить начало очередного — седьмого — генерального наступления против НОАЮ.

Для осуществления десанта был выделен 500-й парашютно-егерский батальон «СС», состоящий из штрафников-эсесовцев, направленных сюда по приговорам фашистских военно-дисциплинарных судов. Можно себе представить, что это была за публика, если даже в эсесовских частях, полностью «освобожденных» Гитлером от соблюдения норм человеческой морали, они считались преступниками!

Часть десанта должна была приземлиться на планерах, часть — спрыгнуть с парашютами. Парашютисты были разбиты на три боевые группы — «синие», «зеленые» и «красные». Боевым группам десантников, которые перебрасывались на планерах, были присвоены устрашающие наименования: «пантера», «штурмующие», «пробивающие», «хватаящие», «кусающие», «ломающие». Всем боевым группам были указаны определенные цели, которые также были закодированы: «Цитадель» (Верховный штаб), «Москва» (Советская военная миссия), «Лондон» (Английская военная миссия), «Америка» (Военная миссия США), «Паук», «Корчма», «Капелла» (ряд объектов в Дрваре и его окрестностях). К счастью, фашистская разведка знала далеко не все, и местонахождение, например, Верховного штаба и Советской военной миссии было обозначено неточно³.

ДРВАР ГОТОВИТСЯ К 25 МАЯ

Между тем Дрвар тоже готовился к 25 мая, только совершенно по другому поводу, и отметить его он собирался иначе. В этот день исполнялось 52 года Верховному главнокомандующему Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии маршалу Югославии Иосипу Броз Тито, и молодежь Дрвара и его окрестностей, молодые бойцы НОАЮ и партизаны собирались отметить этот день рапортами о своих трудовых и боевых успехах.

² Автором операции «Ход конем» был офицер штаба 2-й танковой армии полковник генерального штаба барон фон Фарнбиллер (S. S e v o. Ibid., s. 24—25).

³ Некоторые сведения о дислокации войск НОАЮ в Дрваре и его окрестностях сообщил перебежчик, служивший до этого в интендантстве 1-го Пролетарского корпуса (S. S e v o. Ibid., s. 145—146).

24 мая день в Дрваре был по-летнему жаркий. Утром над городом, держа курс на север, прошло мощное соединение американских бомбардировщиков, направлявшееся с аэродромов в Южной Италии на бомбежку гитлеровской «европейской крепости». Через несколько часов они возвратились обратно; правда, строй их был нарушен, но тем не менее армада «Либерейторов» и «Летающих крепостей» представляла внушительное зрелище. В такие дни жителям Дрвара можно было не бояться немецкой авиации. Фашистские летчики не рисковали подыматься в воздух, так как американские бомбардировщики ходили в сопровождении мощных истребителей — «Мустангов» и «Лайтнингов». Казалось, были все основания считать, что торжества, намеченные на 25 мая, состоятся без помех.

Городок был заботливо украшен зеленью и цветами. Вечером 24 мая в Доме культуры молодежь, затаив дыхание, смотрела фильм о советской партизанке Зое Космодемьянской, а затем до поздней ночи веселилась и танцевала. К полуночи городок затих, лишь время от времени слышался мерный стук солдатских башмаков проходивших патрулей и резкие окрики часовых: «Сто! Ко иде?», напоминавшие о войне. Дрвар, хотя и был в то время столицей Новой Югославии, находился весьма близко от расположения войск оккупантов.

Руководство Народно-освободительного движения Югославии — ЦК КПЮ, Верховный штаб, Национальный комитет освобождения Югославии и Президиум АВНОЮ — разместилось в Дрваре и его окрестностях в начале января 1944 г. Отсюда Верховный штаб Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии руководил освободительными вооруженными силами, в составе которых к маю 1944 г. было 34 дивизии, сведенные в 11 корпусов, и свыше 70 партизанских отрядов и отдельных батальонов. В прибрежных водах Адриатического моря успешно действовал партизанский военно-морской флот, состоявший из захваченных у врага катеров и многочисленных вооруженных моторных и парусных рыбацких судов. Ежедневно в Дрвар приходили десятки связных из ближних и дальних районов страны с донесениями о боевых действиях соединений и частей НОАЮ и возвращались назад с директивами Верховного штаба. Осуществлялась связь и по радио — с Главными штабами национальных земель и штабами корпусов.

С 24 февраля 1944 г. в Дрваре находилась Советская военная миссия, направленная в Югославию по решению Советского правительства для установления связи с руководством народно-освободительного движения Югославии и оказания помощи югославскому народу. Ее возглавлял генерал-лейтенант Н. В. Корнеев, боевой путь которого начался еще в годы гражданской войны. Накануне Великой Отечественной войны он был преподавателем оперативного искусства в Высшей военной академии Генерального штаба Красной Армии, а с первых дней войны — начальником штаба одной из армий. Его заместитель генерал-майор А. П. Горшков до войны больше десяти лет прослужил в пограничных войсках. Во время сражения за Москву капитан Горшков сформировал и возглавил тульский рабочий полк, отстоявший город русских оружейников от натиска танков Гудериана, а в 1942—1943 гг. командовал крупным соединением советских партизан, действовавшим в Брянских лесах. Офицеры миссии — полковник Н. К. Патрахальцев и майор Г. С. Харитоненков — в рядах советских добровольцев принимали участие в гражданской войне в Испании. В составе миссии входили боевые офицеры — специалисты различных родов войск, готовые с радостью поделиться своим богатым опытом с югославскими товарищами по оружию. (Автор этих строк был адъютантом начальника миссии и переводчиком.)

Прибытие военной миссии в Дрвар позволило установить прямой контакт между Верховным главнокомандованием Красной Армии и Верховным штабом Народно-освободительной армии Югославии, что имело большое значение для координации их операций в самом ближайшем будущем. Установление устойчивой радиосвязи между Дрваром и Москвой позволило сразу же после прибытия миссии наладить доставку из Советского Союза воздушным путем оружия, боеприпасов, медикаментов и других военных грузов для НОАЮ. Для этого Командованием Aviации дальнего действия была создана Особая авиагруппа, самолеты которой, преодолевая расстояние до 1300 км в один конец, начали полеты в Югославию. На летных картах пилотов и штурманов Особой авиагруппы появились названия до того времени неизвестных им населенных пунктов, таких как Гламоч, Босански Петровац и другие.

В распоряжении начальника Советской миссии имелся транспортный самолет (один из двух, доставивших миссию из СССР), который базировался на союзном аэродроме близ г. Бари в Южной Италии. Из полагавшегося по штату экипажа в пять человек на самолете осталось лишь четверо — командир корабля гвардии майор А. С. Шорников, второй пилот гвардии капитан Б. Т. Калинин, борт-инженер гвардии инженер-капитан И. Г. Галактионов и борт-радиотехник гвардии старший лейтенант Н. С. Вердеревский. Штурмана самолета гвардии капитана П. Н. Якимова генерал Корнеев решил взять с собой в Югославию и поручить ему организацию посадочной площадки в районе Дрвара. Такой аэродром вскоре был оборудован вблизи деревни Медено поле в 7 км от города Босански Петровац. В помощь П. Н. Якимову командование 5-го корпуса НОАЮ выделило аэродромную команду с поручиком Бошко Босничем во главе. У Павла Якимова, Бошко Боснича и их товарищей началась напряженная «ночная жизнь»: к прилету самолетов надо было подготовить костры, разложив их в заранее обусловленном на данный день порядке; при появлении самолета над площадкой обменяться с ним кодовыми световыми сигналами; после сброса собрать мешки с грузами и парашюты. И нередко Боснич и его бойцы после бессонной ночи весь следующий день прочесывали окружающую местность в поисках унесенного ветром далеко от костров ценного груза. В руках многих бойцов НОАЮ вскоре появились советские автоматы. В одну из таких ночей были доставлены крупнокалиберные пулеметы системы ДШК, и Дрвар обзавелся двумя зенитными батареями. Один пулемет был установлен на аэродроме.

Это было весьма кстати, так как и партизаны и население освобожденных территорий были совершенно беззащитны перед вражеской авиацией. Первую массированную вражескую бомбардировку на югославской земле Советская военная миссия испытала 6 апреля 1944 г. Со свойственным им пристрастием к устрашающим эффектам гитлеровцы решили таким путем ознаменовать третью годовщину своего нападения на Югославию, начавшегося 6 апреля 1941 г. с варварской бомбардировки Белграда и других югославских городов. К счастью, дело обошлось без жертв. В дальнейшем были приняты необходимые меры, и фашистские самолеты, часто появлявшиеся над Дрваром (правда, в меньшем количестве, чем 6 апреля), ущерба миссии не нанесли.

В начале мая Верховному штабу стало известно о концентрации фашистских войск на границах освобожденной территории — враг готовился к очередному наступлению. При этом на аэродроме близ Загреба были замечены десантные планеры, что наводило на мысль о возможном воздушном десанте. Получив эти сведения в Верховном штабе, генерал Корнеев отдал соответствующие распоряжения: были назначены сборные пункты сотрудников миссии (она размещалась в хуторах по обе стороны реки Унац в

1—2 км севернее Дрвар), часть имущества миссии была отправлена в поселок Потоци, где Верховный штаб решил создать запасный командный пункт на случай прорыва войск противника к Дрвару. К городу была подтянута одна бригада из состава 6-й Пролетарской Ликской дивизии, прикрывавшей Дрвар с запада, где граница освобожденной территории проходила от него на расстоянии не более 20 км. Однако ввиду того, что противник усилил свой нажим на этом направлении, а также в связи с поступившими известиями, что союзная авиация будто бы разбомбила аэродром под Загребом, что, по всей видимости, снимало угрозу десанта с воздуха, бригада в середине мая была возвращена на прежние позиции. Из боевых частей в Дрваре оставались лишь охранный батальон Верховного штаба и офицерская школа, слушатели которой в основном были вооружены личным оружием. Остальные воинские контингенты (два батальона инженерной бригады, персонал сапожной и пошивочной мастерских Верховного штаба, охрана тыловых органов и служб и др.) состояли из бойцов старших возрастов и были весьма слабо вооружены.

«ПАРТИЯ» НАЧАЛАСЬ

В 5 часов утра 25 мая Дрвар был разбужен гулом десятков самолетов, появившихся над городом. Часовой, стоявший у одного из домов, в которых размещалась Советская военная миссия, подал сигнал тревоги. «Извините, что вас потревожил, это — союзники», — сказал он вышедшим из дома офицерам, видимо, сбитый с толку огромным количеством самолетов, напомиравшим о вчерашнем пролете союзнической армады. Но тут же он понял свою ошибку, ибо «союзники» уже входили в пики. Раздались первые взрывы бомб, первые пулеметные очереди. Свыше ста вражеских самолетов волна за волной бомбили и обстреливали Дрвар и его окрестности. Фашистские летчики с особенным усердием обрушивались на... кладбище, находившееся на южной стороне Дрварской котловины, так как именно оно под шифром «Цитадель» было обозначено на их планшетах как место пребывания Верховного штаба. В действительности же Верховный штаб помещался на противоположной стороне долины, а для маршала Тито там же в пещере на высоте около 20 м от подножия горы Градина был построен деревянный трехкомнатный домик. Многометровая толща гранита над домиком в пещере была надежной защитой от любых бомб. Но в последующие часы пещера превратилась в опасную западню, так как выход из нее (вырубленные в камне ступеньки) оказался открытым огню врага.

Бомбардировка продолжалась целый час. В 6 часов бомбардировщики покинули небо над Дрваром, а через пять минут появилось 40 транспортных самолетов типа Ю-52, влекущих за собой десантные планеры. Из «юнкерсов» посыпались парашютисты, а планеры, отделившись от них, стали один за другим приземляться на немногочисленные открытые лужайки в непосредственной близости от города. Приземлившиеся парашютисты и выскочившие из планеров эсесовцы сразу же открывали огонь по всему живому — будь то одетый в военную форму боец, старуха-крестьянка или малый ребенок.

Боевая группа «Пантера» устремилась к «Цитадели» и была весьма обескуражена, обнаружив, что это кладбище. Командир десанта гауптштурмфюрер СС Курт Рибке решил превратить кладбище, огороженное толстой каменной стеной, в свой командный пункт. «Штурмующие» бросились к «Москве», которая, как они считали, находилась в центре города. (Как стало известно позднее, эсесовцы имели приказ не брать советских воинов в плен, а поступать с ними как с партизанами. Английскую и американскую миссии было приказано захватить в плен и препроводить в Загреб.) При-

ведя свое воинство в порядок и поняв свою ошибку, Рибке приказал штурмовать пещеру, а подступы к ней, где заняли оборону бойцы Охранного батальона Верховного штаба, обстреливать из минометов, пулеметов и горных орудий, к тому времени уже выгруженных из планеров. Цепи эсесовцев устремились через город к пещере, уничтожая все на своем пути, но встреченные сосредоточенным огнем пулеметов и автоматов Охранного батальона, остановились и залегли.

Тем временем к Дрвару уже спешили на помощь курсанты Офицерской школы (расположенной в хуторке в 3 км юго-западнее). Около 8 часов утра они вступили в бой, а к 10 часам подошли первые подразделения из состава 6-й Пролетарской дивизии, вслед за ними подходили, вернее подбегали, другие и с ходу атаковали врага. Поредевшие остатки эсесовцев были отброшены к кладбищу, их командир тяжело ранен и эвакуирован самолетом «Физелер-шторх», стоявшим наготове, чтобы немедленно увезти маршала Тито, если он будет захвачен в плен.

Хотя бойцы 6-й дивизии и оттеснили от пещеры рвавшихся к ней десантников, выходить из нее по-прежнему было опасно. Даже попытка посмотреть, что творится в долине, стоила жизни молодому словенцу Владо-Хенрику Миклаву, ординарцу Э. Карделя, укrywшегося вместе с И. Милутиновичем в пещере как только началась бомбардировка. Владо погиб от пули немецкого снайпера, державшего под прицелом выход из пещеры. Но из пещеры было надо выйти во что бы то ни стало. И выход был найден. Из парашютных строп был сплетен прочный шнур, разобранный пол в дальней комнате домика, и по этому шнуру все, кто находился в пещере, спустились вниз под прикрытием водопада, падавшего под полом домика из пещеры, где имелся небольшой водоем.

Советская военная миссия в соответствии с ранее намеченным планом организованно собралась в обусловленном месте и затем в сопровождении взвода бойцов из Охранного батальона поднялась на гору Клековача, откуда перешла в Потоци. Английская и американская миссии находились на противоположной стороне долины, в 3 км южнее Дрвара. С началом бомбардировки многие офицеры не захотели уйти в укрытие, и бойцам, охранявшим их, пришлось чуть ли не силой заставить некоторых из них покинуть дом. В конце концов миссии западных союзников отошли на гору Яворье, но четыре журналиста — два корреспондента (американец югославского происхождения Стоян Прибичевич и англичанин Джон Тальбот) и два фоторепортера — остались на месте и наблюдали за событиями в Дрваре. Во время особенно жестокого обстрела из летавших над долиной самолетов они укрылись в щели, где и были захвачены в плен парашютистами, которые отвели их в развалины целлюлозной фабрики, превращенной в лагерь военнопленных. Когда положение десантников значительно ухудшилось, они заставили пленных, в том числе и Прибичевича, выносить раненых. Во время одной из стремительных атак защитников Дрвара Прибичевич был освобожден из плена, пробыв в нем несколько часов. Тальбот и два фотокорреспондента оставались в немецком плену до конца войны.

Сражение в Дрваре продолжалось весь день 25 мая и всю ночь. Во второй половине дня в бой вступил один батальон 1-й Далматинской бригады, форсированным маршем прибывший в Дрвар. К утру следующего дня остатки 500-го батальона СС с трудом удерживались на кладбище. Их часы были, казалось, сочтены, но, как показали дальнейшие события, «партия», разыгранная в штабе 2-й танковой армии, лишь перешла из дебюта в мительшпиль.

СЕДЬМАЯ «ОФАНЗИВА»

По плану, разработанному в штабе генерала Рендулица, после «хода конем» в действие должны были вступить «тяжелые фигуры» — сухопутные, преимущественно мотомеханизированные части, в задачу которых входило стремительными бросками прорваться к Дрвару, поддержать там действия десанта, а после успешной ликвидации Верховного штаба заняться уничтожением всех соединений и частей НОАЮ в широком районе Западной и Центральной Боснии. Основную силу выделенных для этой операции войск составляли механизированные и танковые подразделения стяжавшей себе самую гнусную славу 7-й дивизии СС «Принц Евгений» (сформированной летом 1942 г. из банатских немцев) и эсесовской дивизии «Бранденбург». На ряде участков была использована пехота.

Наступление на Дрвар началось на всех направлениях почти одновременно с началом бомбардировки города — в 5 часов утра 25 мая. Хотя по плану уже в тот же день несколько колонн, движущихся встречными маршрутами, должны были соединиться в Дрваре, врагу не удалось этого добиться из-за ожесточенного сопротивления, оказанного ему на всех направлениях. Правда, почти всюду частям НОАЮ и партизанским отрядам пришлось отступить. Ранним утром 26 мая части НОАЮ, готовившиеся к последнему штурму засевших на кладбище остатков десанта, по приказу Верховного штаба были отведены, так как такой штурм стоил бы многих жертв, а Дрвар все равно пришлось бы оставить в связи с наступлением крупных сил врага.

Заняв Дрвар, фашисты, не оставляя мысли захватить руководство югославского народно-освободительного движения, попытались окружить отошедшие от Дрвара войска на горном массиве Клековача. Пользуясь прекрасной погодой, фашистская авиация совершала налеты на партизанские колонны, биваки и т. д. Подверглись бомбардировке и Потоци, где Верховный штаб, Военная миссия СССР и миссии западных союзников оставались в течение трех дней. Войска НОАЮ отбивали непрерывные атаки рвавшихся с нескольких сторон к месту пребывания Верховного штаба крупных частей врага.

В ночь на 30 мая Верховный штаб покинул Потоци и, пройдя за ночь около 40 км, прибыл к подножию горы Велики Шатор. Хотя частям НОАЮ, обеспечивавшим безопасность Верховного штаба и других руководящих органов освободительного движения и союзных миссий, удалось оторваться от частей врага, занявших Потоци, они все еще продолжали оставаться в кольце окружения.

Десант на Дрвар и начавшееся одновременно с ним наступление крупных сил оккупантов на освобожденную территорию в Западной Боснии затруднили руководство боевыми действиями Народно-освободительной армии Югославии, нарушили деятельность Национального комитета освобождения и Президиума АВНОЮ, которым под сильным давлением противника приходилось совершать длительные марши. На время прервалась связь с Главными штабами национальных земель, поскольку в Дрваре была уничтожена радиостанция Верховного штаба. Между тем дальнейшее разворачивание событий на всех фронтах войны, многочисленные вопросы, касающиеся взаимоотношений Новой Югославии с эмигрантским королевским правительством и западными союзниками, требовали размещения высших руководящих органов освободительного движения в таком месте, где они не были бы столь подвержены капризам быстро меняющейся обстановки на фронте. Такой выход был найден.

Во время привала на склоне Великого Шатора маршал Тито пригласил начальника Советской военной миссии генерала Н. В. Корнеева, мнение

которого он высоко ценил, чтобы обсудить с ним ряд неотложных вопросов. Н. В. Корнеев предложил помощь в переброске маршала Тито и других руководителей Новой Югославии в любое, наиболее удобное место. Было решено, что Верховный штаб и другие руководящие органы перебазироваться на остров Вис, который еще с сентября 1943 г. удерживала 26-я Далматинская дивизия НОАЮ. Для этого было решено использовать самолет, находившийся в распоряжении Советской военной миссии и базировавшийся на союзническом аэродроме близ города Бари. Там же в это время находился и заместитель начальника Советской миссии полковник С. В. Соколов, которому срочно была послана радиограмма с распоряжением подготовить самолет к вылету в Боснию, когда это потребуеться.

КУРС — КУПРЕШКО ПОЛЕ

События 25 мая вызвали серьезную озабоченность в Москве и в Бари, когда радиостанция Советской военной миссии не вышла в положенное время на связь. Бортрадист Николай Вердеревский, радист полковника Соколова Борис Каргашин в Бари и радисты московского радиоцентра не снимали наушников, ожидая позывные дрварской радиостанции Советской миссии. Связь была установлена лишь через двое суток, и тогда в Москве и в Бари узнали о гитлеровской диверсии. А. С. Шорников и его экипаж не покидали аэродрома, ожидая приказа вылететь.

Тем временем войска, сопровождавшие Верховный штаб, в районе местечка Обрштине и в районе железнодорожной станции Млиништа с боем пробили заслоны, поставленные врагом, и двинулись к местечку Купрес, расположенному в широкой котловине под названием Купрешко поле. Вместе с передовым отрядом туда направились генерал-майор А. П. Горшков и капитан П. Н. Якимов (присоединившийся к Военной миссии после десанта на Дрвар), чтобы выбрать и подготовить площадку для приема самолета, прилет которого был назначен в ночь на 4 июня. К просьбе Верховного штаба, адресованной миссиям Англии и США прислать свои самолеты, западные союзники отнеслись весьма сдержанно, ссылаясь на большой риск посадки на незнакомую площадку в неблагоприятных метеоусловиях (к этому времени погода резко ухудшилась — на Адриатическом море бушевала буря, а над Боснией стояла густая низкая облачность). Более того, аэродромное начальство в Бари заявило, что, по их сведениям, полет должен состояться в ночь на 5 июня (а не на четвертое, как гласил приказ, полученный Шорниковым). Тогда Шорников пошел на хитрость и попросил выпустить его в разведывательный полет, необходимый для ознакомления с местностью, куда ему придется лететь завтра. Против этого союзники возражать не могли, и как только стемнело, транспортный самолет С-47 с красными звездами на крыльях поднялся в воздух и взял курс на Купрешко поле.

Полет проходил в крайне сложных условиях: нужно было миновать пункты зенитной обороны немцев, расположенные на побережье, и в горах найти площадку, обозначенную кострами. К тому же в составе экипажа не было штурмана (Якимов в то время был на Купрешком поле, где заканчивался 101-й день его «сухопутной» службы). Поэтому большая часть его работы легла на бортрадиста Вердеревского, в совершенстве владевшего методами радионавигации. Бортинженер Галактионов нес всю полноту ответственности за техническое состояние самолета. Ведь базировались они на чужом аэродроме, а не на своем, где к услугам экипажа всегда имеется целая армия «технарей». Второй пилот Калинин готов был в любую минуту взять в руки штурвал, если что-либо случится с командиром корабля Шорниковым.

Место для посадки было выбрано на лугу, поблизости от деревни Равно, само название которой говорит, что расположена она на ровном месте. К тому времени, когда самолет, пробив облака, стал делать первый круг, все уже были в сборе. Вспыхнули посадочные костры, пламя которых тут же померкло в ярком свете самолетных фар. К остановившемуся самолету подошли маршал Тито, Кардель, Милутинович, генералы Корнеев и Горшков, офицеры Советской военной миссии, исполняющий обязанности начальника английской военной миссии полковник Вивин Стрит и его сослуживцы, члены американской миссии.

Поблагодарив летчиков за успешное выполнение задания, генерал Корнеев пригласил маршала Тито и его ближайших сотрудников, а также руководителей миссий Англии и США занять места в самолете. Перелет до Бари, занявший около двух часов, прошел спокойно. В эту же ночь советский самолет совершил еще один рейс на Купрешко поле, доставив в Бари в общей сложности 40 человек.

Ревниво следя за спокойным мужеством советских летчиков, союзники в эту ночь также совершили два рейса на Купрешко поле, которое вслед за тем было занято фашистскими войсками, продолжавшими преследовать части НОАЮ.

После короткой остановки в Бари руководство югославского освободительного движения было доставлено на английском миноносце на остров Вис, ставший вплоть до освобождения Белграда 20 октября 1944 г. столицей Новой Югославии.

КТО ЖЕ ВЫИГРАЛ «ПАРТИЮ»?

«Ход конем» явно не принес тех результатов, на которые рассчитывали в гитлеровской ставке. ЦК КПЮ, Верховный штаб НОАЮ, Национальный комитет освобождения Югославии и Президиум АВНОЮ без потерь покинули Дрвар и при содействии Советской военной миссии были доставлены в безопасное место. От 500-го парашютно-егерского батальона СС, насчитывавшего около 900 человек, в живых осталось не более 200.

Безуспешными оказались и попытки наземных войск оккупантов окружить и уничтожить группировку НОАЮ в Боснийской Крайне. Седьмое фашистское наступление выдохлось уже через три недели: в середине июня войска оккупантов, принимавшие в нем участие, были в основном отброшены за пределы освобожденной территории в Боснийской Крайне, так и не выполнив возложенную на них задачу и понеся значительные потери.

Само собой разумеется, что отражение воздушного десанта и бои с наземными войсками, вторгшимися на освобожденную территорию, не обошлись без потерь и для НОАЮ. Особенно же пострадало население Дрвара и его окрестностей.

Героически погибли, отстреливаясь до последнего патрона, шестеро членов дрварского Окружного комитета Союза Коммунистической молодежи Югославии, забаррикадировавшиеся в здании Комитета. Понесла потери Офицерская школа; в рядах ее курсантов, первыми прибежавших в Дрвар, погиб командир 4-го батальона 3-й Ликской бригады 6-й Пролетарской дивизии Мича Обрадович, а командир этой бригады Народный герой Югославии Милан Шиян был тяжело ранен. В ночном бою пал командир одной из рот 1-го батальона 1-й Далматинской пролетарской бригады Койо Паловерза. Многих бойцов недосчитался Охранный батальон Верховного штаба.

Эсесовские бандиты буквально залили Дрвар и его окрестности кровью мирных жителей. Женщин, детей, стариков убивали поодиночке на месте

или стогая в группы для массового расстрела, сжигали живыми в домах, гнали перед собой, идя в атаку на позиции защитников города. Всего, по заключению Государственной Комиссии по расследованию преступлений оккупантов и их пособников, эсесовцы только 25 мая уничтожили около 300 мирных жителей⁴. Имущество горожан было разграблено или уничтожено. Неповрежденными в Дрваре осталось всего семь домов. За все эти «ратные подвиги» Гитлер наградил гауптштурмфюрера Рибке рыцарским крестом.

Хитроумный «ход конем» не принес его авторам успеха в разыгранной ими «партии». Более того, сам факт, что гитлеровские стратеги прибегли к бандитскому нападению на Дрвар, говорил об их слабости, а вовсе не о силе. Это подтвердил и весь ход седьмого наступления. С первых же его дней войска НОАЮ, по приказу Верховного штаба, во всех районах страны перешли в наступление, что лишило оккупантов возможности послать подкрепления войскам, вторгшимся на освобожденную территорию в Боснийской Крайне. А большая группа дивизий НОАЮ, в том числе и ряд участвовавших в отражении наступления врага в Боснийской Крайне, в соответствии со стратегическим замыслом Верховного штаба устремилась на восток, к границам Сербии, навстречу приближавшейся к Балканам Красной Армии.

Избегнув окружения, войска 5-го корпуса НОАЮ сами развернули наступательные боевые действия и к середине июня вернули почти всю прежнюю свободную территорию за исключением коммуникации Босански Петровац — Дрвар — Книн. К концу августа оккупанты были изгнаны и оттуда. С тех пор и до самого конца войны Дрвар не видел больше ни одного вражеского солдата.

Оценку операции «Ход конем» и седьмому наступлению оккупантов дал Верховный главнокомандующий НОАЮ маршал Тито: «Воздушное нападение на Дрвар входило в план немецкого командования при подготовке седьмого наступления... Это было последнее крупное немецкое наступление, которое также не могло принести успеха в борьбе против Народно-освободительной армии, с огромным воодушевлением отражавшей последние удары врага... Это были последние попытки Гитлера, но это были только попытки, а воздушный десант на Дрвар был по существу лишь отчаянным актом мести и попыткой ликвидировать главных руководителей восстания. Благодаря быстрому вмешательству 6-й Ликской дивизии и Офицерской школы Верховного штаба эта отчаянная попытка позорно провалилась»⁵.

ГОЛОСКИ ВЗРЫВОВ НАД ДРВАРОМ

По целому ряду причин в печать в течение длительного времени (более 10 дней) не поступало никаких сведений о событиях 25 мая в Дрваре. Английские и американские корреспонденты, находившиеся в Бари, хотя и добыли в штабах союзников, весьма небрежно сохранявших военную тайну, известные сведения о нападении фашистских десантников на Дрвар, но ввиду настойчивых требований руководства Базы НОАЮ в Италии откладывали их публикацию до поступления официального коммюнике от радиостанции «Свободная Югославия».

Долго молчала и пропаганда фашистской Германии и ее сателлитов. Лишь в вечерней оперативной сводке за 6 июня появилось первое сообщение. Явно стремясь хоть в какой-то мере снизить эффект от высадки англо-американских войск в Нормандии, ведомство Геббельса решило восполь-

⁴ S. Šev o. Ibid., s. 141.

⁵ J. B. T i t o. Izgradnja Nove Jugoslavije, knj. III. Zagreb, 1950, s. 244—245.

зоваться бесславными итогами «Хо́да конем», преподнеся их как очередную «крупную победу». В сводке утверждалось, что штаб Тито разгромлен, что противник, по предварительным данным, потерял 6240 (!) человек, что нападающие захватили массу разнообразного вооружения и многочисленные склады.

Вслед за этим сообщением ударили во все колокола квислинговские органы печати. Четничный «Голос черногорца» от 8 июня буквально ликовал, нагромождая один вымысел на другой («уничтожено или захвачено в плен 90 % членов штаба Тито», «среди многочисленных пленных, попавших в руки немцев, находятся все члены английской, американской и советской военных миссий»). Павеличевские газеты «Усташа» и «Хрватски лист» провозгласили «уничтожение» Верховного штаба «поворотным пунктом в хорватской истории», «началом конца партизан в Хорватии».

Тогда же появились сообщения в английской и американской прессе. Западные агентства и газеты, в целом более или менее верно излагая события, значительно преувеличивали масштабы наступления оккупантов. Да иначе и быть не могло. Ведь без этого такие факты, как, например, эффективное двухчасовое пребывание в плену у эсесовцев корреспондента известных американских журналов «Тайм», «Лайф» и «Форчун» Стояна Прибичевича и особенно присутствие при Верховном штабе НОАЮ Рэндолфа Черчилля — сына британского премьера — выглядели бы весьма будничными событиями.

Москва внимательно следила за событиями, развернувшимися в далекой Боснии. Радиограммы, поступавшие от Советской военной миссии, медленно доставлялись в Ставку Верховного главнокомандования. Генеральному штабу и Командованию авиации дальнего действия было поручено разработать меры по оказанию помощи руководству югославского освободительного движения. Как мы уже видели, эти меры были успешно осуществлены.

2 июня 1944 г. «Правда» опубликовала сообщение под заголовком «Неудачная попытка гитлеровцев захватить штаб маршала Тито», в котором говорилось о воздушном десанте «в районе главного штаба маршала Тито. Благодаря своевременно принятым мерам немецкие парашютисты в количестве нескольких сот солдат и офицеров были уничтожены или взяты в плен. Гитлеровцы не сумели нанести штабу никакого вреда». 4 июня в своей постоянной рубрике «Бои в Югославии» «Правда» со ссылкой на сообщение Верховного штаба Народно-освободительной армии Югославии сообщила о начавшемся в Западной Боснии наступлении оккупантов и привела подробности развернувшихся там событий. «25 мая, — говорилось в этой информации, — немцы высадили в гор. Дрвар два воздушных десанта. Высадка десанта проводилась под прикрытием интенсивных налетов вражеских бомбардировщиков. Части народно-освободительной армии окружили десантные части и в ожесточенных боях истребили более половины гитлеровцев. Пытаясь спасти от полного разгрома десантные части, немцы бросили в бой моторизованную дивизию, поддержанную танковыми частями и крупными силами авиации».

В следующие дни «Правда» и другие советские газеты публиковали весьма подробную и точную информацию не только о ходе боев в Западной Боснии, но и в других районах Югославии. 20 июня советская печать сообщила о полном провале 7-го немецкого наступления в Западной Боснии. В этот же день Президиум Верховного Совета СССР издал два указа, имеющие самое непосредственное отношение к описанным нами событиям. Одним из этих указов капитану Калинкину Борису Тихоновичу, майору Шорникову Александру Сергеевичу и капитану Якимову Павлу Никитовичу присваивалось звание Героев Советского Союза. Другим указом стар-

ший лейтенант Вердеревский Николай Сергеевич и инженер-капитан Галактионов Иван Григорьевич награждались орденами Ленина⁶.

Эти высокие награды красноречиво говорят о том, какое значение придавали ЦК ВКП(б) и Советское правительство полету пятерки отважных летчиков из Бари на Купрешко поле.

Руководство Новой Югославии высоко оценило вклад Советской военной миссии в борьбу за освобождение Югославии от общего врага. В сентябре 1944 г., собравшись на острове Вис на одно из своих очередных заседаний, Президиум Антифашистского веча народного освобождения Югославии издал указ о провозглашении Народными героями Югославии трех советских летчиков — гвардии майора Александра Сергеевича Шорникова; гвардии капитана Бориса Тихоновича Калинин и гвардии капитана Павла Никитовича Якимова; гвардии инженер-капитан Иван Григорьевич Галактионов и гвардии старший лейтенант Николай Сергеевич Вердеревский были награждены орденами «Партизанская звезда» II степени. Одновременно был издан указ о награждении членов Советской военной миссии орденами «Партизанская звезда» I, II и III степени. Указы подписали председатель Президиума АВНОЮ д-р Иван Рибар и секретарь Президиума Родолюб Чолакович. А ордена награжденным были вручены уже в освобожденном Белграде.

Высшие награды Советского Союза и родившейся в боях за свое национальное и социальное освобождение Новой Югославии, которых были удостоены три советских летчика, символизируют боевое братство народов СССР и Югославии, являющееся их совместным бесценным достоянием.

⁶ «Правда», 1944, 21 июня. Несколько позднее весь состав Советской военной миссии Югославии был награжден боевыми орденами.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

HENRYK RECHOWICZ. Polska Partia Robotnicza w Śląsko-Dąbrowskim obwodzie. Katowice, 1972, 478 s.

ГЕНРИК РЕХОВИЧ. Польская рабочая партия в Силезско-Домбровском округе

До начала 60-х годов о деятельности ППР в период гитлеровской оккупации в Силезско-Домбровском округе, входившем в состав Катовицкой регенции, было известно очень мало. Существовало даже мнение, что ППР не вела работы на этой территории, что ее первые организации здесь возникли после изгнания немецких оккупантов. По инициативе Воеводского комитета ПОРП в Катовицах началось изучение истории ППР в Верхней Силезии в Домбровском бассейне. Проф. д-р Г. Рехович предпринял попытку обстоятельно осветить деятельность партии на этих землях в годы гитлеровской оккупации. При исследовании этой проблемы ему пришлось встретиться с большими трудностями, обусловленными ограниченностью источниковедческой базы. О работе организаций ППР, действовавших в глубоком подполье, сохранилось очень мало документов и материалов. Многие деятели ППР, арестованные гитлеровской полицией, постарались скрыть от нее все, что было возможно. О некоторых событиях и фактах остались лишь частичные или косвенные сведения. При таком состоянии документальной базы особое значение приобретали воспоминания членов ППР, работавших в Силезско-Домбровском округе в годы оккупации. Содержащиеся в этих воспоминаниях сведения нередко являются единственным источником по данному вопросу.

Автор внимательно обследовал архивные фонды, в которых могли находиться материалы по интересующей его проблеме, использовал опубликованные воспоминания, записи воспоминаний участников и свидетелей событий и буквально по крупицам собрал значительный материал, позволивший ему более или менее подробно охарактеризовать разные стороны деятельности ППР в этом округе.

В книге отмечаются особенности отдельных районов Силезско-Домбровского округа, связанные с уровнем национального развития и размахом революционной борьбы пролетариата, и показывается политика гитлеровских оккупантов в отношении польского населения. Раскрывая своеобразие этой политики в Верхней Силезии, где оккупационные власти зна-

чительную часть поляков зачислили фольксдойчев, автор указывает, что сложившаяся здесь ситуация существенно затрудняла ведение борьбы против оккупантов.

Исследование Г. Реховича дает представление о позиции и деятельности коммунистических групп в Верхней Силезии и Домбровском бассейне накануне и во время войны и в период оккупации до образования ППР. Коммунисты, подчеркивает автор, разъярили народу опасность гитлеровской агрессии и самоотверженно боролись против захватчиков. До нападения фашистской Германии на СССР деятельность коммунистических групп в округе была сравнительно ограниченной: коммунисты слушали зарубежное радио, встречались между собой, обменивались информацией, обсуждали волновавшие их вопросы, вели разъяснительную работу среди лиц, заслуживающих доверия, разоблачали антисоветскую пропаганду, вдохновляли народ на борьбу, осуществляли мелкие акты саботажа. Однако она имела существенное значение, так как создавала предпосылки для возникновения ППР и знаменовала собой жизненность и непрерывность коммунистического движения в этом округе.

Обстоятельно освещается в книге процесс создания организаций ППР и организационная структура партии в Домбровском бассейне и Верхней Силезии. Как показывает автор, первые организации ППР в Домбровском бассейне были созданы особой инициативной группой в феврале 1942 г. В дальнейшем работа по созданию групп ППР осуществлялась и направлялась представителями или уполномоченными ЦК ППР и местных партийных комитетов. Членами ППР стали деятели «Товарищества друзей СССР» и других коммунистических и левых подпольных групп. Верхнесилезская организация ППР возникла в 1942 г.; действовавшие здесь организации «Друзей Советского Союза» и «Союза силезских патриотов» в 1943 г. вошли в ППР. По приблизительным данным в январе 1943 г. в Домбровском бассейне насчитывалось 800, в Верхней Силезии (по-видимому, с учетом Бельского района) — 800 членов ППР.

Многие из них погибли в результате репрессий оккупантов.

Большое внимание уделяется в монографии идейно-политической работе партийных организаций округа, пропаганде ими программных и тактических положений ППР. Автор анализирует материалы местных партийных изданий, показывает идейно-политические позиции окружной организации, ее отношение к специфическим проблемам Верхней Силезии, формы пропагандистской деятельности. При этом ярко раскрывается интернационалистская позиция в теоретической и практической деятельности партийной организации округа. Члены ППР понимали историческую роль первого в мире социалистического государства, его значение в борьбе против гитлеровских захватчиков, пропагандировали идеи солидарности и дружбы с СССР, посильно помогали советским людям, оказавшимся в гитлеровском плену и угнанным на принудительные работы, содействовали советским десантным группам в выполнении их заданий, сотрудничали с немецкими и чехословацкими антифашистами, выступали в защиту еврейского населения.

В книге дается всесторонняя характеристика вооруженной борьбы окружной организации ППР и объединившихся вокруг нее антифашистских сил против гитлеровских оккупантов. Автор рассказывает о создании и организационной структуре Гвардии людовой и Армии людовой, политической работе по мобилизации масс на борьбу с врагом, о мерах по обеспечению боевых групп оружием и продовольствием, о боевых действиях

отрядов ГЛ и АЛ. Партизаны наносили значительный урон врагу. Властями Катовицкой регенции было зарегистрировано 101 нападение на железнодорожные коммуникации, из них 84 акции были удачными. Совершались диверсии на линиях передачи электроэнергии, происходили боевые стычки с врагом. Важное значение имели акты саботажа на предприятиях, работавших на оккупантов.

Рассматривая деятельность окружной организации ППР накануне изгнания оккупантов, автор показывает ее усилия, направленные на создание рад народных, организацию их работы, обеспечение условий для установления народной власти. Одна из важных ее задач состояла в том, чтобы сохранить промышленные предприятия от уничтожения их оккупантами. В книге содержатся краткие биографические очерки некоторых видных деятелей ППР, погибших в годы гитлеровской оккупации.

Монография Г. Реховича — первый систематический обобщающий труд по истории ППР в Силезско-Домбровском округе. Отдельные вопросы организации и деятельности партии из-за недостатка источников не получили в нем достаточного или полного освещения. Поэтому некоторые суждения автора имеют предположительный характер. Несмотря на это, исследование Г. Реховича во многом обогащает знания и является ценным вкладом в историографию польского революционного рабочего движения.

И. И. Костюшко

И. С. ЯЖБОРОВСКАЯ. Идейное развитие польского революционного рабочего движения (конец XIX — первая четверть XX в.). «Наука», 1973, 415 стр.

Тема рецензируемой книги весьма актуальна как в научном, так и в политическом отношении. За последние годы на Западе появилось немало книг, авторы которых пытаются любой ценой преувеличить значение не революционного, а реформистского, соглашательского направления в рабочем движении ряда стран, в том числе и Польши.

И. С. Яжборовская взяла для своего исследования довольно значительный отрезок времени, — начиная с 90-х годов минувшего века и кончая первыми годами после победы Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1923 гг.). Это усиливает научное значение работы, ибо дает возможность проследить эволюцию в идейном развитии левого крыла польского рабочего движения на протяжении почти трети столетия.

Автор широко использовала имеющиеся источники и литературу, по нашим под-

счетам, около 150 произведений классиков марксизма-ленинизма, более 170 партийных документов, принадлежащих КПСС, ПОРП, КПП, СДКПиЛ, Коминтерну, материалы более 70 архивных фондов из государственных и партийных архивов СССР и ПНР. В работе также учтены свыше 70 монографий, авторами которых являются советские, польские и немецкие (ГДР) авторы.

Во введении к монографии говорится: «При работе над настоящей книгой автор ставил перед собой задачу исследовать прежде всего политическую идеологию — социально-политические убеждения, политические программные установки и основы политической стратегии польского революционного рабочего движения, а также философские, правовые и другие взгляды, развивавшиеся в его рамках» (стр. 22).

Поставленная задача в основном реше-

на. Мы говорим «в основном», ибо если политические программные установки основы политической стратегии СДКПиЛ освещены с надлежащей полнотой и глубиной, на достаточном научном уровне, с привлечением необходимых доказательств, то этого нельзя сказать о ее правовых взглядах.

В работе четко показано, что процесс идеологического развития польского революционного рабочего движения, начиная с периода соединения марксизма с рабочим движением, имеет три этапа: становление идеологических концепций и оформление программных установок в 90-х и в начале 900-х годов, когда на базе идейно-теоретических достижений первой марксистской партии «Пролетариат» и деятельности «Союза польских рабочих» оформилась революционно-марксистская, интернационалистская Социал-демократия Королевства Польского, а в ППС наметилось левое крыло; осмысление и обобщение революционными силами польского рабочего движения опыта буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг.; теоретический анализ дальнейших перспектив социальной революции, уточнение программы, выработка политической стратегии в начальной стадии первого этапа общего кризиса капитализма и оформление коммунистического движения в польских землях в 1918—1923 гг.

Каждому из только что названных трех этапов соответствует глава монографии. Проходя школу каждого очередного этапа и обогащая свой марксистский теоретический багаж, авангард польского ра-

бочего движения проделал путь от формирования марксистских убеждений у группы идеологов — основателей польской социал-демократии и левых теоретиков ППС — до идейного становления КПП как партии нового типа.

Приведенные в книге материалы убедительно свидетельствуют о всестороннем и глубоком воздействии ленинизма на левое крыло польского рабочего движения. Его идейно-политические концепции уточнялись и совершенствовались, проверялись практикой революционной борьбы. Можно уверенно сказать, что история идеологического становления польского коммунистического движения — это история победы ленинизма в теории и практике борьбы авангарда польского рабочего движения. Великая Октябрьская социалистическая революция способствовала ускорению процесса идейного созревания теоретиков левого крыла и созданию в 1918 г. Коммунистической рабочей партии Польши, второй съезд которой в 1923 г. знаменовал собой победу ленинизма в этой партии.

По ходу изложения автор вынужден коснуться раскола, имевшего место в СДКПиЛ, — на «розламовцев» и «зажондовцев». Нам кажется, что имеющиеся на стр. 268 буквально шесть строчек, относящиеся к расколу (к тому же упрятанные в подстрочное примечание), являются совершенно недостаточными.

Несмотря на отдельные недостатки, работа И. С. Яжборовской, на наш взгляд, вполне заслуживает положительной оценки.

П. М. Калениченко

МЛАДЕН ВУКОМАНОВИЧ. Радничка класа Србије у другој половини XIX века. Београд, 1972, 340 стр.

МЛАДЕН ВУКОМАНОВИЧ. Рабочий класс Сербии во второй половине XIX века

Книга Младена Вукомановича, известного исследователя истории рабочего класса Сербии, безусловно вызовет большой интерес широкого круга историков. В общем процессе преобразования Сербии из отсталой турецкой провинции в капиталистическое государство формирование рабочего класса по праву рассматривается автором как «один из самых значительных процессов» в истории страны.

Монография представляет собой первое исследование, которое охватывает всю проблему в целом. До сих пор югославская историография располагала статьями по отдельным вопросам этой обширной темы. Работу Вукомановича отличает широкий круг источников, многие из них впервые введены в научный оборот. Использован богатейший архивный материал, официальная статистика, пресса

(более пятидесяти названий газет и журналов), мемуары. Автор освещает события в живой и яркой форме.

Вукомановичу удалось показать как общие, так и специфические процессы развития рабочего класса Сербии. Темпы формирования рабочего класса и классовые противоречия поставлены им во взаимосвязь с темпами развития капитализма в стране. Он убедительно показал, что, несмотря на сохранение многочисленных форм патриархального уклада жизни и медленные темпы развития капитализма, именно капиталистические отношения стимулировали все коренные изменения в социально-экономической жизни Сербии, именно под их влиянием происходило образование капитала, с одной стороны, и создание рынка рабочей силы — с другой. Для Сербии этого

периода были характерны низкий уровень накопления капитала, наличие мелких предприятий, слабая концентрация рабочей силы, отсутствие какой бы то ни было охраны труда, что вело к беспощадной эксплуатации рабочих. Обнищание трудящихся в Сербии росло намного быстрее ее индустриализации — делает вывод автор. Слабое развитие промышленности имело отрицательные последствия для рабочего движения.

Основное внимание Вукоманович сосредоточивает на таких мало изученных вопросах, как положение рабочих и их первые организованные выступления. Автор пересматривает ряд старых положений, освещает некоторые новые аспекты проблемы, делает ряд новых выводов.

При постановке такой крупной проблемной темы, как история формирования рабочего класса Княжества Сербии, нельзя было обойти вопрос о периодизации этого процесса. Уделяя внимание периодизации истории рабочего движения, М. Вукоманович совершенно справедливо отметил как переломные этапы в истории складывания рабочего класса основные вехи в экономическом развитии страны, такие как начало 1830-х годов, 1878, 1903 гг. Политические события этих лет оказали большое влияние на развитие капитализма, а следовательно, и на формирование рабочего класса.

Удачным, на наш взгляд, является и избранный автором принцип проблемно-хронологического построения книги. Это позволяет автору группировать материал с целью показа динамики развития того или иного процесса в ходе формирования рабочего класса, облегчает анализ материала, придает книге стройность и четкость.

В первой, большой по объему главе (116 стр.) основное внимание уделено положению рабочих в промышленности. Вопросам социально-экономического развития Сербии уделено внимание лишь в том объеме, в каком этот материал помогает кратко охарактеризовать условия формирования рабочего класса.

Автор подробно анализирует условия труда разных отрядов формирующегося рабочего класса (ремесленных и промышленных рабочих, рабочих в рудниках, сезонных рабочих из деревень и т. д.), заработную плату, продолжительность рабочего дня и т. д. Новые архивные материалы позволили автору уточнить многие данные, фигурировавшие до сих пор в исторической и экономической литературе (в том числе и общую численность рабочих). Хорошо показана специфика Сербии: отсутствие какого бы то ни было рабочего законодательства (вплоть до 1910 г.), преобладание некачественной рабочей силы — рабочих-ремесленников, что позволяло хозяевам жестоко эксплуатировать трудящихся.

Вторая глава — небольшая по объему (43 стр.), но очень важная по содержанию — посвящена вопросам идеологического развития пролетариата, созданию субъективного фактора в будущей борьбе пролетариата. М. Вукоманович обратил должное внимание на обострение классовых противоречий в Сербии как на фактор, создававший объективные условия для усвоения отдельных положений самого передового учения — марксизма. Именно это позволяет объяснить распространение социалистических идей в такой отсталой и слабо развитой в капиталистическом отношении стране, какой была Сербия. С середины 60-х до середины 90-х годов социалистическая мысль в Сербии развивалась вне рабочего движения, в среде революционно-демократической интеллигенции и учащейся молодежи, и лишь отдельными, лучшими ее представителями предпринимались первые попытки внести социалистические идеи в рабоче-ремесленную среду. С середины 90-х годов пропаганда социалистов начала давать первые результаты, из среды рабочих выдвинулись руководители, вооруженные идеями социализма, начался процесс соединения социализма с рабочим движением.

Третья глава (102 стр.) посвящена истории рабочих организаций от их возникновения до образования Сербской социал-демократической партии. Период от начала 70-х до начала 90-х годов характеризуется появлением первых обществ взаимопомощи и совместных ремесленно-рабочих организаций. С 90-х годов XIX в. появляются классовые, самостоятельные рабочие организации, создаются первые профсоюзы. Начало XX в. (1901—1903 гг.) автор выделяет как высший этап всего процесса в связи с появлением организации рабочего движения современного типа.

Четвертая глава (69 стр.) посвящена экономической и политической борьбе рабочего класса за улучшение своего положения. Для 1878—1903 гг. характерен по сравнению с предыдущими годами не только более высокий уровень экономической борьбы рабочих — стачки, забастовки, но и первые политические выступления — празднование 1 Мая, демонстрации, рабочие петиции. Большую роль в усвоении опыта рабочего движения развитых в капиталистическом отношении стран сыграл отход рабочих на заработки за границу, широко распространенный в княжестве.

В заключении автор подводит итоги более чем полувекового процесса формирования самой передовой части сербского общества — рабочего класса.

Книга снабжена именным и географическим указателями.

К сожалению, в интересной и содержательной монографии имеются, на наш взгляд, некоторые упущения, неточные

формулировки, спорные положения. Хотелось бы, чтобы автор дал критический разбор историографии проблемы, а не ограничился лишь перечнем названий вышедших за последние годы работ. При характеристике социально-экономического развития следовало бы больше остановиться на вопросе об огромной отсталости Сербии по сравнению со средним европейским уровнем, что, помимо ряда других факторов и частью вызванных ею (например, закабаление иностранным капиталом), обусловило долгий и мучительный для трудящихся масс путь развития капитализма. Это объяснило бы как тот факт, что Сербия очень рано освободилась от пут феодальных экономических отношений, но, однако, очень нескоро после этого приобрела черты капиталистического государства, так и основные особенности формирования ее рабочего класса и рабочего движения.

В кратком социально-экономическом очерке уделено необоснованно мало места периоду 80—90-х годов. Это явно непра-

вомерно, если учесть, что и развитие промышленного капитализма и формирование современного рабочего движения начинается именно с 80-х годов XIX в. Очевидно, неверно называть «сельскохозяйственными» тех рабочих из села, которые приходили на заработки в город. С другой стороны, сельскохозяйственным рабочим, т. е. наемным рабочим на селе, батракам автор уделил недостаточно внимания, тогда как они являются составной частью рабочего класса страны.

Некоторые суждения автора слишком категоричны: например, о том, что с середины 30-х годов XIX в. в Сербии были «окончательно уничтожены феодальные отношения» (стр. 13), что С. Маркович «усвоил марксизм» (стр. 139), что он «был не до конца утопистом» (стр. 140) и др.

Отмеченные погрешности не снижают общий высокий научно-профессиональный уровень, на котором написана книга М. Вукомановича.

Д. Ф. Полюшко

С. А. НИКИТИН. *Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в.* «Наука», 1970, 327 стр.

Рецензируемая книга видного представителя советской славистики С. А. Никитина состоит из отдельных статей, посвященных разным проблемам и вопросам темы, указанной в заглавии, темы крайне сложной, в разработке которой С. А. Никитин явился новатором. Он был в числе первых исследователей балканской политики России за период с начала Крымской войны до восточного кризиса 1875—1877 гг.

Автор скрупулезно изучил архивные фонды, материалы русской прессы, опубликованные источники и весьма скудную предшествующую литературу, лишь косвенно затрагивавшую балканскую политику русского царизма в 50—70-х годах XIX в. С. А. Никитин в своих исследованиях дал широкую панораму балканской политики России. Этой теме в сборнике посвящены статьи: «Русская политика на Балканах и начало восточной войны», «Россия и славяне в 60-е годы XIX в.», «Русская дипломатия и национальное движение южных славян в 50—70-е годы XIX в.». В первой из них говорится о том, как русское правительство хотело использовать борьбу балканских народов против османского ига в период Крымской войны, в двух других статьях С. А. Никитин показывает дальнейшую эволюцию балканской политики русского правительства, которая стала более последовательной, гибкой, хотя в общем неизменной в поддержке национально-освободительного движения балканских народов.

Жаль, что автор не сделал хотя бы самого короткого экскурса в прошлое

этой политики, тогда бы новизна методов и содержания ее после Крымской войны — создание славянских комитетов, более широкая помощь обучающейся в России славянской молодежи, посылка на Балканы более квалифицированных дипломатов, привлечение печати к обсуждению балканских проблем, публикация дипломатических документов — могла бы ярче выявиться.

В советской литературе, к сожалению, до сих пор нет периодизации балканской политики России, а между тем, после Крымской войны наступил несомненно новый этап этой политики, наиболее плодотворный и объективно положительный, но, к сожалению, автор этого не подчеркивает, хотя само изложение материала говорит об этом.

С. А. Никитин — большой знаток русской печати 50—70-х годов XIX в. Он первым из советских ученых начал так широко и глубоко изучать и применять в своих исследованиях этот поистине богатейший источник. Поэтому хочется обратить внимание читателя именно на статьи: «Национальное движение на Балканах в 60-е годы XIX в. в освещении современной русской периодической печати» и «Балканские события в русской печати кануна восточного кризиса». Огромнейший материал русской прессы за два десятилетия (автором изучено более 25 периодических изданий) в сочетании с архивными данными, публикациями документов, мемуарами и литературой советской, русской дореволюционной, болгарской и сербской позволили автору

дать ценное исследование о позиции русской печати по важнейшим проблемам национально-освободительного движения южных славян за свою независимость в 50—70-е годы XIX в. С. А. Никитин рассматривает большое число вопросов — отношение русской печати и через ее посредство отношение преимущественно дворянско-буржуазных кругов русского общества к борьбе болгарского народа за государственную независимость, к идее создания Балканского союза в 1866—1867 гг., к Критскому восстанию 1866—1867 гг., к положению в Сербии и Черногории после Крымской войны и, наконец, к событиям, вызвавшим восточный кризис 1875—1877 гг., т. е. к восстанию в Боснии и Герцеговине и Апрельскому восстанию 1876 г.

Естественно, что этими проблемами более всего занималась славянофильская и панславистская печать. Автор характеризует каждое издание, отмечая эволюцию взглядов тех или иных авторов и редакторов. С. А. Никитин раскрыл имена многих балканских корреспондентов русских газет. Особенно ценны исследования автора об изданиях И. С. Аксакова — «Москва», «Дело» и М. Н. Каткова — «Московские ведомости» и «Русский вестник».

Тщательно исследовал С. А. Никитин либеральную печать, в том числе газету «Голос». Не совсем понятно, почему автор ничего не говорит об этой газете, как негласном органе министерства иностранных дел, которое использовало ее для утверждения своих взглядов на внешне-политические проблемы в широких слоях русского общества, что, кстати говоря, было одним из новшеств в практике МИД.

В своих статьях о печати С. А. Никитин, к сожалению, четко не разграничивает славянофильство и панславизм в его русском варианте. Если автор считает, что в 60—70-е годы славянофильство сливается с великодержавным панславизмом, то, очевидно, об этом необходимо сказать более ясно. Все же между взглядами И. С. Аксакова и таких панславистов, как А. Будилович, К. Леонтьев, Р. Фадеев, Н. Данилевский, была несомненная разница, а панславизм М. Н. Каткова носил чисто конъюнктурный характер. Его позиция может быть охарактеризована как ярко агрессивная, реакционная, и ее прославянское содержание лишь маскировало откровенно захватническую сущность его концепции в отношении Балканского полуострова.

Внимание читателя несомненно привлечет очерк С. А. Никитина «К вопросу об экономическом облике болгарского города времени освобождения от турецкого ига». Используя материалы переписи болгарского населения, произведенной временным русским управлением в 1879 г.

перед уходом русских войск из Болгарии, С. А. Никитин нарисовал широкую картину положения болгарского города после русско-турецкой войны. Дополнив этот источник данными других архивных материалов, автор на основе тщательного анализа сделал очень важные выводы о начальной стадии процесса капиталистического развития Болгарии до ее освобождения.

Единственное, что еще хотелось бы видеть в этом фундаментальном исследовании — так это более подробную характеристику значения самой переписи, проведенной русскими гражданскими властями. Ведь она давала новому болгарскому государству ценнейшие сведения о народонаселении, об экономике страны после русско-турецкой войны, указывала на вопросы, нуждающиеся в срочном разрешении. Она помогла в составлении первых бюджетов как княжества, так и Южной Болгарии. В серии всех мероприятий русских властей по созданию государственности Болгарии перепись 1879 г. — одно из значительных.

С. А. Никитин не раз обращался к теме Апрельского восстания 1876 г.; в этот сборник он включил очерк, раскрывающий преимущественно причины его поражения. С нашей точки зрения, автор уделил чрезмерное внимание анализу недостатков организации в ущерб характеристике Апрельского восстания как кульминации национально-освободительной борьбы болгарского народа против османского ига. Раскрывая причины поражения восстания, С. А. Никитин упускает из виду невозможность в условиях турецкого господства лучшей военной организации; скудость вооружения обуславливалась не столько плохой организацией обеспечения повстанцев оружием, сколько ее невероятной сложностью. Говоря об отсутствии должной связи между комитетами и отдельными районами, нужно учитывать исключительное значение и географических условий, крайнюю обособленность центров восстания друг от друга. Ведь только на карте Панагюриште и Клисурса или Копривштица находятся по соседству, а в те времена они были совершенно отрезаны друг от друга горами, не говоря уже о Северной Болгарии, отделенной Балканским хребтом.

Сборник завершается небольшим очерком «Вук Караджич и Россия» — «камерное» сочинение автора о любви и привязанности выдающегося сербского ученого к России.

Книга С. А. Никитина — образец монографических исследований, и, прочитав ее, можно сказать, что для автора нет маленьких тем, что на основе одного источника он может дать целую монографическую работу.

И. В. Козьменко

ИНТЕРЕСНОЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ ФЕОДАЛИЗМА В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ¹

Рецензируемая монография представляет не только общеметодологический интерес для историков феодализма в славянских странах, но и содержит большой сравнительный исторический материал, который может быть использован славистами непосредственно в своих научных исследованиях.

Сопоставляя молдавский феодализм с феодализмом в других странах Европы, в сопредельных с Молдавией славянских странах, автор выявляет как общие для них, так и специфические для Молдавии черты феодализма, определяет его место в общем типологическом ряду этой формации в Европе.

В книге содержится сжатая характеристика путей становления молдавской марксистской медиевистики, обоснованно критикуются попытки переноса в начале 60-х годов на молдавскую почву ряда конкретно-исторических особенностей развития феодализма из регионов, которые (как, например, Западная Европа) считались классическими.

В 60-х годах, по мере накопления документального материала и дальнейшего исследования в теоретическом и историко-сравнительном плане отдельных проблем, начался новый этап в изучении молдавского феодализма. При этом обнаружилось два направления. Одно из них, проявившееся особенно в последние годы в румынской медиевистике (Г. Шталь, П. Панаитеску, Р. КонстантINESКУ и др.), стремилось выделить молдавский феодализм как «исключительный», «самостоятельный» тип². Специфический особенностью считалось наличие в княжестве вплоть до XIX в. значительной прослойки свободных общин, которые и конституировали молдавский феодализм в особый и самостоятельный тип, названный некоторыми авторами «крестьянским феодализмом»³.

Второе направление, представляемое главным образом трудами советских молдавских историков, связано с общими усилиями советских историков в выявлении типологических особенностей феодализма в различных регионах Европы на основе широкого применения сравнительно-исторического метода исследования.

¹ П. В. Советов. Исследования по истории феодализма в Молдавии, том I. (Очерки по истории землевладения в XV—XVIII вв.) Кишинев, 1972, 510 стр.

² Н. Н. Стахл. Contributii la studiul satelor devălmașe românești, vol. III. București, 1965, p. 7—8.

³ R. Constantinescu. Recenzie la H. N. Stahl. Controverse de istorie socială românească. «Revue roumaine d'histoire». București, 1970, № 3, p. 549.

Выбрав одну из центральных тем истории феодальной формации — землевладение, П. В. Советов делает серьезный шаг в развитии второго направления в исследованиях молдавского феодализма.

Остановимся лишь на некоторых теоретически важных проблемах монографии. Вопрос о времени завершения в Молдавии процесса феодализации и путях развития феодализма вглубь является центральным пунктом расхождения между точкой зрения автора и концепцией «крестьянского феодализма». В основе последней лежит взгляд на процесс феодализации в Молдавии XV—XVIII вв. как на «незавершенный процесс». Он обосновывается тем, что на протяжении всей феодальной эпохи в Молдавии якобы сохранялся с дофеодальных времен плотный слой крестьянской общинной собственности, основная тенденция в развитии феодальных отношений представлялась как борьба феодального и дофеодального начал. В результате феодальная Молдавия выступила не только как этнографический курьез на карте Европы, но в особенностях ее развития пытались найти аргументы в пользу теории «континуитета» — непрерывности общинных институтов собственности на территории Румынии со времен Римской Дакии до капиталистической эпохи⁴.

П. В. Советов справедливо критикует ошибочность этой теории, подчеркивая, что изучение земельной собственности ведется здесь преимущественно как юридической категории, имеется недооценка экономических отношений собственности, слабо применяется сравнительно-исторический метод, господствует иллюстративный подход и др.

Известно, что историки Молдавии вплоть до конца XVIII в. не располагают никакими статистическими данными о землевладении. Заслуга автора состоит в том, что он предложил новую методiku изучения эволюции структуры земельной собственности в условиях отсутствия поземельных переписей. На перфокарты были внесены все опубликованные и выявленные в архивах СССР и СРР поземельные документы до 1625 г. На основании этого огромного материала (более 5 тыс. документов), при применении метода «генеральной совокупности» удалось выявить движение сельских хотаров (основной единицы землеустройства) по основным категориям землевладения.

Статистика показала, что, вопреки утверждениям авторов концепции «континуитета», в XV — начале XVI в. круп-

⁴ P. P. Panaitescu. Obștea țărănească în Țara Românească și Moldova. București. 1964.

ное землевладение было господствующим, а мелкое охватывало лишь 19% всех сел. При этом только 0,79% сел светского землевладения могли включать остатки дофеодалной крестьянской собственности. Статистическое исследование выявило также, что вслед за периодом значительной концентрации светского землевладения в XV в. наступает новый этап эволюции, охватывающий период до последней четверти XVI в. На этом этапе ведущей становится тенденция раздробления и измельчения феодальных вотчин. В итоге данного периода — мелкая вотчина занимает 55% всей земледельческой структуры. С конца XVI и в XVII в. тенденция к концентрации феодального землевладения вновь становится ведущей. Возникает крупная вотчина второй генерации, постепенно поглощавшая мелкое землевладение — новообразование, появившееся в результате дезинтеграции старовотчинной структуры. Между тем концепция «континуитета» принимала результаты раздробления за сохранившееся мелкое землевладение с дофеодалных времен, а второй этап (с конца XVI в.) считала продолжением процесса поглощения дофеодалной общинной собственности и развития феодализма вширь.

Для выявления процессов и закономерности развития феодального землевладения в Молдавии автор широко применяет сравнительно-исторический метод, уделяя внимание прежде всего типологическим сопоставлениям. При этом сопоставляются не сходные хронологические периоды, а сходные стадийные уровни.

В работе мы найдем интересные аналогии со сходными процессами в Англии, континентальной части Западной Европы, Норвегии, Южной Италии, Северо-Восточной Руси и другими территориями. Сопоставления эти показали, что перестройка старовотчинной структуры землевладения была частью общего явления, объяснение причин которого еще имеет дискуссионный характер. Автор предлагает свое решение вопроса. Согласно его концепции, как степень развития товарно-денежных отношений в стране, так и правительственная земельная политика не являются главными причинами перестройки структуры землевладения.

Решающим фактором было завершение развития феодализма вширь, его переход от экстенсивного к интенсивному развитию, что проявлялось в тенденции создания земельной базы для военнотрудовых сословий. Последняя имела много «вариантов». Описывая их в историко-сравнительном плане, автор останавливается на путях создания западноевропейского рыцарства, русского дворянства, польской шляхты и т. д. В результате повсеместно крестьянин устранялся от военного дела.

Выведенная автором модель «молдавского варианта» перестройки структуры землевладения имеет в своей основе установленный статистическим исследованием факт поглощения в XV в. феодальным землевладением абсолютного большинства населенных земель, принадлежащих ранее волошской общине. Ввиду высокой степени концентрации землевладения военнотрудовое сословие в XV в. было небольшим (до 2 тыс. человек), а господарский домен невелик. Слабое развитие городов определило малочисленность городской прослойки. В этих условиях, в периоды военной опасности, в армию призывались зависимые крестьяне, что препятствовало развитию феодализма вглубь.

Возникшая тенденция к созданию земельной базы военнотрудовых сословий выразилась в дроблении старовотчинной структуры при сохранении наследственных связей владельцев. Земля при этом переходила от бояр к господарским слугам, куртянам, немцам.

Это мелкое землевладение и было принято концепцией «континуитета» за крестьянскую общинную собственность, сохранившуюся с дофеодалных времен. Свободному крестьянству отводилась роль социальной базы господара как в борьбе за независимость, так и в укреплении его центральной власти. Отсюда и пресловутая теория «крестьянского феодализма».

Значительность вопросов, поднятых автором в этой части труда, не позволила ему исследовать их равномерно. Так, доказывая, что раздробление старовотчинной структуры осуществлялось при сохранении наследственных связей владельцев, автор уделил мало внимания конкретной разработке этого вопроса в статистическом плане.

Вторая часть работы посвящена перестройке структуры землевладения, созданию крупных вотчин второй генерации в результате внутрiformационных сдвигов в процессе развития феодализма в XVII—XVIII вв.

Известно, что в различных странах Европы, Азии и Африки в период феодализма получили наибольшее распространение две формы феодальной эксплуатации крестьян: вотчино-сеньориальная, частновладельческая, и централизованная феодально-государственная, причем в Европе развивалась преимущественно первая форма, а в Азии и Африке — вторая. Но эти формы эксплуатации нигде не выступали в чистом виде. Более того, под влиянием различных факторов соотношение между ними в различных странах могло меняться. Так произошло и в Молдавии, где после установления оттоманского ига все возрастающий объем турецкой дани привел к росту удельного веса централизованной ренты, что привело к новой перестройке феодального землевладения. Произошел типологиче-

ский сдвиг в развитии молдавского феодализма.

В монографии убедительно показан процесс массового перехода (примерно с последней четверти XVI в.) земельной собственности в руки служилого боярства и обезземеливания мелких военнослужилых собственников (слуг, куртян, немешей).

Оценивая это явление, П. В. Советов справедливо отмечает, что тенденция окрестьянивания мелкофеодального частного землевладения приближала отношения собственности на этих землях к государственному феодализму. Однако этот процесс так и не завершился до XIX в. В составе мелкого дробного землевладения, известного в источниках как «резешское», продолжало сохраняться немало мелких вотчинников. Мелкое землевладение, с одной стороны, «окрестьянивалось», а с другой — постоянно воспроизводилось за счет разорения вотчин второй генерации, собственники которых теряли доступ к централизованной ренте, основному источнику «денежного богатства».

Следует отметить, что и во второй части работы не все равномерно исследовано автором. Статистический метод исследования соблюдается фактически только для начального этапа этого периода (первая четверть XVII в.). Кстати, социально-политические реформы середины XVIII в. рассматриваются лишь в плане их роли в «окрестьянивании» мелкого землевладения и меньше — для изучения общей

эволюции феодального землевладения. Это можно объяснить тем, что основная часть источников второй половины XVII—XVIII вв. еще не выявлена исследователями и их систематизация и соответствующая обработка — задача будущего.

П. В. Советов обосновал новую модель развития общинной и феодальной собственности на землю в Молдавии. Эта модель учитывает стадийные сдвиги при господстве определенного типа феодализма (первый этап перестройки) и типологические сдвиги внутри этой формации на той же стадии ее развития (второй этап перестройки) под влиянием внешних обстоятельств (турецкое господство).

Перед нами глубокий исследовательский труд, вносящий много нового в изучение как молдавского феодализма, так и феодальной формации в целом. Акад. Л. В. Черепнин несомненно прав, отмечая, что труд П. В. Советова «далеко выходит за рамки истории Молдавии, рассматривая общие проблемы феодализма. Эта книга заинтересует и историков других стран»⁵. В том числе, конечно, и славистов, особенно занимающихся проблематикой Юго-Восточной Европы.

Д. М. Драгнев, Г. Б. Федоров

⁵ См. предисловие Л. В. Черепнина к книге: В. П. Советов. Там же, стр. 5.

КРАЕВЕДЕНИЕ В ДАЛМАЦИИ (КНИГИ С ОСТРОВА БРАЧ)

Остров Брач — не самый развитый из островов далматинского побережья — здесь, в частности, нет городов. Тем удивительнее обилие исторической литературы, издаваемой на острове, и при этом не легковесных справочников туристского типа, а серьезных, солидно аргументированных изданий.

С 1940 г. начал выходить «Брачский сборник». Его выпуски состояли из небольших, тщательно оформленных томов, содержащих, как правило, разнообразные статьи по археологии, краеведению и искусствоведению. С шестого выпуска характер издания изменился — в нем стали публиковаться монографии, хотя общее наименование серии — «Брачские сборники» — сохранилось. Первая книга этой серии — «История острова Брача» принадлежит перу сплитского археолога Дасена Врсаловича¹. Он обладатель прекрасного семейного архива, что не редкость в Далмации, города которой

не знали турецких опустошений и где в домашних библиотеках часто отыскиваются грамоты XVII и даже XVI вв. Его отец, Мирко Врсалович, собрал богатую коллекцию материалов по истории своего родного Брача, но не успел ее обработать, и сын завершил дело его жизни. Основное внимание в книге уделено эпохе венецианского господства на острове (1420—1797), интересны обширные очерки внутренней жизни островитян — «Население и язык», «Поселения и земля», «Управление коммуны» и др., много материала относится к демографическим переменам XVI—XVII вв. — Далмация в эти столетия оказалась в гуще миграционных процессов.

Книге явно недостает самостоятельности, автор (не историк) избегает анализа документального материала, строя работу на использовании обильной литературы. Но серьезность, с которой готовилась книга, вне сомнений — она снабжена солидным аппаратом, указателем и хорошо иллюстрирована, в том числе и фотографиями брачских редкостей и уникальных документов.

¹ D. Vrsalović. Povijest otoka Brača. Brački zbornik, broj 6. Supetar, 1968, 488 s.

В том же (1968) году на Браче вышла еще одна монография — исследование по истории статута о-ва Брач 1305 г., подготовленное профессором юридического факультета в Сплите Антуном Цвитаничем². Он известен своей предыдущей работой — книгой, посвященной сплитскому статуту 1312 г.³ Наметилась, таким образом, преемственность проблематики; новое исследование строится по устоявшемуся плану: 1. Политические и социальные условия возникновения коммуны. 2. Организация власти. 3. Характеристика права (семейного, имущественного, уголовного). Новая работа более кратка — Брачский статут дает меньше возможностей для анализа, чем сплитский, но большую четкость приобрели социальные характеристики, автор тщательно изучает дворянские и простонародные звенья в системе островного управления. Текст статута впервые переводится А. Цвитаничем на сербско-хорватский язык. Отметим и детальную характеристику поземельных связей на острове⁴.

Среди книг, выпущенных на о-ве Брач, одна особенно любопытна, хотя и построена не на островном материале. Это исследование творчества известного хорватского скульптора Ивана Рендича, выполненное директором городского музея в Сплите Душко Кечкеметом⁵. И. Рендич (1849—1932) оставил заметный след в истории хорватской культуры, его резцу принадлежат такие значительные работы, как памятники И. Гундуличу в Дубровнике, А. Качичу-Миошевичу и Л. Гаю в Загребе, а также масса портретов и надгробий. Автор высоко оценивает его творчество, ставя И. Рендича в один ряд с Юрием Далматинцем и Иваном Мештровичем (стр. 299). При жизни художник не был обойден вниманием критики, и тем не менее в литературе не существовало сколько-нибудь значительного очерка, посвященного Рендичу — в этом значении книги Д. Кечкемета.

Она состоит из подробной биографии скульптора (стр. 1—187), анализа его произведений (стр. 193—299), их полного каталога (стр. 303—412) и фотографий наиболее известных из них. Книга боль-

шого формата снабжена комментариями с многочисленными выдержками из архивных документов, описью музеев, где хранятся работы мастера (в том числе и ленинградских). Около 400 фотографий, большая часть из которых выполнена самим автором, украшают книгу.

Исследователей столь различных жанров объединил неутомимый далматинский краевед, знаток брачских древностей, историк, этнограф и антропогеограф профессор Андре Ютронич. Его перу принадлежит множество работ по далматинской демографии, этнографии, истории культуры, в 1940 г. по его инициативе был начат выпуск «Брачских сборников». 75-летие ученого в 1970 г. было отмечено выходом в свет еще одного сборника — «Из культурного прошлого Брача»⁶.

Он почти целиком состоит из очерков, характеристик, биографий (или биографических фрагментов), посвященных выдающимся далматинцам венецианской эпохи. Это — Дуйм Хракович, автор первого описания Брача (Braciae Insulae Descriptio — ок. 1405 г.); Матей Нижетич, поэт XV в.; Иван Иванишевич (1608—1665), поэт, писавший на сербскохорватском языке; Вицко Продич (1628—1663), автор «Cronica dell'isola della Brazza»; Иеролим Каванин (1641—1714), сплитский поэт; наконец, Андрей Чьякарелли (1759—1822), автор первой истории Брача. Всем этим работам, может быть, и недостает многосторонности, но зато они максимально документированы. Материалы из семейных архивов, развернутые генеалогии, обширные выдержки из поэтических текстов — без всего этого трудно теперь исследовать культурную историю Далмации.

А. Ютронич проделал еще одну интересную работу — на протяжении нескольких десятилетий он внимательно следил за югославской и мировой периодикой, в которой мог почерпнуть сведения о жителях о-ва Брач. День за днем составлялись выписки из таких, казалось бы, далеких от Далмации изданий, как «Илустровани Ядран» из Буэнос-Айреса или «Нови род» из Чикаго. Итогом этой работы явилась обширная «Библиография острова Брача»⁷. Книга делится на две части — первая (стр. 9—250) — свидетельства о брачанах или событиях на острове, почерпнутые из всех далматинских изданий (хорватских — «Народни лист», «Нова доба» и пр., итальянских — «L'Аввенире», «Ла Дифеса», или «Коррьере национале»). И вторая (стр. 251—334) — собственно библиография всех публикаций о брачской жизни, классифицированная по многим разде-

² A. C v i t a n i ć. Srednjovekovni statut Bračke komune iz godine 1305. Brački zbornik, br. 7. Supetar, 1968, 215 s.

³ A. C v i t a n i ć. Pravno uređenje Splitske komune po statutu iz 1312. godine. Split, 1964.

⁴ Ей посвящена еще одна работа А. Цвитанича А. C v i t a n i ć. Agraropravni odnosi na otoku Braču u srednjem vijeku. «Zbornik radova posvećeni Albertu Vajsu». Beograd, 1966, s. 131—142.

⁵ D. K e š k e m e t. Ivan Rendić. Zivot i djelo. Supetar, 1969, 564 str.

⁶ A. J u t r o n i ć. Iz kulturne prošlosti Brača. Split, 1970, 196 str.

⁷ A. J u t r o n i ć. Bibliografija otoka Brača. Supetar, 1971, 341 str.

лам. Особенно интересна первая часть, где каждый упоминаемый факт подтверждается источником — пересказом газетного или журнального сообщения. Это превращает книгу А. Ютронича из справочника также и в отличную сводку материалов для исследований по новой истории Далмации.

Беглый, намеренно краткий обзор, естественно, не способен дать полного представления о содержании названных книг, но одно несомненно. Книги, о которых шла речь, относятся к краеведческой литературе, но значение некоторых явно

перерастает эти границы. Без работ А. Ютронича и А. Цвитанича, например, ныне невозможно писать историю далматинского общества и его культуры в средние века. Характерно, что близость к Сплиту не помешала активной исследовательской деятельности брачач, а только способствовала ей. Изучение прошлого острова Брача стало благодаря их усилиям составной частью современной хорватской историографии.

М. М. Фрейденберг

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О ПОЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Социологические аспекты изучения культуры в последнее время привлекают пристальное внимание польских ученых. В конце 60-х — начале 70-х годов появился ряд исследований, посвященных проблемам формирования польской интеллигенции. Начатые по инициативе проф. Яна Щепаньского, они повлекли за собой ряд интересных публикаций, среди которых изданная в 1971 г. книга Марты Добжиньской и Александра Валлиса «Польская интеллигенция XIX и XX веков»¹.

Книга М. Добжиньской и А. Валлиса содержит несколько самостоятельных статей-исследований, которые образуют довольно логичное целое, дающее представление о важных сторонах процесса развития польской творческой интеллигенции. Сделано это на статистическом материале, что оговорено и в заглавии книги.

Исходя из структуры книги и ее содержания, целесообразно остановиться на каждой из составляющих частей.

В первом разделе «Биографическо-статистическая информация как источник исследования культурных процессов», написанном А. Валлисом, поставлены некоторые методологические вопросы использования биографических данных, трактованных в статистическом плане, для изучения прежде всего временных и пространственных параметров развития интеллигенции.

А. Валлис касается прежде всего проблем, связанных с рассмотрением профессиональных групп творческой интеллигенции: пути формирования творческих профессий; развитие профессиональной среды; механизм социального аванса и процессов отбора, связанный с получением образования и обучением профессии; деятельность определенных профессиональных групп; социальная подвиж-

ность поколений. Особо А. Валлис выделяет группу проблем, связанных с географией творческих профессий.

Автор намечает круг вопросов, которые должны быть освещены на основе биографического материала: «Социальное происхождение. Территориальное происхождение. Дата рождения и даты важнейших событий творческой жизни. Подвижность в пространстве, обозначенная очередными местами длительного пребывания. Профессиональная карьера, обозначенная профессиями, которыми занимался данный деятель. Занимаемые должности, полученные звания, награды, выигранные конкурсы. Общественная и политическая активность, деятельность во время войны. Знакомство с заграничной, иностранными языками. Профессиональные связи с различными организациями. Информация о семье»².

Намеченный А. Валлисом стереотип выделяет самые существенные моменты в лично-творческой биографии представителей творческой интеллигенции. Однако точность исследования будет зависеть от широты охвата исследуемой среды. Выборочный характер исследования может привести к деформациям, лишаящим работу всякого смысла.

Признавая необходимость обработки накопленного материала по определенному стереотипу, А. Валлис отмечает, что «он сводится к упорядочению собранного материала в соответствии с замеченными (на данном материале) чертами исследуемой среды, а затем к дальнейшему анализу полученных подгрупп путем сопоставления разных черт»³.

Следующий раздел книги — «Интеллигенция XIX и XX веков на страницах Большой всеобщей энциклопедии»⁴. Обращение к индексам энциклопедий А. Валлис считает одним из основных

² Ibid., s. 13.

³ Ibid., s. 16.

⁴ «Wielka encyklopedia powszechna». PWN, t. 1—12. 1962—1969.

¹ M. Dobrzyńska, M. Wallis. Inteligencja polska XIX i XX wieku. Materiały statyczne. Wrocław, 1971.

и наиболее объективных способов выделения круга лиц данной профессиональной среды.

Как указывает сам автор, его задачей в этом разделе было скорее описание, чем анализ представленных явлений. Этот раздел, как и другие в книге, содержит материал, интересный для литературоведов, искусствоведов, историков культуры, дающий представление о некоторых имманентных процессах развития национальной польской культуры.

Большое внимание А. Валлис уделяет «географии» происхождения и деятельности интеллигенции, прослеживая роль отдельных городов, районов страны в формировании национальной культуры, соотношении роли крупных и мелких городов, городов и сельских местностей (поместий или крестьянских дворов) в культурной жизни.

Интересные наблюдения делает Валлис и о территориальной подвижности представителей отдельных профессий, среди которых люди искусства обнаруживают наибольшую мобильность (табл. 53). Более подробная разработка этого вопроса может быть чрезвычайно важной для исследования локальных художественных школ и их слияния в общенациональную художественную школу. Развитие контактов между отдельными культурными центрами, активное передвижение писателей, композиторов, художников играло в этом процессе не последнюю роль.

Валлис показывает огромные диспропорции, которые существовали между отдельными частями Польши по их доли участия в культурном процессе. Анализ географии польской культуры имеет особые трудности ввиду отсутствия в Польше собственной государственности на протяжении длительного времени и многочисленных изменений в ее административном делении, изменений границ. Приведенный материал позволяет автору сделать ряд существенных наблюдений, в частности, что не существует автоматической зависимости между численностью населения, динамикой экономического развития и интенсивностью развития культуры.

Предметом особого рассмотрения является вопрос о профессиональной струк-

туре интеллигенции. Преобладающее место и наиболее высокие темпы развития, по наблюдениям Валлиса, свойственны областям науки и искусства (табл. 42), представители которых составляют наибольшую часть интеллигенции.

Отдельный раздел — «Сравнение биографических источников» А. Валлис посвящает анализу источников, на которые может опереться социолог культуры: это Всеобщая энциклопедия Оргельбранда (конец XIX в.)⁵, Биографический словарь Польской академии наук⁶ (30-е годы XX в.) и Большая всеобщая энциклопедия (60-е годы XX в.).

Более частным вопросам посвящены два раздела книги: «Статистическая информация об архитекторах, родившихся в XVIII и XIX веках» М. Добжиньской и «Композиторы, работавшие в XIX и XX веках» А. Валлиса.

Оба автора для своего исследования выбрали по одному источнику — словарь С. Лозы «Архитекторы и строители в Польше» и «Словарь польских музыкантов». Полученные на их основании биографические данные обработаны по сходному стереотипу: оба автора рассматривают вопросы о географии происхождения, получения образования и деятельности архитекторов и композиторов, их национальное и социальное происхождение, уровень образования, продолжительность жизни поколений. Сделанные выводы на конкретном материале раскрывают более общие положения, изложенные Валлисом в разделе о польской интеллигенции в XIX и XX вв., рассмотренном выше. Книгу заключает «Информация о писателях, дебютировавших в 1900—1950 гг.», написанная Валлисом.

Книга М. Добжиньской и А. Валлиса является интересной попыткой осветить некоторые важные процессы, происходившие в польской культуре с конца XVIII в. вплоть до наших дней, применяя биографическо-статистический метод исследования.

И. Свирида

⁵ «Encyklopedia powszechna». Wyd. Orgelbranda. 1898.

⁶ «Polski słownik biograficzny». PAU, Kraków, 1935.

B. WIECZORKIEWICZ. Warszawskie ballady podwórkowe. Pieśni i piosenki warszawskiej ulicy. Warszawa, 1971

Б. ВЕЧОРКЕВИЧ. Баллады варшавских дворов. Песни и песенки варшавской улицы

Польское издательство «Паньствовы институт выдавнич» выпустило в свет книгу «Баллады варшавских дворов» Б. Вечоркевича, известного, в частности, своими работами «Варшавские наречия вчера и сегодня»¹, и «Словарь варшавских наречий XIX века»². Этот фундаментальный труд является плодом многолетней кропотливой работы. Вошедшие в него материалы были частично опубликованы в упомянутой книге «Варшавские наречия вчера и сегодня».

Книга обращена к широкому кругу читателей, но написана на основании строго научных данных. Ее задачей является представление песенного репертуара, языкового своеобразия варшавской улицы, показ роли народной песни в процессе формирования революционно-го самосознания польского народа.

Особого внимания заслуживает методологическая основа сборника. Сочетая интересы историка, лингвиста, этнографа, фольклориста, Б. Вечоркевич осуществляет широкий подход к народной культуре. Однако доминирующим является лингвистический подход к материалу. Б. Вечоркевич рассматривает язык в историческом и социальном плане, что оправдано подборкой материала, но, к сожалению, порою лингвистический аспект преобладает над литературоведческим. Автор пытается продемонстрировать своеобразие польского просторечия и с помощью специального словарика, в котором собраны лексика заключенных подпольщиков, тайный язык борцов-антифашистов.

Во вступлении автор объединяет теоретические рассуждения, касающиеся определения жанра литературы и фольклора (эти рассуждения представляются дискуссионными) и исследование истории возникновения жанра, связанное с историей польского государства. Давая во вступлении определение жанру, Б. Вечоркевич пытается подчеркнуть генетическую связь народной песни с литературой. К сожалению, автор не приводит конкретных примеров, а ограничивается лишь рассуждениями.

К уличным балладам Б. Вечоркевич относит прежде всего популярные песни, поэтому в публикацию вошли и авторские песни. Отбор песен с точки зрения их популярности и лингвистическая направленность сборника приводят к игно-

рированию их генезиса. В задачи автора к сожалению, не входил показ соотношения литературы с народным творчеством.

Б. Вечоркевич перечисляет источники, из которых он узнал о той или иной песне, раскрывая перед читателем методы своей работы. Автор отмечает, что в книгу вошли не весь репертуар варшавской улицы. Следуя одной из поставленных задач сборника, Б. Вечоркевич использует хронологический принцип расположения материала, начиная со времени перед первой мировой войной и кончая новейшим временем. Каждый из периодов освещается в соответствующих шести главах книги, внутри которых материал группируется с точки зрения содержания. Наиболее богата материалом глава «Годы перед первой мировой войной».

На первом месте в разделе «Песни о героях, патриотах и борьбе» по популярности стоит легендарная «Варшавянка» Юзефа Свентицкого, написанная в 1880 г. В своем сборнике автор помещает целые циклы уличных песен, благодаря которым можно проследить судьбу некоторых известных персонажей, например в песне «Смерть Антка». Традиционный герой, бродяга, убийца, вор попадает в тюрьму, где ему обещают свободу за предательство товарищей. Антек отказывается выдать товарищей и погибает. В этой песне происходит характерный для фольклора процесс переосмысления конфликта. Традиционный сюжет песни в определенных исторических условиях приобретает новое звучание, характер революционной песни.

В главе «Годы войны» помещены песни, отражающие отношение простых людей к войне и обещаниям царского правительства. Далее следуют главы «Грязные времена», «Годы оккупации», куда вошли авторские песни варшавских повстанцев; «Годы восстановления», где также собраны популярные авторские песни («Красный автобус» Казимежа Винклера, «На лево мост, направо мост» Гелены Коташковской, «Варшавский вальс» Станислава Ришарда Добровольского).

Каждая глава и каждый раздел в сборнике снабжены историческими и этнографическими комментариями, интересными и социальным психологам. Комментарии, как и вступление, являются неотъемлемой частью содержания сборника и читаются как увлекательное повествование о нравах, обычаях, событиях. В основе сборника лежит также принцип систематизации песен по со-

¹ B. W i e c z o r k i e w i c z. Gwara warszawska dawniej i dziś.

² B. W i e c z o r k i e w i c z. Słownik gwary warszawskiej XIX wieku. 1966.

циальным группам. С его помощью автор демонстрирует репертуар отдельных социальных групп, трактовку в разных социальных группах песенных сюжетов.

Многие песни в сборнике опубликованы в нескольких вариантах, и для исследователей открывается возможность проследить эволюцию той или иной песни. В отдельных случаях обнаруживается связь с традиционным фольклором (например, с народными танцами или традиционным фольклорным жанром колядки) помогает специальное алфавитное оглавление.

Каждая песня сопровождается нотной записью. Таким образом, читатель получает представление не только о сюжетном, но и о музыкальном репертуаре варшавской улицы.

В заключение хочется пожелать автору продолжить его интересную работу и уделить внимание процессу взаимовлияния песенных культур разных народов, что особенно могло проявиться в песенном репертуаре второй мировой войны.

Т. Булак

Indeks a tergo do Słownika języka polskiego pod redakcją W. Doroszewskiego. Warszawa, 1973, 558 s.

Обратный индекс к Словарю польского языка

Идея обратного словаря в настоящее время уже не нуждается в защите. Обратные словари (точнее: обратные индексы, или индексы a tergo) становятся все более привычным лексикографическим источником для решения разнообразных лингвистических и прикладных задач¹. Вместе с тем они во всех случаях остаются лишь вспомогательным источником, зависящим от исходных прямых словарей в двух существенных отношениях: 1) лексический корпус обратного словаря воспроизводит словник соответствующего прямого словаря со всеми характерными для последнего недостатками или диспропорцией в отражении лексики данного языка, 2) он не содержит семантической, грамматической, стилистической и прочей информации о приводимых лексических единицах и предполагает обращение к соответствующим толковым, орфографическим или иным словарям.

Поэтому наиболее удобными в практическом применении следует признать те обратные словари, которые ориентированы на один определенный источник (прямой словарь). Попытки некоторых авторов расширить словник за счет нескольких словарных источников — и тем более за счет текстов — чрезвычайно затрудняют использование таких обратных словарей, поскольку без указаний на источник исключается возможность точного толкования, грамматической и стилистической квалификации каждого слова.

¹ Перечень изданных обратных словарей (более 40) см. в предисловии к кн. «Обратный словарь португальского языка». М., 1971. Основной круг задач, для решения которых может быть использован обратный словарь, определен в рецензии Р. В. Бахтуриной и И. А. Мельчука на обратный словарь итальянского языка («Вопросы языкознания», 1965, № 5). См. также: A. N a g ó r k o. O słownikach a tergo. «Poradnik jezikowy», 1973, № 9.

В ряде обратных словарей вводятся те или иные грамматические пометы (указание на часть речи, грамматический род или число), но эта информация, хотя она безусловно полезна, еще не достаточна для того, чтобы превратить обратный словарь в самостоятельный лексикографический источник.

Указанные особенности обратных словарей, при всей их очевидности, не всегда учитываются при определении их задач и оценке их возможностей. Прежде всего это касается возможности статистической характеристики фонологических, морфологических, морфологических и словообразовательных явлений на основе обратного словаря. Неполнота обратного словаря порождает сомнения в достоверности такого рода характеристик². Нужно сказать, что эти сомнения в полной мере относятся и к прямому словарю. Их можно признать справедливыми в том случае, если словарь рассматривается как непосредственный объект статистической обработки, подобно совокупности текстов на данном языке. Однако словарь — это лишь определенным образом упорядоченный корпус лексики языка. Для того, чтобы количественные выводы, сделанные на основе словаря, были достоверными и отражали действительные свойства языка, а не принципы составления словаря, словарь должен быть развернут в полный индекс словоформ (при анализе фонологических, морфологических и морфологических фактов) и полный словообразовательный индекс, включающий и регулярные словообразовательные типы, обычно не фиксируемые словарями (например, некоторые наречия или отглагольные существительные). В принципе этой процедуре

² См. Н. Д. А р у т ы н о в а, О. А. М а к с и м о в а. Размышления о пользе обратных словарей. «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1968, № 4.

(развертыванию) может быть подвергнут как прямой, так и обратный словарь. Существенное преимущество обратного словаря состоит в том, что он позволяет быстро развернуть свой корпус в требуемых отношениях до полного благодаря тому, что слова в нем упорядочены по их морфологическим, грамматическим и словообразовательным показателям, сосредоточенным в большинстве случаев на конце слова.

Выход в свет обратного словаря польского языка — крупное событие в польской и славянской лексикографии. Славянские языки оснащены обратными словарями неполно и неравномерно. Слависты располагают в настоящее время четырьмя обратными словарями русского языка³, словарями сербскохорватского⁴, македонского языка⁵, двумя словарями польского языка⁶, обратным индексом к старославянскому словарю⁷, издается обратный словарь украинского языка⁸. Кроме того, составлены, но пока не изданы обратные словари болгарского⁹, чешского и словацкого¹⁰ языков.

³ Н. Н. Bielfeldt. Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart. Berlin, 1958; R. Greve, B. Krogiesche. Russisches rückläufiges Wörterbuch. Berlin — Wiesbaden, 1958—1959; Г. В. Ермоленко. Обратный частотный словарь современного русского литературного языка. «Методика преподавания русского языка в казахских группах вузов», Алма-Ата, 1966; его же. Обратные частотные словари русского языка. «Филологический сборник», вып. 6—7, Алма-Ата, 1967; J. Dulewicz, I. Grek-Pabisowa, I. Maruniak. Indeks a tergo do Materiałow do Słownika języka staroruskiego I. I. Srezniewskiego. Warszawa, 1968.

⁴ J. Matešić. Rückläufiges Wörterbuch des Serbokroatischen, Bd. I, 1965; Bd. II, 1966; Bd. III, IV, 1967.

⁵ В. Миличиќ. Обратен речник на македонскиот јазик. Скопје, 1967.

⁶ Кроме рецензируемого, см. Indeks a tergo do Słownika języka polskiego S. B. Lindego pod red. W. Doroszewskiego. Warszawa, 1965.

⁷ L. Sadnik und R. Aitzetmüller. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1965. (обратный индекс — стр. 173—207).

⁸ Инверсійний словник української мови. Вип. 1. Одеса, 1971.

⁹ В. З. Санников. Обратный словарь болгарского языка. Москва (рукопись).

¹⁰ Сообщение о нескольких обратных словарях, подготовленных в Чехословакии, см. в статье: J. Stindlová. Retrográdní slovníky. «Slovo a slovesnost», 1960, № 4.

Обратный словарь польского языка — один из самых больших по объему. Он содержит около 125 тысяч слов и представляет собой обратный индекс к 11-тому Словарию польского языка под редакцией В. Дорошевского (Варшава, 1958—1969). Индекс составлен коллективом Сектора лексикологии Института польского языка при Варшавском университете под руководством Р. Гжегорчиковой и Я. Пузынины.

Первоначально предполагалось, что Словарь польского языка будет завершаться специальным томом, в котором вся содержащаяся в словаре лексика будет систематизирована по словообразовательным классам. Пробный выпуск этого словообразовательного индекса был издан в 1963 г.¹¹ Авторы пробного тома Р. Гжегорчикова, Я. Пузынина и Б. Струминский представили словообразовательную характеристику существительных (с формантами *-ek*, *-ik*, *-ka*, *-stwo* и их производными, а также сложных существительных), прилагательных (с формантами *-ny*, *-ski* и их производными) и глагола (с формантами *-ną*, *-n*, *-e*, *-a*, *-ej*, \emptyset и префиксом *do-*) по материалам первых двух томов Словаря. После анализа каждого словообразовательного типа дается обратный индекс соответствующих лексем с указанием на их принадлежность к различным словообразовательным моделям. Следует сказать, что этот опыт был весьма поучительным; он показал чрезвычайную сложность словообразовательной квалификации сплошных лексических массивов, неоднозначность многих образований, зависимость их интерпретации от семантики, этимологии и т. п. Глобальная обработка словаря требует как специальных подготовительных исследований по разным частным отделам польского словообразования, так и решения ряда общих проблем словообразовательного членения и классификации, в частности, в связи с хронологической неоднородностью представленной в словаре лексики.

Поэтому можно считать вполне закономерным тот факт, что коллектив словарного сектора переключился на составление общего обратного индекса, который, безусловно, будет стимулировать дальнейшее детальное изучение частных словообразовательных вопросов и, кроме того, послужит для решения многих других проблем, не связанных со словообразованием.

Словник Словаря польского языка воспроизведен в обратном индексе с очень небольшими и совершенно оправданными изменениями. Грамматических помет индекс не содержит, поскольку они всегда

¹¹ Zeszyt próbny Indeksu słowotwórczego do Słownika języka polskiego pod redakcją W. Doroszewskiego. Warszawa, 1963.

могут быть почерпнуты из словаря. Однако в индексе впервые в практике обратных словарей приводятся пометы: *старое, устаревшее, диалектное, индивидуальное*. Такое решение составителей индекса надо признать весьма удачным, поскольку многие задачи, для решения которых используется обратный словарь, требуют отграничения фактов современного языка от всего, что находится за пределами современных норм. Наличие этих помет в обратном индексе дает к тому же очень наглядную характеристику состава лек-

сики Словаря польского языка и позволяет получить представление о количественном соотношении разных ее пластов, что крайне трудно было бы сделать на основе самого Словаря.

Можно пожалеть, что Обратный индекс польского языка не содержит никаких количественных показателей или таблиц, отражающих число одно-, двух- и трехбуквенных конечных сочетаний.

С. М. Толстая

ПЕРВЫЙ РУСИНСКИЙ МНОГОЯЗЫЧНЫЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Лексика русинского языка, одного из самых молодых славянских литературных языков регионального типа¹, до сих пор остается в большинстве своем не собранной и не обработанной. Ее изучение и соби́рание началось в последние годы. Одной из первых работ в этом направлении следует считать статью О. Горбача, в которой собранная в различных русинских селах Бачки и Срема лексика представлена в зависимости от источника ее происхождения: заимствования из румынского, венгерского, немецкого, сербскохорватского, украинского и русского языков, а также лексика, общая для закарпатскоукраинско-восточнословацких говоров². О русинской лексике тюркского³ происхождения писал автор этих строк; список венгерских заимствований представил русинский языковед М. М. Кочиш⁴.

На современном этапе перед русинской лексикографией стоит задача не только сбора, но и нормирования лексики, в частности, выработка и закрепление в практических сферах прежде всего терминологии. Потребность в терминологи-

ческом словаре ощущалась уже давно; она вызывалась прежде всего интенсивным расширением общественных функций русинского литературного языка, ставшего (помимо традиционных сфер использования — художественная литература, основная школа, периодические издания) языком учебно-научной литературы, о чем свидетельствует значительное количество изданных учебников по различным учебным предметам для гимназии, а также научные статьи в русинских журналах и сборниках и в новосадских многоязычных периодических изданиях («Савремена библиотека», «Bilten Pokrajinskog zavoda za izdavanje udžbenika» и др.).

Несколько лет назад сотрудниками русинской редакции новосадского издательства «Покрајински завод за издавање уџбеника» (при содействии преподавателей русинских основных школ и гимназии) была начата работа по составлению небольших терминологических словарей для учащихся русинских школ. Как итог этой работы под редакцией Дю. Варги (кроме словарика исторических терминов, редактором которого был М. М. Кочиш) появились первые небольшие двуязычные терминологические словари сербско-хорватско-русинские и русинско-сербско-хорватские: по математике⁵, физике⁶, истории⁷, географии⁸, биологии⁹, химии¹⁰, общетехническому образова-

¹ Подробнее о формировании этого литературного языка см. нашу статью «Становление и развитие русинского литературного языка в Югославии». «Советское славяноведение», 1972, № 3, стр. 38—50.

² См. О. Горбач. Лексика говірки бачвансько-срмських українців. «Науковий збірник Музею української культури в Свиднику», № 4, кн. 1. Пряшів, 1969, стр. 309—349.

³ А. Д. Дуличенко. Тюркизмы в языке русин Югославии. «Тюркские лексические элементы в восточных и западных славянских языках. (Тезисы докладов второго симпозиума)». Минск, 1969, стр. 21—22.

⁴ М. М. Кочиш. Пожички з мадярського у нашій бешеді. «Шветлосц», Нови Сад, 1971, № 1, стр. 45—56; № 2, стр. 132—136.

⁵ «Математика. Словнік терминов за основу школу. Сербскогорватско-руски и руско-сербскогорватски». Нови Сад, 1969, 61 стр.

⁶ «Физика. Словнік терминов...», 1969, 22 стр.

⁷ «История. Словнік терминов...», 1970, 88 стр.

⁸ «География. Словнік терминов...», 1970, 44 стр.

⁹ «Биология. Словнік терминов...», 1970, 41 стр.

¹⁰ «Хемия. Словнік терминов...», 1970, 24 стр.

нию¹¹ и музыкальному воспитанию¹². Все эти издания послужили основой для дальнейшей работы по созданию и систематизационных русинских терминов.

В 1972 г. новосадское издательство «Руске слово» выпустило первый многоязычный (сербско-хорватско-русинско-украинский) терминологический словарь, подготовленный известным русинским языковедом М. М. Кочишем¹³. Выход словаря явился большим вкладом в развивающуюся русинскую лексикографию, что единодушно отмечали в опубликованных в русинской печати откликах представители русинской интеллигенции¹⁴.

Терминологический словарь М. М. Кочиша содержит около 14 тыс. сербско-хорватских терминов, переведенных на русинский и украинский языки. Если не считать списка в 6 тыс. слов орфографического словарика, помещенного в приложении к «Правопису русского языка» М. М. Кочиша¹⁵, данный словарь представляет наибольшее количество русинской (специальной) лексики. Это наиболее употребительные термины из различных областей знания и общественной практики.

Проблема суффиксального образования терминов является одной из сложнейших в русинской грамматике. При анализе словаря ощущается стремление автора систематизировать образование отдельных групп терминов определенными суффиксами. Так, от существительных на *-логия* и *-графия*, а также *-ия* рекомендуется использовать формы прилагательных с суффиксом *-(ий)н-*: *етнология* — *етнологийни*, *география* — *географийни*, *вегетация* — *вегетацийни* и т. д. Правда, далеко не всегда удается автору быть последовательным, ср.: *лексикологични*, *хореографски* и *хореографични* и др. Более последовательно образование прилагательных от существительных на *-ник*: *роботник* — *роботнички* и пр. Суффикс прилагательных *-ск-* используется преимущественно от топонимических образований на *-ия*: *Белгия* — *белгийски*, *Сомалия* — *сомалийски*. В других случаях отмечается сужение использования этого суффикса, которому обычно предпочитают суффиксы *-н-*, *-ов-* и некоторые др. Так, наряду с формами *дуелски*, *дует-*

ски предлагаются и формы *дуелни*, *дуетни*; наряду с *баритонски* — *баритоновни*, *плански* — *плановни* и пр. Еще предстоит, как нам думается, решить ряд вопросов, связанных с образованием форм прилагательных от существительных с суффиксом *-ичн-*. В большинстве случаев М. М. Кочиш отдает предпочтение именно этому суффиксу, в результате чего создается достаточно пестрый состав субстантивных основ, к которым присоединяется этот адъективный суффикс, ср.: *материялист* — *материялистични*, *дипломат* — *дипломатични*, *антимонарх* (?) — *антимонархични*, *анекдота* — *анекдотични*, *агротехника* — *агротехнични*, *катастрофа* — *катастрофични*, *эпизода* — *эпизодични*, *анемия* — *анемични*, *аутобиография* — *аутобиографични*, *идеология* — *идеологични*.

Видимо, следует устранить вариантность некоторых адъективных терминов или же определить случаи, когда необходимо употребить именно этот термин, а не другой. Так, ср.-хорв. *анатомски* (укр. *анатомичний*) соответствуют в русинском четыре формы: *анатомийни* (от *анатомия*), *анатомични* (от ?), *анатомни* и *анатомски* (слово *анатом* в словаре не фиксируется). Ср. также: *биографийни*, *биографични*, *биографски*; *етнографийни*, *етнографични*, *етнографски* и др.

В грамматическом отношении большинство терминов анализируемого словаря унифицировано и представлено достаточно последовательно. Так, вместо ранее вариантно использовавшихся форм типа *поета* — *поет*, *атлета* — *атлет*, *економиста* — *економист*, *социалиста* — *социалист*, *коммуниста* — *коммунист*, *шахиста* — *шахист* и т. д. М. М. Кочиш рекомендует только вторые формы. Можно лишь указать на непоследовательность в родовом оформлении существительных на *-грам*, которые автор обычно дает с флексией *-а*: *програма*, *телеграма* и пр.; однако почему-то мужского рода (с нулевой флексией) *радиограм* (251), *эпиграм* (87) и некоторые другие.

Относительно фонетической разнооформленности одних и тех же терминов можно сказать следующее. Несмотря на то, что автором повсеместно рекомендуется икавизм, выдержат этот принцип до конца не удается, он часто нарушается экавизмом, ср.: *розмир* (71), но *водомер* (54), *вирносоц*, но *вериц* (51), *билогардиец*, но *билогардеец* (41) и др. Предлагаются то формы *буржуазни* (47), то *буржоазни* (54), ср. также: *експлоататор* (84) и др.; ср. также *ботаника* и *ботаники* (45), *шлїд* и *дослїдник* (114), *стороч* и *бездраже* (42) и некоторые другие.

Следует отметить, что автор словаря весьма успешно справился с задачей адекватности перевода сербско-хорватских терминов на русинский язык. В этом смысле не всегда благополучно с украинскими эквивалентами. Так, ср.-хорв.

¹¹ «Общетежнїчне образование. Словнїк терминох...», 1970, 32 стр.

¹² «Музичне виховане и подобово виховане. Словнїк терминох...», 1970, 48 стр.

¹³ М. М. К о ч и ш. Приручнї терминолошки речник српскохрватско-русинско-українски. Нови Сад, [1972], 370 стр.

¹⁴ См., например, М. С к у б а н. Триязычни словнїк. «Руске слово», Нови Сад, 17 XI 1972, стр. 7.

¹⁵ См. М. М. К о ч и ш. Правопис русского языка. (Школске видане). Нови Сад, 1971, стр. 84—156.

аерофотоснимак переведено на украинский как *аерофотозйомка* вм. *аерофотознімок*; ср.-хорв. *аналитичар* — как *анализатор* вм. *аналитик*; ср.-хорв. *кубански* (от *Куба*) — как *кубанський* (т. е. от *Кубань*) вм. *кубинський* и пр. Весьма сомнительной представляется передача на украинский сербско-хорватского *русински* и русинского *руски* как *русський* (см. название словаря, а также стр. 274). Современные украинские словари повсеместно дают форму *русинський*, в то время как форма *русський* «русинский» признается областной, нелитературной¹⁶. Большинство опечаток, отмеченных в словаре, падает на его украинскую часть.

Наконец, укажем, что в словарь автор включил также так называемые общие слова, которые не могут быть причислены к терминам. Эта нейтральная лексика типа *бида*, *сечац*, *векши*, *ставац ше*, *наисце*, *интересантни*, *надбавиц*, *нови*, *ноц* и т. д., а также некоторые местоимения и местоименные наречия (*дажеди*,

¹⁶ См., например, «Украинско-русский словарь», т. V. Киев. 1962, стр. 233; «Российско-украинский словарь», т. III, Київ, 1968, стор. 213—214 и др.

кадешик, *ніч* и др.), предлоги (*без*, *поза*, *по*) и др. Следовало бы более четко дифференцировать термины и нетермины, в противном случае в словарь попадают, например, слова с пометами «областное» (например, укр. *готар-хотар*, *сипанець* и др.), «разговорное» (*гешешт*, *металля* и др.) и т. д.

Высказанные здесь соображения и замечания показывают, насколько сложны пути решения проблемы словообразования и использования терминов в молодом литературном языке. Появление первого многоязычного русинского словаря М. М. Кочиша следует рассматривать как одну из достаточно перспективных попыток в решении этой проблемы. Рецензируемый словарь знаменует собой начальную веху в становлении русинской лексикографии вообще и терминологии в частности; нет сомнения в том, что словарь окажет практическую помощь не только переводчикам на русинский язык учебно-научных, публицистических и иных текстов, но также славистам, занимающимся вопросами славянского словообразования и славянской терминологии.

А. Д. Дуличенко

БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГИ О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАХ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ВЫШЕДШИЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ в 1973 г.

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. *Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика*

Актуальные проблемы современного социализма. Научн. труды, ч. 1—2. М., 1973.

Бромлей Н. Я., Жуков Е. М., Лисицына Л. Н. Мировая социалистическая система. Некоторые проблемы теории и истории становления социализма. «Мысль», 1973.

Губелидзе Б. П. Существование двух систем и мировое революционное движение. «Сабчота Сакартвело», 1973.

Дипломатия социализма. Предисл. А. А. Громыко. Междунар. отношения, 1973.

Научно-техническая революция и социализм. Политиздат, 1973.

Национально-государственные интересы социалистических стран и их проявление во внешней политике (тематич. сборник научн. трудов). М., 1972.

Проблемы коммунистического движения. Мировой социализм и революцион-

ное движение. Ежегодник 1973 г. «Мысль», 1973.

Санакоев Ш. П., Капченко Н. И. Теория и практика внешней политики социализма. Междунар. отношения, 1973.

Соловьев М. Д. Национальное и интернациональное во взаимоотношениях социалистических стран. Л., «Знание», 1973.

2. *Экономика. Экономическое сотрудничество*

Альтшулер А. Б. Сотрудничество социалистических государств. Расчеты, кредиты, право. Междунар. отношения, 1973.

Байбаков А. И. Экономическое прогнозирование в странах — членах СЭВ. Изд-во Моск. ун-та, 1973.

Белович А. Планирование и финансирование капитальных вложений в странах — членах СЭВ. «Экономика», 1973.

Бондаренко Е. Л. Выравнива-

ние экономических уровней стран — членов СЭВ. Изд-во Моск. ун-та, 1973.

Валев Э. Б. Экономическая география зарубежных социалистических стран. Метод, указания для студентов геогр. фак. гос. ун-тов. Изд-во Моск. ун-та, 1973.

Внешняя торговля стран — членов СЭВ электротехническими изделиями в условиях экономических реформ. (Сост. В. А. Пономарев, В. В. Солодкий). М., 1973.

Дегтярь Л. С. Проблемы обеспеченности стран — членов СЭВ трудовыми ресурсами в перспективе. М., 1972.

Дьяченко К. П. Цейлон и социалистические страны. (Тенденция и перспективы экон. сотрудничества). «Наука», 1972.

Ермоленко В. Г. Научно-техническое сотрудничество строителей СССР — НРБ по пути социалистической экономической интеграции. (Обзор). М., 1973.

Залкинд А. И., Кудрова Е. И. Статистика цен в европейских социалистических странах. «Статистика», 1973.

Золотарев В. И. Программа экономического сотрудничества социалистических стран. Междунар. отношения, 1973.

Зубков А. И. Интеграция промышленности стран СЭВ. «Знание», 1973.

Кормилов Ю. Ф. Развитие организационных форм международных экономических организаций стран СЭВ в условиях их интеграции. М., 1973.

Ларионов К. А. Два мира — две валютные системы. «Финансы», 1973.

Лебединская А. А. Проблемы товарообмена и цен в условиях международных экономических организаций стран СЭВ. М., 1973.

Летенко А. В. Научно-техническое сотрудничество стран СЭВ и международный экономический расчет. М., 1973.

Мариан Г. Экономическая интеграция стран социализма. «Экономика», 1973.

Методика исчисления сопоставимой себестоимости сельскохозяйственных продуктов, производимых в странах — членах СЭВ. Проект. М., 1973.

Методы определения экономической эффективности стандартизации в странах — членах СЭВ. М., 1973.

Научно-технический прогресс и сотрудничество стран СЭВ. Междунар. отношения, 1973.

Национальное и совместное прогнозирование развития транспорта стран — членов СЭВ. Междунар. симпозиум стран — членов СЭВ. Москва, дек. 1971 г. М., 1972.

Обзор деятельности СЭВ за 1972 г. М., 1973.

Проблемы повышения экономической эффективности общественного производ-

ства в социалистических странах. «Экономика», 1973.

Проблемы развития мировой социалистической системы, ч. 1—2. М., 1973.

Птичкин Н. Н., Бауман Л. Н., Лукин Л. И. Экономическое сотрудничество стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи. «Экономика», 1972.

Ротлейдер А. Я. Международные кредитные организации стран — членов СЭВ. «Финансы», 1973.

Рябушкин Т. В., Галецкая Р. А. Проблемы народонаселения в европейских странах СЭВ. «Знание», 1973.

Состояние и перспективы развития химической промышленности некоторых стран — членов СЭВ. М., 1973.

Социально-экономические проблемы развития и сотрудничество социалистических стран, ч. 1—2. М., 1973.

Статистика стран — членов СЭВ. Наука, 1973.

Степаненко С. И. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области стандартизации. Изд. 2-е доп. и перераб. Изд-во стандартов, 1973.

Стрепетов М. П. Сотрудничество стран СЭВ с развивающимися государствами. «Наука», 1973.

Строгова А. И. Производство предметов народного потребления в странах — членах СЭВ. «Наука», 1973.

Структура управления промышленностью в странах СЭВ. «Мысль», 1973.

Формирование аграрно-промышленного комплекса в европейских социалистических странах. Научн. докл. М., 1973.

Цициашвили А. Я. Великая программа сотрудничества социалистических стран. «Сабчота Сакартвело», 1973.

Шагалов Г. Л. Проблемы оптимального планирования внешнеэкономических связей. (Вопросы теории и методологии). «Наука», 1973.

Ширяев Ю. С. Экономический механизм социалистической интеграции. Очерк теории. «Экономика», 1973.

Шкаренков Ю. С. Сотрудничество стран СЭВ в развитии химической промышленности. «Наука», 1972.

Экономика зарубежных стран социализма. (Научн. труды), ч. 1—2, М., 1973.

Экономико-географические проблемы промышленности социалистических стран. Сб. трудов. М., 1973.

Юзуфович Г. К. Экономические методы управления научными исследованиями в странах — членах СЭВ. Изд-во Ленингр. ун-та, 1973.

3. Партийная жизнь

Броз Тито И. Избранные статьи и речи. Политиздат, 1973.

Караев Г. Н. Благоев в Петербурге. Лениздат, 1972.

В. И. Ленин и образование коммуни-

стических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. «Наука», 1973.

Ленинизм — великое интернациональное учение. Высказывания деятелей братских коммунистических и рабочих партий о роли ленинизма как интернационального учения, о международном значении опыта КПСС. К 70-летию II съезда РСДРП. М., 1973.

Шутов А. Д. Международное коммунистическое движение — авангард революционных сил. «Знание», 1973.

4. Государственное строительство. Право

Договоры об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенные СССР с другими социалистическими государствами. Изд. 2-е доп. Юрид. лит., 1973.

Конституции зарубежных социалистических государств Европы. «Прогресс», 1973.

Сборник морских законов зарубежных стран. Вып. 2. «Транспорт», 1973.

Синельникова Р. Д. Державне право зарубіжних соціалістичних країн. Навч. посібник для студентів юрид. вузів ф «Вища школа», 1973.

Уголовный, уголовно-процессуальный и уголовно-исполнительный кодексы Польской Народной Республики. Юрид. лит., 1973.

Файштейн А. А. Ответственность за нарушение сроков поставок, условий в качестве и комплектности продукции по праву (НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СРР и ЧССР. М., 1973.

5. Справочники. Библиография

Библиографические материалы к книжной выставке от СССР на VII Международном съезде славистов. (Варшава, 21—28 авг. 1973 г.). Сост.: Беляева С. Н. и др. М., 1973.

Взаимосвязи и взаимодействие литератур мира (1966—1970). Библиография. Сост.: Либман В., Пироговская В. П., ч. 1—2. М., 1973.

Зарубежные молодежные организации. Справочник. Изд. 2-е испр. и доп. «Молодая гвардия», 1973.

Калоева И. А. Советское славяноведение. Лит-ра о зарубежных славянских странах на русском языке, опубликованная в 1963—1968 гг., вып. 1, 3, 5. М., 1973.

Киреев В. П. Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны 1939—1945. Информ. библиогр. указ. сов. и зарубеж. литературы. М., 1972.

Международный ежегодник. Политика и экономика. Вып. 1973. Политиздат, 1973.

Мир социализма в цифрах и фактах 1972. Справочник. Политиздат, 1973.

Народное хозяйство социалистических стран в 1972 г. Сообщ. стат. упр. «Статистика», 1973.

Основные произведения иностранной художественной литературы. Лит. библиогр. справочник. 3-е доп. и перераб. изд. «Книга», 1973.

Славянское языкознание. Библиогр. указ. литературы, изд. в СССР с 1966 по 1970 г., с доп. за предыдущие годы. Сост. Н. П. Дебец и др. «Наука», 1973.

Содружество социалистическое. (СЭВ: итоги и перспективы). Справочник. Политиздат, 1973.

Статистический ежегодник стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи. 1972. М., 1972.

Статистический ежегодник стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи. 1973. М., 1973.

Страны мира. Краткий политико-экономический справочник. Политиздат, 1973.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Аблова Р. Т. Сотрудничество советского и болгарского народов в борьбе против фашизма (1941—1945 гг.). Вышш. школа, 1973.

Балканский исторический сборник № 3. Кишинев, 1973.

Боевое содружество советского и польского народов. «Мысль», 1973.

Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. «Наука», 1973.

Гросул В. Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859—1874 гг.). «Штиинца», 1973.

Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Ист. очерки. Документы и материалы. «Наука», 1973.

Дихан М. Д. Болгари-політемігранти у соціалістичному будівництві на Україні в 1924—1929 рр. Видво Київ. ун-ту, 1973.

Доклады советских историков на сессии Ассоциации славистических исследований (Краков, 27—30 авг. 1973 г.). М., 1973.

Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. 7. 1939—1943 гг. «Наука», 1973.

Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. I. Ноябрь 1917 — авг. 1922. «Наука», 1973.

Зайцев В. М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа). «Наука», 1973.

Златковская Т. Д. Некото-

рые особенности романзации земель между Балканами и Дунаем. «Наука», 1973.

История второй мировой войны. 1939—1945, т. I. Воен. изд-во Мин-ва обороны СССР, 1973.

Историографические аспекты славяно-волошских связей. (Рез. докл. сессии науч. совета 1973 г.). «Штиинца», 1973.

К о б ы ч е в В. П. В поисках прародины славян. «Наука», 1973.

Л а ц о К. Конституция доминионской чехословацкой республики. М., 1972.

Л е л ь ш е н к о Д. Д. Москва — Сталинград — Берлин — Прага. Записки командарма. Изд. 2-е, испр. и доп. «Наука», 1973.

Международный конгресс исторических наук. 13-й. Доклады конгресса. Т. I, ч. 1—2, 4. М., 1973.

М о з е р о в В. Д. Экономическая политика Болгарской коммунистической партии в промышленности. Восстановит. период (1944—1948 гг.). Морд. кн. изд-во, 1973.

М о с к а л е н к о А. Е. Зарубежные славянские народы в средние века. (Курс лекций). Воронеж, 1973.

М о с к а л е н к о К. С. На Юго-западном направлении 1951—1945 гг. Изд. 2-е, испр. и доп. Кн. 1—2. «Наука», 1973 г. 2 кн.

Н а к о в А. Интернациональная миссия советских войск в Болгарии. «Наука», 1973.

Не знавшие страха. (Сборник. Сост. С. А. Лесневский). Воениздат, 1973.

О з о л и н А. И. Бюргерская оппозиция в гуситском движении. Социально-полит. требования. Изд-во Саратов. ун-та, 1973.

Октябрь и болгарские интернационалисты. М., София, 1973.

О р е х о в А. М. Социал-демократическое движение в России и польские революционеры. 1883—1893. «Наука», 1973.

Переписка наместников Королевства Польского 1861—1863. Вроцлав-М., 1973.

П о б о л ь Л. Д. Славянские древности Белоруссии (Могильник раннего этапа зарубинской культуры). «Наука», 1973.

Р у с а н о в а И. П. Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом. «Наука», 1973.

С л и в к а Ю. Ю. Борьба трудящихся Східної Галичини проти іноземного поневолення. Наук. думка, 1973.

Ф л о р я Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. «Наука», 1973.

Ф р е й д е н б е р г М. М. Деревня и городская жизнь в Далмации XIII—XV вв. (Спец. курс лекций, прочит. на ист. фак. Калининского ун-та). Калинин, 1972.

Экономическая история социалистических стран. Метод. указания для сту-

дентов-заочников эконом. фак-тов гос. ун-тов. Изд. 2-е. Изд-во Моск. ун-та, 1973.

Юго-Восточная Европа в средние века. Сборник. «Штиинца», 1972.

Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. (Рез. докл. Кишин. симпозиума 1973 г.). «Штиинца», 1973.

Я ж б о р о в с к а я И. С. Идеиное развитие польского революционного рабочего движения (конец XIX — первая четверть XX в.). «Наука», 1973.

2. Культура

А р н о л ь д о в А. И. Культура и современность. Диалектика процесса культурной консолидации социалистических стран. «Мысль», 1973.

Б а н д а р ч ы к В. К., М а л а ш В. К. Беларуская этнаграфія і фальклор у працах славянских вучоных эпохі рамантызму. «Навука і тэхніка», 1973.

Б е л о у с о в В. Н. Современная архитектура Югославии. «Стройиздат», 1973.

Б е р е з к и н В. И. Театр Йозефа Свободы. Изобраз. искусство, 1973.

Б і л о д і д І. К. Кієво-могилянська академія і розвиток східнослов'янських літературних мов у XVII—XVIII ст. Наук. думка, 1973.

Б у р я к о в с к и й Ю. Люди, я любил вас... «Дніпро», 1973.

Б э л з а И. Ф. История чешской музыкальной культуры. Т. 2. «Наука», 1973.

В е р в е с Г. Д. Польский романтизм у східнослов'янських літературах кінця XIX-першої половини XX ст. Київ, 1973.

Взаемовплив слов'янських мов і літератур. (До VII Міжнар. з'їзду славистів). Київськ. держ. ун-т, 1972.

Г а й д а й М. М. Народна етика у фольклорі східних і західних слов'ян. (Проблема добра и зла). Наук. думка, 1972.

Герой художественной прозы. Социалистические страны Европы. «Наука», 1973.

Г о л е н и щ е в - К у т у з о в И. Н. Славянские литературы. Статьи и исследования. (Сост. и подгот. текста И. В. Голенищевой-Кутузовой. Вступ. статья Д. С. Лихачева). Худож. лит.-ра, 1973.

Г р и г о р я н В. М. Литературно-типологическая структура памятников периода второго южнославянского влияния («Слово о полку Игореве», «Задонщина», княжеские жития святых и некоторые другие). Ереван, 1973.

Д е й О. І., Г р и ц а С. Й. Сучасні українські співанки-хроніки і пісенна епіка карпатського регіону. Доповідь на VII Міжнар. з'їзді славистів. Наук. думка, 1973.

Европейский романтизм. «Наука», 1973.

Журавська І. Ю., Булаховська Ю. Л., Захаржевська В. О. Функція «світових абразів» у сучасних слов'янських літературах. Доповідь на VII Міжнар. з'їзді славистів. Наук. думка, 1973.

З історії громадських, культурних та наукових зв'язків українського народу з зарубіжними слов'янськими народами в XIX ст. Доповідь на VII Міжнар. з'їзді славистів. Наук. думка, 1973.

История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Междунар. съезд славистов. Докл. сов. делегации. «Наука», 1973.

Каниметов А. Наш друг Юлиус Фучик. Фрунзе, «Кыргызстан», 1973.

Кирилюк Е. П. Український романтизм у типологічному зіставленні з літературами західної південнослов'янських народів (перша половина XIX ст.) Доповідь на VII Міжнар. з'їзді славистів. Наук. думка, 1973.

Кравцов Н. И. Проблемы сравнительного изучения славянских литератур. Изд-во Моск. ун-та, 1973.

Крутикова Н. Е. Революционный романтизм в восточно-славянских литературах конца XIX — начала XX века. Докл. на VII Междунар. съезде славистов. Наук. думка, 1973.

Круть Ю. З. Хліборобська обрядова поезія слов'ян. Наук. думка, 1973.

Кубилюс В., Настопка К. Польский романтизм и балтийские литературы. Вильнюс, «Минтис», 1973.

Левінська С. Й. Юліуш Словацький. Життя і творчий шлях. Вид-во Київського ун-ту, 1973.

Малевич О. Владислав Ванчура. Критико-библиографический очерк. Худож. лит., 1973.

Марков Д. Ф. Из истории болгарской литературы. «Наука», 1973.

Маркова Е. Л. Трансформация южнославянской системы родства и ее соотношение с семейно-родственной структурой. «Наука», 1973.

Методическое пособие по описанию славянорусских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. 1. М., 1973.

Молева Н. М. Варшава. «Искусство», 1973.

Мыльников А. С. Йозеф Юнгман и его время. «Наука», 1973.

Немировский Е. Л. Издательское дело и книговедение Народной Республики Болгарии. «Книга», 1973.

Никольский С. В. Карел Чапек — фантаст и сатирик. «Наука», 1973.

Памятник Адаму Мицкевичу во Львове. Фоторассказ. «Мистецтво», 1973.

Польская романтическая лирика. (Метод. рекомендации к лит. вечеру). Всесоюз. гос. б-ка иностр. лит., 1973.

Польский романтизм и восточнославянские литературы. «Наука», 1973.

Розвиток і взаємовідношення жанрів слов'янського фольклору. Наук. думка, 1973.

Роман в современных литературах южных и западных славян. Сб. статей под ред. Н. И. Кравцова и Е. З. Цыбенко. Изд-во Моск. ун-та, 1973.

Романтизм в славянских литературах. Сб. статей. М., 1973.

Россия и Запад. Из истории литературных отношений. «Наука». Ленингр. отд-ние, 1973.

Славянская филология. Сб. статей. Вып. 8. Под ред. С. Б. Бернштейна, Е. З. Цыбенко. Изд-во Моск. ун-та, 1973.

Славянская филология. Сб. статей. Вып. 9. Под ред. К. В. Горшковой, А. Г. Широковой. Изд-во Моск. ун-та, 1973.

Славянские литературы. VII Междунар. съезд славистов. Докл. сов. делегации. «Наука», 1973.

Славянские страны и русская литература. «Наука». Ленингр. отд-ние, 1973.

Слов'янське літературознавство і фольклористика. Респ. міжвід. зб. Вип. 8. Київ, 1973.

Советское образование в социалистических странах. 3-е. Ленинград, 1968. Материалы конференции. 26—28 июня 1968 г. Л., 1972.

Сokolova В. К. О некоторых традиционных символах славянской народной поэзии. «Наука», 1973.

Соловьева А. П. Ян Неруда и утверждение реализма в чешской литературе. «Наука», 1973.

Сравнительное изучение славянских литератур. Материалы конференции 18—20 мая 1971 г. «Наука», 1973.

Станимирова Н. Спор о герое. Эволюция темы Сопротивления в болгарском кино 1944—1971. «Искусство», 1973.

Текстология славянских литератур. Докл. конференции. 25—30 мая, 1971. «Наука», Ленингр. отд-ние, 1973.

Цыбенко Е. З. Особенности польской и русской романтической прозы 30-х — 40-х гг. XIX века. (К проблеме героя и принципов его изображения). Изд-во Моск. ун-та, 1973.

Шерлаимова С. А. Чешская поэзия XX века. 20-е—30-е годы «Наука», 1973.

Шумада Н. С. Специфика коротких песенных жанров сучасного слов'янського фольклору. Доповідь на VII Міжнар. з'їзді славистів. Наук. думка, 1973.

3. Языкознание

Балалыкина Э. А. Балто-славянские языковые отношения. (Материалы к курсу). Учеб. метод. пособие для студентов-филологов. Изд-во Казан. ун-та, 1973.

Балканское языкознание. Сб. статей. «Наука», 1973.

Балтийские языки и их взаимосвязи со славянскими, финно-угорскими и германскими языками. Тезисы докл. научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения акад. Я. Эндзелина. «Знание», 1973.

Восточнославянские языки. Источники для их изучения. «Наука», 1973.

Дзендзелівський Й. О. Діалектна взаємодія української мови з іншими слав'янськими в карпатському ареалі. Доповідь на VII Міжнар. з'їзді славістів. Наук. думка, 1973.

Длуги Д. А. и др. Карманный чешско-русский и русско-чешский словарь. Изд. 2-е, стереотип. Сов. энциклопедия, 1973.

Ермакова М. И. Очерк грамматики верхнелужицкого литературного языка. Морфология. «Наука», 1973.

Жураўскі А. І., Крамко І. І. Характер знешніх взаємадносін беларускай літаратурнай мовы з іншымі славянськими мовама ў пачатковы перыяд не фарміраванья. «Навука і тэхніка», 1973.

Іжакевич Г. П., Пилинський М. М. Лексичні та граматичні засоби у функціональній стилістиці слов'янських мов. Доповідь на VII Міжнар. з'їзді славістів. Наук. думка, 1973.

Калнынь Л. Э. Опыт моделирования системы украинского диалектного языка. «Наука», 1973.

Карманный словацко-русский и русско-словацкий словарь. Сост. Д. Коллар, В. Доротякова, М. Филкусова, Я. Лебедева. Изд. 2-е стереотип. Сов. энциклопедия, 1973.

Коломієць В. Т. Розвиток лексики слов'янських мов у післявоєнний період. Наук. думка, 1973.

Коломієць В. Т. Розвиток словотвору слов'янських мов у післявоєнний період. Доповідь на VII Міжнар. з'їзді славістів. Наук. думка, 1973.

Кузнецовские чтения. 1973 г. История славянских языков и письменности. М., 1973.

Ластовецька Г. К. Чеська мова. Учебный посібник для студентів неспец. від. Вид-во Львів. ун-ту, 1973.

Лексикон латинський Є. Славинець-

кого. Лексикон словенолатинський Є. Славинецького та А. Корецького-Сатановського. Наук. думка, 1973.

Мартынов В. В. Праславянская и балто-славянская суффиксальная деривация имен. «Наука и техника», 1973.

Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1973.

Митронова И. Н., Синицына Г. В., Липкес Д. Карманный польско-русский и русско-польский словарь. Изд. 8-е перераб. Сов. энциклопедия, 1973.

Норман Б. Ю. Переходность, залог, возвратность. (На материале болгарского и других славянских языков). Изд-во БГУ, 1972.

Паламарчук Л. С. Піглумечний словник української мови в колі слов'янських словників цього типу. Доповідь на VII Міжнар. з'їзді славістів. Наук. думка, 1973.

Польские говоры в СССР. Ч. 1—2. «Наука и техника», 1973.

Пушкар М. А. Історична морфологія чеської мови. Львівск. ун-т, 1972.

Русанівський В. М. Слов'янські міжмовні зв'язки і формування функціональних стилів української мови XVI—XVII ст. Доповідь на VII Міжнар. з'їзді славістів. Наук. думка, 1973.

Русский язык в его связях с украинским и другими славянскими языками. (Тезисы докл. и сообщ.). Симферополь, 1973.

Симпозиум по проблемам карпатского языкознания. Тезисы докл. и сообщ. «Наука», 1973.

Славянское языкознание. VII Междунар. съезд славистов. Докл. сов. делегации. «Наука», 1973.

Совещание по Общеславянскому лингвистическому атласу. Тезисы докл. (Ужгород, 25—28 сент. 1973 г.). М., 1973.

Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. «Наука», 1973.

Супрун А. Я. Лексичная спалучальнасть у полабської мови. Доповідь на VII Міжнар. з'їзді славістів. Видва Беларус. Держ. ун-та, 1973.

Токарь Г. С. Производные причинные предлоги в славянских языках. (Пособие по спецкурсу). Ужгород, 1973.

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ в 1973 г.

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. *Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика*

Варголик Ю., Чмолик О. Компартия и молодое поколение Чехословакии. «Проблемы мира и социализма». Прага, 1973, № 11.

Дудинский И. В. Интернациональные и национальные интересы социалистических государств. *Вопр. философии*, 1973, № 10.

Жуков Е. М. Пролетарский интернационализм — одна из основных закономерностей строительства коммунизма. В кн. Н. Я. Бромлей и др. *Мировая социалистическая система. Некоторые проблемы теории и истории становления социализма*. М., 1973.

Жуков Е. М. Расширение границ социализма в мировом масштабе. В кн. Н. Я. Бромлей и др. *Мировая социалистическая система. Некоторые проблемы теории и истории становления социализма*. М., 1973.

Кабачек В. М. Співробітництво між радянськими і югославськими громадськими організаціями в 1945—1947 гг. *Укр. слов'янознавство*, Львів, 1973, вып. 8.

Мазов В. А. Международно-правовое значение договоров СССР и ПНР с ФРГ. *Научн. тр. Моск. ин-та междунар. отношений*, 1973, вып. 4.

Орел В. Дружба, испытанная временем. (К 30-летию заключения договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословакией). *Междунар. жизнь*, 1973, № 12.

Салтанов В. С. Двусторонние договоры социалистических государств о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи и их международно-правовое значение. В кн. *Советский ежегодник международного права*, 1971. М., 1973.

Теллалов К. Дальнейшее сплочение стран социалистического содружества. *Вопр. истории КПСС*, 1973, № 11.

Уланова Г. Борьба КПСС за укрепление единства и сплоченности социалистических стран. «Коммунист Татарии» 1973, № 10.

Шляхчиц Ф. 25 лет по пути ленинизма. *Вопр. истории КПСС*, 1973, № 12

Якеш М. Основы прочности и силы партии. Ленинские принципы и нормы в работе коммунистов Чехословакии. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1973, № 12.

2. *Экономика. Экономическое сотрудничество*

Авдеева И. А. Место банков в югославской хозяйственной системе.

В кн. *Проблемы социально-экономического развития социалистических стран*. Ч. I. М., 1973.

Басс Л. А. Народная Республика Болгария. В кн. *Экономика зарубежных стран социализма*. Ч. I. М., 1973.

Басс Л. А. Проблемы научно-технического прогресса в НРБ. В кн. *Проблемы социально-экономического развития социалистических стран*. Ч. I. М., 1973.

Батизи Э. Э. Методологические вопросы анализа эффективности общественного производства в странах — членах СЭВ. *Изв. АН СССР. Сер. экон.*, 1973, № 6.

Вайс Т. А. Некоторые проблемы повышения эффективности использования рабочей силы (на примере ВНР и ЧССР). В кн. *Проблемы социально-экономического развития социалистических стран*. Ч. I. М., 1973.

Васильев П. Сотрудничество стран СЭВ в производстве товаров широкого потребления. *Междунар. жизнь*, 1973, № 12.

Воронин В. О пересмотре оптовых цен в Чехословакии. *Вопр. ценообразования*, 1973, вып. 9.

Выриков А. Я. Развитие международных автомобильных перевозок стран — членов СЭВ. В кн. *Проблемы экономического сотрудничества социалистических стран*. Ч. 2. М., 1973.

Гавелка Я. Некоторые проблемы развития народонаселения в ЧССР. В кн. *Народонаселение*. М., 1973.

Гавилевский В., Иванов А. Югославия и страны СЭВ. *Вопр. и ответы*, Рига, 1973, № 21.

Герцович Г., Михайлов Б. Об эффективности общественного производства в европейских странах — членах СЭВ. *Вопр. экономики*, 1973, № 1.

Големинов Ч. Роль межгосударственных соглашений в формировании гражданско-правовых отношений по специализации и кооперированию производства. В кн. *Межведомственные связи в условиях социалистической экономической интеграции*. М., 1973.

Гремяцкая Л. Ценообразование на экспортную и импортную продукцию в ПНР. *Вопр. ценообразования*, 1973, вып. 6.

Грингольд И. А. Место межведомственных соглашений в структуре договорных связей по специализации и кооперированию производства. В кн. *Межведомственные связи в условиях социалистической экономической интеграции*. М., 1973.

Динамика розничных цен в некоторых странах — членах СЭВ. *Экономико-статистический обзор (1960—1979 гг.)*. Об-

зорная информация по вопр. ценообращения. 1973, вып. 1.

Дмитриев А. В. Совместное транспортное строительство стран—членов СЭВ в условиях экономической интеграции. В кн. Проблемы экономического сотрудничества социалистических стран. Ч. 2. М., 1973.

Доронченков А. I. Робітники Болгарії в трудових колективах Донбасу (1957—1960 рр.). Укр. слов'язнознавство, 1973, вип. 8.

Дякина Г. П. Социалистическая экономическая интеграция — новый этап сотрудничества стран — членов СЭВ. В кн. Вопросы экономической теории практики хозяйствования М., 1973.

Жаманкулов А. Социалистическая экономическая интеграция. Парт. жизнь Казахстана, 1973, № 10.

Жилко А. С. Изменения в потреблении продуктов питания в странах — членах СЭВ, В кн. Проблемы социально-экономического развития социалистических стран. Ч. I. М., 1973.

Золоев В. Важная форма сотрудничества. Вопросы технического обслуживания в работе СЭВ. Внешн. торговля, 1973, № 14.

Иванов М. И. О факторах, влияющих на состояние и развитие промышленности строительных материалов стран — членов СЭВ. Научн. тр. Моск. инж.-экон. ин-та, 1973, № 69.

Иванов Ю. А. Совершенствование валютно-финансовых отношений стран — членов СЭВ. «Деньги и кредит», 1973, № 11.

Иванова Н. Я. Польская Народная Республика. В кн. Экономика зарубежных стран социализма. Ч. I. М., 1973.

Иохин В. Я. Производственное кооперирование предприятий стран — членов СЭВ с фирмами развитых капиталистических стран в машиностроении. В кн. Проблемы экономического сотрудничества социалистических стран. Ч. 2. М., 1973.

Китаев В. И., Климович Д. Н. Экономическое сотрудничество стран социализма в 1971—1972 гг. В кн. Экономика зарубежных стран социализма. Ч. I. М., 1973.

Колпаков В. В. Агропромышленные комплексы в НРБ. В кн. Проблемы социально-экономического развития социалистических стран. Ч. I. М., 1973.

Кольмей Г. Интенсификация социалистического воспроизводства, накопление и международная экономическая интеграция стран — членов СЭВ. В кн. Социалистическое накопление. М., 1973.

Кормнов Ю., Чуканов О. Проблемы экономической эффективности научно-технического сотрудничества стран СЭВ. План. хоз-во, 1973, № 12.

Кузнецова З. Н. Некоторые вопросы повышения уровня жизни населения

в ЧССР (Сфера обслуживания и жилищная проблема). В кн. Проблемы социально-экономического развития социалистических стран. Ч. I. М., 1973.

Кулакова Т. П. Углубление международной специализации народнохозяйственного комплекса Болгарии в условиях социалистической экономической интеграции. Вестн. Моск. ун-та. Экономика. 1973, № 6.

Куниц О. Сотрудничество ведомств и организаций социалистических стран в научно-технической области. В кн. Межведомственные связи в условиях социалистической экономической интеграции. М., 1973.

Лакс-Кнотэ М. Место международных отраслевых организаций в сотрудничестве стран СЭВ. В кн. Основы организации управления промышленным объединением и предприятием. М., 1973.

Летенко А. В. Планирование и стимулирование научно-технических связей СССР с другими странами — членами СЭВ. В кн. Проблемы экономического сотрудничества социалистических стран. Ч. 2. М., 1973.

Лисицына Л. Н. Создание экономического базиса социализма. В кн. Н. Я. Бромлей и др. Мировая социалистическая система. Некоторые проблемы теории и истории становления социализма. М., 1973.

Лушников О. Е., Социальные аспекты научно-технической революции в ЧССР. В кн. Проблемы социально-экономического развития социалистических стран. Ч. I. М., 1973.

Лушников О. Е. Чехословацкая Социалистическая Республика. В кн. Экономика зарубежных стран социализма. Ч. I. М., 1973.

Маергольц И. М. О макротерриториальной структуре хозяйства европейской группы стран-членов СЭВ. Вестн. Моск. ун-та. География, 1973, № 5.

Мандаджиев И. Основные направления создания автоматизированной системы управления финансовых и кредитных институтов в Народной Республике Болгарии. Экон.-мат. методы и вычислит. техника в упр. финансами. 1973, вып. 3.

Милованов В. С. Социалистическая Федеративная Республика Югославия. В кн. Экономика зарубежных стран социализма. Ч. 2. М., 1973.

Мироненко Н. С. Развитие международного туризма в Болгарии. Вопр. географии. 1973, № 93.

Митрофанов В. Экономическая интеграция стран — членов СЭВ в области морского транспорта. «Вымпел», 1973, № 21.

Николаева А. В. Роль межведомственных соглашений в регулировании экономических отношений между странами — членами СЭВ. В кн. Межведомственные связи в условиях социали-

тической экономической интеграции. М., 1973.

Новикова Т. Г. Экономические связи АРЕ с социалистическими странами. В кн. Проблемы экономического сотрудничества социалистических стран. Ч. 2. М., 1973.

Озобин Н. М., Кузнецов В. М., Дьяченко А. А. Международные промышленные организации стран — членов СЭВ (обобщение опыта создания и деятельности международных организаций в промышленности. В кн. Основы организации управления промышленным объединением и предприятием. М., 1973.

Паруль Э. А. Финансирование технического прогресса в европейских странах — членах СЭВ. Вопр. изобретательства, 1973, № 10.

Паскарь П. Интенсификация — магистральное направление развития экономики. «Коммунист Молдавии», 1973, № 10.

Пашина Н. П. Проблемы экономического сотрудничества стран — членов СЭВ с Францией. В кн. Проблемы экономического сотрудничества социалистических стран. Ч. 2. М., 1973.

Попов Л. Правовая природа рекомендаций СЭВ и их роль в унификации условий международных поставок товаров. В кн. Межведомственные связи в условиях социалистической экономической интеграции. М., 1973.

Постановление Правительства ЧССР о принципах пересмотра оптовых цен. «Ценообразование за рубежом. НИИ по ценео разованию». 1973, вып. 6.

Пугачев Б. Основа одна — сущность разная. Интернационализация производства и интеграция в условиях социализма и капитализма. «Молодой коммунист», 1973, № 11.

Пусенков Н. Развитие внешней торговли ЧССР в 1972 г. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1973, 27 ноября, № 141.

Рюстер Л. Правовые проблемы учреждения и деятельности международных хозяйственных организаций. В кн. Межведомственные связи в условиях социалистической экономической интеграции. М., 1973.

Сергеев Б. П. Социально-экономическая структура рабочего класса европейских социалистических стран — членов СЭВ. В кн. Проблемы социально-экономического развития социалистических стран. Ч. 1. М., 1973.

Склянин Л. Обеспечение высокой эффективности международного социалистического разделения труда. Вопр. и ответы, 1973, № 11.

Сноикова В. А. Приграничное сотрудничество стран — членов СЭВ. В кн. Проблемы экономического сотрудничества социалистических стран. Ч. 2. М., 1973.

Степанова Е. А. Совместные капиталовложения югославских предприятий и иностранных фирм. В кн. Проблемы экономического сотрудничества социалистических стран. Ч. 2. М., 1973.

Талалаев А. Н. Социалистическая экономическая интеграция и вопросы теории международного договора. В кн. Межведомственные связи в условиях социалистической экономической интеграции. М., 1973.

Теперман В. А. Экономические отношения социалистических стран Европы с государствами Латинской Америки. В кн. Проблемы экономического сотрудничества социалистических стран. Ч. 2. М., 1973.

Тиборо К. Совместные предприятия в странах — членах СЭВ. В кн. Основы организации управления промышленным объединением и предприятием. М., 1973.

Токарева П. А. Межведомственные организации социалистических стран. В кн. Межведомственные связи в условиях социалистической экономической интеграции. М., 1973.

Ульянова Н., Ушкалов И. Опыт исследования и регулирования роста городов в Польской Народной Республике. В кн. Народонаселение. Прикл. демография. М., 1973.

Ушевич М. А. Накопление в условиях интенсификации воспроизводства в европейских социалистических странах. В кн. Социалистическое накопление. М., 1973.

Ушкалов И. Экономико-демографические предпосылки участия ПНР в международном социалистическом разделении труда. В кн. Народонаселение. Прикл. демография. М., 1973.

Фишер А. Некоторые факторы, влияющие на развитие международного сотрудничества хозяйственных организаций стран — членов СЭВ. В кн. Основы организации управления промышленным объединением и предприятием. М., 1973.

Фюмель Г. Значение межгосударственных соглашений о специализации и кооперировании производства стран — членов СЭВ. В кн. Межведомственные связи в условиях социалистической экономической интеграции. М., 1973.

Чеклина Т. Н. Внешняя торговля как фактор динамичного развития экономики Польши. В кн. Проблемы социально-экономического развития социалистических стран. Ч. 1. М., 1973.

Чернейко Г. Народная Республика Болгария: успехи социалистического развития. В кн. Международный ежегодник «Политика и экономика». М., 1973.

Чуканов О. Комплексная программа социалистической экономической интеграции: успешное начало. В кн. Международный ежегодник «Политика и экономика». М., 1973.

Шарилов У. Э. Экономическое сот-

рудничество Ирана с социалистическими странами Восточной Европы. В кн. Иран. М., 1973.

Эй с м о н т В. С. Экономическое развитие Пародной Польши в 1956—1970 годах. Уч. зап. Башк. ун-та, Уфа, 1973, вып. 69.

Я с и н а Л. А. Экономические отношения между СССР и СССР в условиях интеграции стран — членов СЭВ. В кн. Проблемы экономического сотрудничества социалистических стран. Ч. 2. М., 1973.

3. Государственное строительство. Право

Б ж е з и н ь с к и й В. Правовая охрана естественной среды в Польше. Сов. государство и право, 1973, № 11.

З г у р о в с к и й Ю. В. К вопросу создания единого органа предварительной экспертизы заявок граждан стран — членов СЭВ и унификации изобретательского права. В кн. Молодые ученые — науке. Ростов-на-Дону, 1973.

З г у р о в с к и й Ю. В. Проблемы создания единого охранного документа

на изобретение для стран — членов СЭВ. В кн. Молодые ученые — науке. Ростов-на-Дону, 1973.

К а м п а О. О юридической квалификации непосредственных связей между промышленными министерствами стран — членов СЭВ. В кн. Межведомственные связи в условиях социалистической экономической интеграции. М., 1973.

М а т о у ш М. Чехословацкий опыт борьбы против концепции «демократического социализма». Научн. докл. высш. школы. Научн. коммунизм, 1973, № 6.

М и р о н о в Н. В. Юридическая природа международных межведомственных соглашений. В кн. Межведомственные связи в условиях социалистической интеграции. М., 1973.

Р у м л В. Пройски «левого» ревизионизма в Чехословакии в 1968—1969 годах. В кн. Борьба коммунистов против идеологии троцкизма. М., 1973.

У с е н к о Е. Г. О правовой природе непосредственных связей по линии министерств и ведомств стран — членов СЭВ. В кн. Межведомственные связи в условиях социалистической экономической интеграции. М., 1973.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

Б е д о в А. В. К 50-летию Сентябрьского антифашистского восстания в Болгарии 1923 г. Вопр. истории КПСС, 1973, № 11.

Б е л к и н Л. Г. Советско-чехословацкое соглашение (18 июля 1941 г.). Позиция Англии и США. Междунар. отношения и классовая борьба в эпоху общего кризиса капитализма, Горький, 1972, вып. 1.

Б е л я к е в и ч К. І. Боротьба польських робітничих партій і військової лівиці проти Начолю за создатів-поляків в російській армії (липень-серпень 1917 г.). Укр. слов'янознавство, Львів, 1973, вип. 8.

Б р о м л е й Ю. В. К вопросу об этнографии славян. Бюл. комис. СССР по делам ЮНЕСКО. М., 1973, № 4.

В о л ь к о в и ч Л. Ю. З історії II «Пролетаріату». Початок боротьби (рік 1888). Укр. слов'янознавство. Львів, 1973, вип. 8.

Г р а ц и а н с к а я Н. Н., К о р о л ь о в В. Д. Проблема этногенеза моравских владов в современной чехословацкой историографии. В кн. Историографические аспекты славяно-волошских связей. (Резюме докл. сессии Научн. совета 1973 г.). Кишинев, 1973.

Д я д ь к и н В. В. Некоторые вопросы стратегии и тактики болгарской рабочей социал-демократической партии (т. с.) в период первой русской революции 1905—1907 гг. Вопр. рабочего движения, Орджоникидзе, 1973, вып. 1.

З л а т к о в с к а я Т. Д. Некоторые проблемы этногенеза владов в связи с романизацией Балканского полуострова

в античное время. В кн. Историографические аспекты славяно-волошских связей. (Резюме докл. сессии Научн. совета 1973). Кишинев, 1973.

К а ж д а н А. П. Освобождение Болгарии из-под византийского ига. Вопр. истории, 1973, № 11.

К а і р о в С. Л. Визвольний фронт Словенії у 1941 році. Укр. слов'янознавство, Львів, 1973, вип. 8.

К а м б у р о в Г. Революционное движение в армии царской Болгарии (июнь 1941 г. — сентябрь 1944 г.). Воен.-ист. журн., 1973, № 11.

К и р и л л о в К. К. К 50-летию Сентябрьского антифашистского восстания в Болгарии 1923 г. Вопр. истории КПСС, 1973, № 11.

К о р о л ь о в В. Д. Славяне и восток. Бюл. комис. СССР по делам ЮНЕСКО. М., 1973, № 4.

К р о п и л а к М. Критика буржуазных концепций народно-демократической революции в Чехословакии. История Великой Октябрьской соц. революции, 1973, № 5.

К р у ч к е в и ч Г. С. 52-а стрілецька дивізія Червоної армії (Західна дивізія польських стрільців) на півдні України (січень-серпень 1920 р.). Укр. слов'янознавство, Львів, 1973, вип. 8.

Л ю б и м с ь к и Л. О. Біля джерел бойової співдружності. (Короткий огляд польської літератури про історію створення в Радянському Союзі і бойові дії польських ВПС). Укр. слов'янознавство, Львів, 1973, вип. 8.

М а н у с е в и ч А. Я. Великий Ок-

тябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. К вопросу об изучении проблемы. История Великой Октябрьской соц. революции, 1973, № 5.

Маринов В. Расселение пастухов-влахов на Балканском полуострове и за его пределами. В кн. Историографические аспекты славяно-волошских связей. (Резюме докл. сессии Научн. совета 1973 г.). Кишинев, 1973.

Михутина И. В. СССР и польско-германское сближение на рубеже 1933—1934 годов. Сов. славяноведение, 1973, № 6.

Намавичюс З. Социально-политические взгляды Иоахима Лелевеля. Вестн. Моск. ун-та. Право, 1973, № 5.

Паливода С. С. Співдружність радянських і польських комуністів у Бухенвальдському підпіллі. Укр. слов'янознавство, Львів, 1973, вип. 8.

План работы на 1973 год Польской Комиссии многостороннего сотрудничества по истории Великой Октябрьской соц. революции, 1973 г, № 5.

Похилевич Д. Л. Форма земельной ренти і розмір визиску селян України та Білорусії. (В XV-першій половині XVI ст.) в радянській історіографії. Укр. іст. журн., 1973, № 11.

Сидельников С. І. Боротьба течій у Болгарському революційному центральному комітеті до початку Старозагорського повстання (травень 1873 — вересень 1875 г.). Укр. слов'янознавство, Львів, 1973, вип. 8.

Сидоров А. В. Основные вопросы борьбы болгарских революционных марксистов против оппортунизма в начальный период рабочего и социалистического движения в Болгарии (1891—1897). Вопр. рабочего движения, Орджоникидзе, 1973, вып. 1.

Соколовський О. Х. До історії сербських отроків XIII—XIV ст. Укр. слов'янознавство, Львів, 1973, вип. 8.

Стеблич Б. А. Солідарність трудящих Польщі з англійськими шахтарями (1926 р.). Укр. слов'янознавство, Львів, 1973, вип. 8.

Теодорович І. М. «Польська політика» монархії Габсбургів на початку першої світової війни (1914—1915). Укр. слов'янознавство, Львів, 1973, вип. 8.

Тодорова Х. Новая культура среднего неолита в Северо-Восточной Болгарии. Сов. археология, 1973, № 4.

Фрейденберг М. М. Влахи в Далмации в XV—XVI вв. В кн. Историографические аспекты славяноволшских связей. (Резюме докл. сессии Научн. совета 1973 г.). Кишинев, 1973.

Шнітман А. М. Праці Веселина Хадживіколова з історії болгаро-російських і болгаро-радянських зв'язків. Укр. слов'янознавство, Львів, 1973, вип. 8.

Яжборовская И. С. О характере и этапах революционного процесса в Польше в 1944—1948 годах. Вопр. истории, 1973, № 12.

2. Культура і наука

Александркина Л. Н. О. М. Бодянский — первый славист Московского университета. Вестн. Моск. ун-та. История, 1973, № 5.

Бейліс О. С., Кутік В. Н. Дослідження історії зарубіжних слов'янських країн в Українській РСР (1946—1971 рр.). Укр. слов'янознавство, Львів, 1973, вип. 8.

Богданов Ю. В., Кузьмин М. Н. Современный этап в развитии культуры славянских народов. Бюл. комис. СССР по делам ЮНЕСКО М., 1973, № 4.

Белза С. И. Тема личной ответственности в словацкой прозе о второй мировой войне. В кн. Герой художественной прозы. Соц. страны Европы. М., 1973.

Ведіна В. П. Про п'єси Єжи Брошкевича. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», Київ, 1973, вип. 9.

Велецька Н. М. Про робітничий фольклорію місце в національній культурі (Замітки про чехословацькі дослідження). «Слов'янське літературознавство і фольклористика», Київ, 1973, вип. 9.

Волинський П. К. Український романтизм у зв'язку з розвитком романтизму в слов'янських літературах. В кн. Волинський П. К. З творчого доробку. Київ, 1973.

Г. Ч. Наукова робота істориків-славистів Харкова у 1969—1971 рр. Укр. слов'янознавство, Львів, 1973, вип. 8.

Головко Н. А., Коновалова Л. В. Конференція етиків соціалістических стран Європи. Вопр. філософії, 1973, № 12.

Гольберг М. Я. Амвросій Метлинський і сербська народна пісня. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», Київ, 1973, вип. 9.

Гусев Ю. П. Молодой герой в литературе. В кн. Герой художественной прозы. Соц. страны Европы. М., 1973.

Гусев В. Е. У гусляров Боснии и Герцеговины. Сов. этнография, 1973, № 5.

Димитров Г. Современная жизнь национальных традиций. Сов. музыка, 1973, № 10.

Дражева Р. Д. Обряды, связанные с охраной здоровья в празднике летнего солнцестояния у восточных и южных славян. Сов. этнография, 1973, № 6.

Зарев П. Совесть и общественный долг писателя. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1973, № 11.

Захаржевська В. О. У творчій майстерні Людмила Стоянова. «Слов'янське літературознавство і

фольклористика», Київ, 1973, вип. 9.

Злыднев В. И. Славянские культуры и формирование славянских наций. Бюл. комис. СССР по делам ЮНЕСКО. М., 1973, № 4.

Кантор-Гуковская А. Избранные рисунки XVI—XX веков из национальной галереи в Праге. Сообщ. Гос. Эрмитажа, 1973, № 37.

Кожеников, Ю. А. Герой в классике социалистического реализма. В кн. Герой художественной прозы. Соц. страны Европы. М., 1973.

Копистянська Н. Х. Роль украинского фольклора в творцах Ивана Олбрахта. «Слов'янське літературознавство и фольклористика», Київ, 1973, вип. 9.

Кравцов Н. И. Эпическое народное творчество славян. Бюл. комис. СССР по делам ЮНЕСКО. М., 1973, № 4.

Крементуло В. К. Пейзаж как средство выражения патристических чувств в поэме Адама Мицкевича «Пан Тадеуш». В кн. Вопросы литературы. Метод. Стиль. Поэтика. Киев, 1973.

Ливанова Т. Н. Искусство славянских народов и его роль в истории мировой культуры. Бюл. комис. СССР по делам ЮНЕСКО. М., 1973, № 4.

Маецкий З. Проблемы морального конфликта. (Обзор современной польской этической литературы). Научн. докл. высш. школы. Филос. науки, 1973, № 6.

Марков Д. Ф. Вклад славянских народов в мировую культуру. Бюл. комис. СССР по делам ЮНЕСКО. М., 1973, № 4.

Младенов М. С. Некоторые аспекты болгарской диалектной лексикологии. В кн. Проблемы лексикологии. Минск, 1973.

Можаяев Г. А. Развитие проекта ЮНЕСКО по изучению славянских культур. Бюл. комис. СССР по делам ЮНЕСКО. М., 1973, № 4.

Найденова В. Невена Коканова. «Искусство кино», 1973, № 10.

Наумов Е. П. Волошская проблема в современной югославской историографии (Средневековые влады западной части Балканского полуострова). В кн. Историографические аспекты славяно-волошских связей. (Резюме докл. сессии Научн. совета 1973 г.). Кишинев, 1973.

Новиков Л. А. Второй международный конгресс преподавателей русского языка и литературы (3—8 сентября 1973 г. Варна, Болгария). Рус. яз. в школе. 1973, № 6.

Орел В. Учитель Менделя. (Научные воззрения М. Клацела). Вопр. философии, 1973, № 12.

Песчаный Д. Г. Деятельность Союза обществ болгаро-советской дружбы в 1946—1950 годах. Вопр. истории, 1973, № 11.

Пиотровская А. Г. Современ-

ник в литературе социалистических стран и польская проза. В кн. Герой художественной прозы. Соц. страны Европы. М., 1973.

Подгорец В. Народно-освободительная война и революция в произведениях для детей югославских писателей. Детская лит-ра, 1973, № 11.

Посудневська Т. В. М. Яструн — перекладач О. Блока. «Слов'янське літературознавство и фольклористика», Київ, 1973, вип. 9.

Прозорливый и крылатый. К 175-летию со дня рождения Адама Мицкевича. Иностр. лит-ра, 1973, № 12.

Путилов Б. Н. 2-й болгарский национальный симпозиум по фольклористике. Сов. этнография, 1973, № 6.

Ракова А. Словацкая графика в борьбе. Сообщ. Гос. Эрмитажа, 1937, № 37.

Ритчик Ю. И. О деятельности Комитета по изучению славянских культур при комиссии СССР по делам ЮНЕСКО. Бюл. комис. СССР по делам ЮНЕСКО, М., 1973, № 4.

Седов Л. И. Мысли Коперника — истоки основ современной механики. В кн. Седов Л. И. Мысли об ученых и науке прошлого и настоящего. М., 1973.

VII Міжнародний конгрес славистів. Нар. творчість та етнографія, Київ, 1973, № 6.

Сиваченко Г. М. Ліро-епічні особливості прози Р. Яшика. «Слов'янське літературознавство и фольклористика» Київ, 1973, вип. 9.

Старосельская К. Стихи и проза ... (Вислава Шимборская и Корнель Филипович в «Иностранной литературе»). Иностр. лит-ра, 1973, № 11.

Степанюк В. І. Новий етап у розвитку загальноосвітньої школи Народної Республіки Болгарії. Рад. школа, Київ, 1973, № 10.

Сурков Е. Д. Буриан, каким я его знал. В кн. Сурков Е. Д. Проблемы века — проблемы художника. М., 1973.

Т. Р. Наукова сесія Міжнародної комісії з історії слов'янознавства (Москва, 1972 г. 26—28 июня). «Слов'янське літературознавство и фольклористика», Київ, 1973, вип. 9.

Ушаков А. М. Итоги работы международного симпозиума «Гуманистическое и общественное значение славянских литератур». Бюл. комис. СССР по делам ЮНЕСКО, М., 1973, № 4.

Филипчикова Р. Л. Рабочий и революционное движение в чешской и болгарской литературах. В кн. Герой художественной прозы. Соц. страны Европы. М., 1973.

Харитонов М. Вымысел и реальность Януша Корчака. К 50-летию книги «Король Матиуш Первый». Дет. лит-ра, 1973, № 12.

Чиркин В. Е. К вопросу о «социалистической политической науке» (Ис-

ториография проблемы интеграции «политических наук» в литературе социалистических стран). Изв. высш. учебн. заведений. Правоведение, 1973, № 4.

Шапкова М. О графике Вацлава Фиалы. «Искусство», 1973, № 10.

3. Языкознание

Гюлумянц К. М. К вопросу о лексической сочетаемости одной группы

фразеологизмов польского языка. В кн. Проблемы лексикологии. Минск. 1973.

Непокупный А. П. Прусские славизмы и лексика кашубских и варминско-мазурских говоров польского языка «Baltistica», Вильнюс, 1973, № 2.

Савченко А. Н. Проблема системной реконструкции праязыковых состояний. На материале балтийских и славянских языков). «Baltistica», Вильнюс, 1973, № 2.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Литературна мисъл», 1973, № 5

С. Гановски. К вопросу о некоторых проблемах диалога на XV Философском съезде; К. Топалов. Нетронутые миры одной поэзии; С. Коларов. Сентябрьские порывы зреющего художника; С. Янев. Движение рассказа от фрагментарности к цельности; Л. Боева. Протопоп Аввакум и его «Житие». К вопросу о формировании жанров в древнерусской литературе; Б. Делчев. Встречи и разговоры с Константином Константиновым. И. Конев, К. Мечев. К единой концепции славянских литератур и европейского литературного процесса.

«Български език», 1973, № 1—2

И. Лекоев. Унаследованные и новые тенденции в словообразовании важнейших славянских единично-личных наименований национальной принадлежности; М. Деянова. К вопросу о синтаксической синонимии в южнославянских языках; Х. Холмолчев. Ономастические параллели в славянской растительной терминологии; В. Георгиев. Система болгарского глагола с диахронической точки зрения; И. Гылыбов. Проблемы лексики древнеболгарского литературного языка; Е. Георгиева. К вопросу об общей проблематике обособления как синтаксического явления; Л. Лашкова. О развитии одной конструкции отрицания в болгарском языке; М. Младенов. Из наблюдений над диалектным консонантизмом в болгарском языке (Переход $n' > \ddot{y}$ в говоре с. Гиген и с. Брест в районе Никополя); Е. Дограмаджиева. Членные формы в Банишском евангелии — среднеболгарском памятнике конца XIII в.; Д. Тилков. О делимитативной функции согласных $л, к (г)$ и $х$ в болгарском литературном языке; Й. Пенчев. О порядке слов некоторых слож-

ных предложений с союзами *че* и *да*; Р. Новачкова. О некоторых особенностях речи душевнобольных (предварительное сообщение); Б. Шклифов. Долнопреспанский говор в системе крайних юго-западных говоров; И. Дуриданов. Славянское происхождение названий рек: болг. *Седръч*, хорв. *Седра* и под.; Т. Тодоров. Болгарские диалектные слова *идъкю*, *изгъбъвам*, *ичел*; Л. Димитрова. Слова *спреж* и *запръждъвам*; И. Димитров. Тексты из с. Тырново, р-н Узункюпри (Восточная Фракия).

«Език и литература» 1973, № 5.

С. Русакиев. Мировое значение русской литературы; С. Брезицкий. Наблюдения над болгарскими номинативными синтагмами (III); И. Иванов. Образ Маяковского в болгарской поэзии; А. Лазарова. Обозначение вторичного действия подчинительным обстоятельством предложением; С. Петрова. Подчинительные предложения причины, относящиеся к части главного предложения; Р. Павлова. Неисследованная рукопись русско-болгарского словаря; Л. Дунчев. Максим Горький и болгарская литература; М. Выгленов. Пенчо Славейков и Юлиуш Словацкий; Д. Бошняков. Маяковский в Болгарии (проникновение, распространение, утверждение).

«Slavia orientalis», 1973 № 4

Г. Порембина. Творчество Дмитрия Фурманова в советском литературоведении двадцатых годов; О. Зильньски. Старая украинская и польская дума в свете исторических данных; Т. Альт. Система соотношения местоимений на материале «Русской правды»; П. Смочиньски. О фамилии Улашин и об именах мнимо или действительно родственных ей.

VI ВСЕСОЮЗНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИСТОРИКОВ-СЛАВИСТОВ

1—4 октября 1973 г. во Львовском университете состоялась VI Всесоюзная научная конференция историков-славистов. Конференция была организована Министерством высшего и среднего специального образования СССР, Министерством высшего и среднего специального образования УССР, Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и Львовским ордена Ленина государственным университетом им. Ив. Франко. В ее работе приняли участие 210 историков-славистов из 58 высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений страны.

Конференция была посвящена проблемам историографии и истории строительства социализма в зарубежных славянских странах, народно-демократических и социалистических революций в Центральной и Юго-Восточной Европе, социально-экономического и политического развития зарубежных славянских народов и межславянских связей с древнейших времен до настоящего времени.

На пленарном заседании был заслушан доклад А. И. Недорезова, М. М. Горановича, В. В. Мирошникова, Н. С. Долгих и И. В. Зайчикова о современной советской и зарубежной историографии по проблемам строительства социализма в зарубежных славянских странах.

В нем были охарактеризованы работы о руководящей роли марксистско-ленинских партий в социалистическом строительстве, исследования о рабочем классе, крестьянстве и кооперировании сельского хозяйства, интеллигенции и культурной революции, национальных фронтах, политической системе социалистических стран и по другим вопросам развития социалистического сотрудничества, подвергнуты критике взгляды буржуазных ученых по истории социалистического строительства в европейских странах. Характерной чертой этого доклада, охватившего историю рабочего класса, крестьянства, социально-политического, экономического и культурного развития зарубежных славянских стран в период социализма, являлось широкое привлечение, кроме собственно исторических, социологических, экономических и др. работ. Это, по-видимому, отражает увеличение роли исторической науки, как науки обобщающей, интегрирующей,

синтезирующей материалы других общественных наук при всестороннем воссоздании исторического процесса.

В докладе А. Я. Манусевича, В. В. Марьиной, Г. П. Мурашко рассматривалась современная и зарубежная марксистская литература по истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Главное внимание в нем сосредоточилось на освещении характера и этапов революций; темпов, форм и методов овладения пролетариатом и его союзниками основными средствами производства; аграрной реформы и ее места в развитии революционного процесса. Докладчики дали аргументированную критику буржуазной историографии по этой проблеме. Определяя основные направления, на которых следует сконцентрировать усилия исследователей в разработке рассматриваемых проблем, авторы доклада высказались за необходимость перехода к комплексному сравнительно-типологическому анализу развития революционного процесса в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 40-е годы XX г.

В первой секции рассматривались проблемы социалистической революции и строительства социализма в славянских странах.

В. М. Алексеев посвятил свой доклад рассмотрению критериев для определения начального этапа социалистической революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, считая, что важнейшим критерием является переход государственной власти к пролетариату. И. И. Братанчук рассмотрел вопрос о характере революционного процесса в Польше в 1944—1945 гг.

Г. П. Мурашко осветила изучение в зарубежных славянских странах национализации основных средств производства и ликвидации на этой основе крупной и средней городской буржуазии. Постановка и решение в современной историографии основных вопросов аграрных преобразований, проведенных в европейских социалистических странах, были рассмотрены В. В. Марьиной. Сообщение Г. И. Капанева было посвящено социальным и экономическим аспектам крестьянского вопроса в период перехода от капитализма к социализму.

Изучение в ПНР объективных и субъективных факторов, внутренних и международных условий, характера и основных этапов революционного процесса в Польше в 1944—1948 гг. на большом историографическом материале проанализировала И. С. Яжборовская. Освещение в современной польской историографии борьбы за упрочение народно-демократического строя в Польше было темой выступления Л. А. Зашкильняка.

Социалистическому строительству в ПНР были посвящены три сообщения. В. С. Эйсымонт касался таких специфических социально-экономических и политических проблем, как освоение и интеграция западных земель, формы преобразования и развития сельского хозяйства, методы общенациональной мобилизации трудящихся на высокопроизводительный труд. А. К. Кавко осветил идейно-политическую работу, проведенную ПНР в 1944—1948 гг. по укреплению польско-советского сотрудничества для победы народной власти и развития страны. В. С. Поляк рассмотрел работы польских историков и социологов, изучающих структуру, количественные и качественные изменения в польском рабочем классе и его роль в обществе в период строительства социализма.

В 12 докладах и сообщениях рассматривались вопросы истории и историографии народной революции и социалистического строительства в Болгарии. Н. И. Леднев проследил, как в болгарской марксистской науке разрабатывалась концепция социалистической революции.

Н. В. Ганевич осветил борьбу БКП за укрепление союза рабочего класса и крестьянства при проведении аграрной реформы и в первый период производственного кооперирования (1944—1948 гг.) и подчеркнул роль партии в организации производственно-культурных бригад из рабочих и других форм помощи города селу.

Трудности и достижения промышленности Болгарии в 1944—1948 гг. рассмотрел В. Д. Мозеров. А. Н. Черный рассказал о деятельности БКП в области развития тяжелой промышленности страны в 1948—1958 гг. Повышение культурно-технического уровня тружеников болгарского села в 1958—1968 гг. показал в связи с переходом к индустриальным методам ведения сельского хозяйства НРБ Г. М. Ачагу. Вопросам советско-болгарского сотрудничества было посвящено 8 докладов и сообщений. П. С. Сохань охарактеризовал болгарскую историографию по проблеме советско-болгарского сотрудничества. Г. Н. Понов и В. В. Бойко осветили достижения советских и болгарских историков в области изучения сотрудничества СССР и НРБ в области науки и культуры. Н. И. Туривенко рассказал о распространении советской книги и периодики в Болгарии,

С. Н. Магазинер — о советско-болгарских культурных связях в 1944—1948 гг., А. Н. Доронченков — о культурно-массовой работе Дома советско-болгарской дружбы, созданного командованием Советской Армии в Болгарии, в 1946—1947 гг., Д. Г. Песчаный — о подготовке в советских вузах специалистов для сельского хозяйства НРБ в 1948—1958 гг. Г. Н. Жуков проанализировал освещение «Правдой» классовой борьбы в Болгарии в 1947—1948 гг. Е. Н. Пугач охарактеризовал роль КП Словакии в разгроме реакции в феврале 1948 г. А. Д. Марченко рассказал о значении научно-педагогической и партийно-государственной деятельности З. Неядлы для социалистического преобразования системы обучения и воспитания молодежи в Чехословакии.

На второй секции было заслушано 15 докладов по истории славянских народов в период второй мировой войны. А. Ф. Носкова проанализировала историографию социалистических стран и ФРГ о планах и политике гитлеровцев в отношении славянских народов. И. И. Мельник осветил роль подпольной газеты Союза борьбы молодых (1943 г.) в мобилизации польской молодежи на борьбу с гитлеровцами. Выступление Ю. И. Макара было направлено против фальсификации буржуазной, в частности — польской эмигрантской историографией причин поражения Варшавского восстания 1944 г.

Обзор публикаций документов, мемуаров и исследований в ПНР, посвященных боевому содружеству Советской Армии и 1-й армии Войска Польского, сделал В. С. Мавюков; итоги и задачи изучения политико-воспитательной работы в 1-й польской армии осветил Н. М. Миропшниченко. Л. А. Любимский обобщил материал об участии польской военной авиации в берлинском сражении.

Много новых данных привели С. С. Паливода об участии польских антифашистов в интернациональной подпольной организации в Бухенвальдском концлагере и Н. С. Шатило — об участии поляков в партизанском движении на территории Вольны и Полесья в годы Великой Отечественной войны.

С. Л. Каиров проанализировал направление и результаты изучения югославскими историками образования народно-освободительных комитетов в Югославии в 1941 г. Большой интерес вызвал доклад В. В. Зеленина об английской историографии национально-освободительной войны в Югославии. Разоблачая буржуазную фальсификацию югославской истории, докладчик глубоко раскрыл империалистическую политику Англии по отношению к Югославии в годы второй мировой войны.

Третья секция обсуждала вопросы рабочего и коммунистического движения в славянских странах.

К. В. Душенко рассмотрел литературу о договоре 1884 г. между партией «Пролетариат» и «Народной Волей». Связи «Пролетариата» с рабочим движением Восточной Галиции на значительном новом материале раскрыл Н. М. Волянюк.

Л. Е. Волькович, основываясь на двух воззваниях 1889 г., показал связи II «Пролетариата» с радикально-демократической группой русских офицеров в Королевстве Польском. Определению исторического места этой партии в польском социалистическом движении было посвящено сообщение А. М. Орехова. С. М. Стецкевич охарактеризовал советскую и польскую историографию по проблеме рабочего движения в Королевстве Польском в 1890-е годы.

В. Я. Табачников рассказал об освещении экономических взглядов Розы Люксембург в работах историков и экономистов ПНР. Литературу о связях В. И. Ленина с польским рабочим движением рассмотрела Р. А. Ермолаева. Возможности расширения документальной базы таких исследований продемонстрировала С. М. Фалькович, касаясь польской проблематики на страницах ленинской «Правды» в 1912—1914 гг. Новые материалы были приведены в сообщениях В. В. Трофимовича о классовой солидарности польских рабочих с борьбой российского пролетариата в 1901—1902 гг. и Н. А. Ратича — о деятельности ПСДП Галиции и Силезии в начале XX в. И. И. Белякевич остановился на историографии польских военных формирований в России в 1914—1917 гг.

В. В. Дядкин сделал обзор болгарской марксистской историографии русской революции 1905—1907 гг. А. В. Крапивин рассмотрел антивоенную деятельность тесняков в годы первой мировой войны, обратив внимание на необходимость дальнейшего исследования борьбы партии за создание Балканской федерации, связи антивоенного движения с борьбой в защиту прав и свобод трудящихся. Е. Н. Андрушин, проследив восприятие Д. М. Благоевым марксистско-ленинского учения о переходном периоде от капитализма к социализму, отметил, что вождь тесняков считал такой период необходимым для становления коммунистической формации, но отождествлял его с первой ее фазой.

Н. А. Кольга сделал сообщение о социальном составе и радикализации настроения военнопленных из славянских стран в России в 1914—1917 гг.

А. З. Нюркаева рассмотрела современную историческую литературу о деятельности Сербской СДП до первой мировой войны.

Доклад Е. И. Спиваковского был посвящен историографии коммунистического движения Юго-Восточной Европы в межвоенный период. Отмечая отставание в разработке этой проблематики,

докладчик указал на актуальность исследования совместной борьбы балканских компартий против оппортунизма и национализма и развития их взаимоотношений с КПСС как ведущей силой мирового коммунистического движения.

Т. И. Лангиель рассказала о движении солидарности с Советской Венгрией в славянских странах и участии интернационалистов из этих стран в героической борьбе Венгерской Коммуны. Исследования болгарских историков по вопросам деятельности БКП, направленной на укрепление единства международного коммунистического движения в межвоенный период, были охарактеризованы в сообщении Н. И. Харламенко. В. П. Повалев рассказал о борьбе БКП за новую внешнюю политику и о международных связях партии во второй половине 30-х годов. В докладе А. С. Клевчени была показана деятельность КПП по пропаганде идей ленинизма. М. Н. Черных остановилась на оценке Ю. Мархлевским роли Октябрьской революции в восстановлении независимости Польши.

Болгарская историография Сентябрьского антифашистского восстания 1923 г. была проанализирована В. Г. Дядкиным. Л. А. Пашковский осветил роль Георгия Димитрова как историка «болгарского 1905 года». В сообщении Н. Т. Сопроновой был дан обзор документальных публикаций и литературы в НРБ, посвященных участию молодежи в восстании. М. А. Бирман рассказал об откликах советской общественности на Сентябрьское восстание и о широком движении солидарности с болгарским народом, которое развернулось в СССР. Г. И. Чернявский показал значение солидарности советской общественности с классовой борьбой трудящихся Болгарии для развития революционного движения в Болгарии 1923—1931 гг.

Интересным по материалу и выводам был доклад Ф. И. Фирсова о роли В. И. Ленина и Коминтерна в образовании КПЧ. Советская и чехословацкая историография революционного движения 1917—1921 гг. в Чехословакии была рассмотрена в сообщениях И. Ф. Короля, М. П. Повча и О. П. Литвинова. В. П. Мисюра вскрыл реакционно-националистический характер аграризма как идеологии чехословацкой сельской буржуазии и фальсификации крестьянского вопроса в работах буржуазных историков и социологов буржуазной Чехословакии.

К. И. Поздняков осветил деятельность интернационалистов из зарубежных славянских стран по укреплению советского тыла. Г. С. Кручеквич дополнил и уточнил сведения о польских частях в составе Красной Армии на Украине. Н. Б. Костюк рассказала о польских интернационалистах — участниках борьбы за власть Советов. М. Д. Дыхан рассмотрел

публикации документов, историко-мемуарную и др. литературу об участии болгарских политэмигрантов 1923—1926 гг. в общественной жизни СССР. Г. Д. Федотов рассказал об участии их в борьбе против болгарского фашизма в 1924—1929 гг.

Тема пролетарского интернационализма была затронута в сообщениях П. П. Челака о солидарности польских и украинских трудящихся во время Краковского восстания 1923 г. и В. Ф. Шряевой — о пропаганде хозяйственных достижений и опыта СССР коммунистической газетой «Работническо дело» в Болгарии в 1927—1931 гг.

Четвертая секция сосредоточила свое внимание на проблемах социально-экономической и политической истории и национально-освободительного движения в славянских странах в эпоху капитализма. И. И. Костюшко, опираясь на новые материалы, рассмотрел регуляцию аграрных отношений в Силезии в первой половине XIX в. В. Г. Сарычев и Я. С. Хонигсман охарактеризовали исследование польских историков по проблемам промышленного переворота, развития капитализма, экономического отставания Польши в межвоенный период, роли иностранного капитала в экономике страны, положения и структуры польского пролетариата. С. Ш. Гринберг сделал сообщение о становлении фабричной промышленности в Болгарии (1878—1885 гг.). О внимании первых руководителей КПЮ к социально-экономическим проблемам югославской истории рассказал С. П. Мовчан.

И. А. Воронков охарактеризовал роль национального вопроса в польском освободительном движении в 1815—1831 гг. Переписка австрийского и русского правительств, обнаруженная В. А. Борисом во львовских архивах, позволила ему обрисовать новые аспекты деятельности Ш. Конарского и И. Кульчицкого. В. М. Фоменкова, используя показания и воспоминания О. Авейде, рассказала о военной деятельности Центрального национального комитета накануне и в первый период восстания 1863 г. В сообщении М. И. Леньшиной рассматривались польские работы по истории партии эндеков. Х. Х. Хайретдинов охарактеризовал позицию газеты «Севба» в 1906—1908 гг. и значение ее материалов для изучения крестьянского движения в Королевстве Польском. Общий обзор послевоенных работ славистов УССР по истории Польши периода капитализма сделали С. М. Антонюк и П. М. Калениченко.

Доклад Н. И. Лещиловской и В. И. Фрейдзона касался роли революции 1848 г. в исторических судьбах славянских народов Австро-Венгрии. К нему тематически примыкал доклад О. А. Харевой «Чехословацкая марксистская историография о революции 1848 г. в Чехии

(1845—1860 гг.)». Основные концепции буржуазной и правооппортунистической историографии славянского вопроса в Австро-Венгрии эпохи империализма были рассмотрены в сообщении Ю. И. Попа.

А. С. Бейлис проследил влияние А. И. Герцена на представления Х. Ботева об историческом прогрессе и его силах, о роли революции в истории, о связи прошлого, настоящего и будущего, о месте и возможностях сознательной человеческой деятельности в историческом процессе; Б. Н. Вилунов обратился к спорному вопросу о характере взглядов Любена Каравелова и связывал с ними формирование идеологии революционного демократизма в Болгарии. Д. Ф. Поплыко оценивала левое движение в боснийском национально-освободительном движении 70-х гг. XIX в., как революционно-демократическое движение. Новейшую польскую историографию по вопросам революционно-демократического движения и деятельности Юлиана Госляра рассмотрел И. М. Нефедов. В. П. Чорный осветил положение в Болгарии в 1875—1876 гг., развитие общенационального кризиса в стране и перерастание его в революционную ситуацию накануне Апрельского восстания.

В пятой секции рассматривались «межславянские связи и место славян в системе международных отношений». Л. Т. Мирочицкий рассказал о начальном периоде в развитии белорусско-чехословацких связей. Движение помощи южным славянам, развернувшееся на Украине во время сербско-черногорско-турецкой войны 1876 г., осветил Ю. Е. Фомир.

Н. И. Яковлев рассказал о поддержке различными социальными слоями России освободительного движения южных славян в 1877—1878 гг. Ф. И. Степановым были приведены новые материалы о болгарской иммиграции в Россию в 50—60-х годах XIX в., Ж. Н. Ковбой — о чешских поселениях на Украине во второй половине XIX — начале XX в. А. С. Нагаев охарактеризовал состав и идеологию тайного польского общества, существовавшего в Западной Сибири в 1832—1833 гг. Д. Б. Мельцер рассмотрел болгарскую историографию по истории болгарско-советских отношений в 1917—1941 гг.

В докладе Н. Д. Ратнер был освещен вопрос о месте Габсбургской монархии во внешнеполитических планах Германии. В. Л. Глебов остановился на политике Германии в отношении Балкан в период до первой мировой войны; В. Я. Гордиенко — на польском вопросе в русско-германских отношениях первой половины 90-х годов XIX в.; Б. В. Кросс — на политике Румынии во время боснийского кризиса 1908—1909 гг. Об-

зор источников и литературы о политике Греции в отношении балканских войн в начале XIX в. был дан в сообщении М. В. Кирсенко. Е. В. Лихач охарактеризовал выступления английского журнала «The New Europe» (1916 г.) против плана «Срединной Европы».

И. И. Теодорович рассмотрел современную польскую историографию о восточной политике Польши в межвоенный период. В сообщении В. С. Толстого была показана аннексионистская политика пилсудчиков по отношению к Белоруссии в 1918—1920 гг. Н. Т. Лисевич дал анализ польских марксистских исследований о польско-советской войне 1920 г. Отношение советской прессы (май — июнь 1926 г.) к государственному перевороту Пилсудского осветил Г. Ф. Матвеев. В. Н. Кутик проанализировал историографию ПНР о польско-германских отношениях в межвоенный период. В. П. Газин рассказал о деятельности историков ГДР по разоблачению империалистического характера восточной политики Штресемана в 1923—1929 гг. В сообщении Н. Г. Зиминной нашли отражение некоторые вопросы историографии движения за создание Балканского союза в 1929—1933 гг. С. И. Рябоконь сделал обзор советской и зарубежной историографии по проблеме создания Балканской Антанты. З. П. Писаренко рассмотрела литературу по вопросу отношения Болгарии к этому блоку в 1934—1938 гг. Доклад А. Ф. Кизченко был посвящен новым фактам и оценкам в исследовании внешней политики Чехословакии накануне второй мировой войны.

На шестой секции рассматривались проблемы социально-экономической и политической истории славянских стран эпохи феодализма. Е. С. Макова полемизировала с представителями «критического» направления в хорватской историографии (Н. Клаич и др.). В. В. Захаров охарактеризовал работы советских и югославских историков по вопросу так называемой кметской зависимости в Далмации XIII—XV вв. Н. П. Мананчикова остановилась на поземельных отношениях в городской округе Дубровника. Концепцию югославских историков о черногорских «племенах» изложил М. М. Фрейденберг.

В. Ф. Инкин коснулся результатов и перспектив сравнительно-исторического изучения образования, развития и социальной роли сельского веча у волохов и зарубежных славян. Доклад Ю. М. Гроссмана был посвящен причинам так называемого «второго издания» крепостничества в Речи Посполитой. В. А. Якубский сделал обзор советской историографии о тенденциях социально-экономического развития Польши в период позднего феодализма.

Современная польская историогра-

фия о городах Речи Посполитой была рассмотрена в сообщении Т. П. Брянцевой. Я. С. Мельничук рассказал об изучении Ив. Франко аграрных отношений и правового положения крестьян в Речи Посполитой. И. Р. Фишер показала значение терезианского земельного кадастра для изучения поместного хозяйства, положения крестьян и развития ремесла и промыслов в Чехии конца XVII — первой половины XVIII в. В сообщении В. С. Савчука рассматривалась историография ГДР по истории полабских славян.

Внешнеполитические аспекты и последствия Андрусовского договора 1667 г. осветил И. В. Галактионов. Доклад В. И. Мелешко касался торговых связей между польскими и белорусскими городами на протяжении XVI—XVIII вв. И. Г. Шульга охарактеризовал польско-украинские торговые отношения во второй половине XVIII в. В. В. Крижановская показала влияние красавой борьбы на Правобережной Украине на внутреннюю политику Речи Посполитой в конце XVII — 60-х годах XVIII в. В. А. Смолий рассказал об откликах на деятельность Четырехлетнего сейма на Правобережной Украине.

В докладе В. Д. Королюка были раскрыты этногенетические представления автора «Повести временных лет». А. И. Рогов проанализировал сведения о Польше в русских исторических сочинениях XVII в. Влияние гелиоцентрической теории Коперника на развитие общественной мысли в Белоруссии и Литве XVIII в. осветил А. А. Бирало. Л. П. Лаптева остановилась на первых в русской литературе попытках освещения густого движения с марксистских позиций. А. И. Озолин рассмотрел новейшую чехословацкую историографию о предгуститском городе Чехии.

На седьмой секции было заслушано 9 докладов и сообщений по проблемам истории культуры и межславянских культурных связей. В докладе Л. В. Гориной была охарактеризована современная болгарская историография по вопросу болгаро-русских культурных связей на рубеже XIV—XV вв. Я. Д. Исаевич рассказал о польской историографии польско-украинских связей в области книгопечатания в XVI—XVIII вв. Н. В. Изопольская сделала сообщение о русско-польских контактах в области иконографии. Отражение идей французской революции в публицистике Ф. С. Езерского проанализировала З. П. Исаева. В докладе А. С. Мыльникова было показано развитие блавитики в Петербурге в первой четверти XIX в. Л. Н. Алексашкина остановилась на освещении деятельности О. М. Бодянского в русской историографии. Л. П. Кандурова проанализировала историографию о деятельности В. Ганки. Критику

И. Лелевелем «норманской теории» происхождения русского государства осветил Б. С. Попков. Доклад Б. М. Руюль был посвящен историко-славистским исследованиям Эд. Неедлы, выполненным им в СССР в 1940—1945 гг.

Восьмая секция занималась вопросами вспомогательных исторических дисциплин. Были сделаны доклады и сообщения: «Сравнительная статистика сохранившихся и иллюстрированных русских и южнославянских рукописных книг XI—XIII вв.» (Н. А. Киселев); «Сочинение Константина VII Багрянородного „Об управлении государством“ как источник по истории славян» (Г. Г. Литаврин); «Византийский источник XV в. Дука о славянах» (С. К. Красавина); «Борьба Польши и Украины в начале XVII в. против турецко-татарской агрессии по данным армянских хроник Каменца» (Н. С. Рашба); «Выкуп и приданое у славянских народов во второй половине XIX — начале XX в.» (М. Ф. Пилипенко); «Демографические проблемы Польши XVI—XVIII вв. в новейших исследованиях историков ПНР» (Н. Г. Крикун); «Сфрагистика как источник для изучения истории национально-освободительного движения (восстания 1863—1864 гг.)» (Ю. И. Штакельберг); «Польско-молдавские отношения начала XVII в. в свете армянских хроник» (Е. В. Ерохина). Г. П. Пинтерия, основываясь на армянских рукописях, осветила участие армянских колонистов Речи Посполитой и Крыма в освобождении славян из турецкого плена. А. В. Маркевич охарактеризовал печати городов как источник для изучения городской геральдики.

На заключительном пленарном заседании были подведены итоги работы секций. Н. М. Пашаева рассказала о новых иностранных библиографиях по истории славян. И. А. Калоева осветила состояние и задачи исторической библиографии в связи с общими задачами изучения истории южных и западных славян. Л. Б. Валев сделал сообщение о работе VII Международного съезда славистов в Варшаве и об участии в нем советских историков. И. С. Миллер информировал о научных задачах и проблематике симпозиума по комплексной проблеме формирования наций и развития национальной культуры в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

С информацией о работе журнала «Советское славяноведение», «Українського історичного журналу» и республиканского научного сборника «Українське слав'янознавство» выступили главные редакторы этих изданий: И. И. Костюшко, П. М. Калюниченко и Д. Л. Похилевич.

Значительное внимание конференция уделила вопросам преподавания истории зарубежных славянских народов

в вузах страны. Основой для обсуждения этих вопросов и обмена опытом послужил доклад Э. И. Легурова, С. М. Стецкевича и В. А. Якубского о методологических и методических принципах построения курса истории славянских и балканских социалистических стран в ЛГУ.

В решении, принятом конференцией, отмечалось, что во многих докладах и сообщениях в определенной мере были подведены итоги исследований, проведенных советскими и зарубежными славистами, и содержалось немало новых наблюдений, обогащающих знания в данной области. За время, прошедшее после V конференции, было опубликовано значительное количество монографий и статей по важным вопросам советского славяноведения. Многие актуальные проблемы советской славистической науки получили освещение на страницах «Советского славяноведения», «Українського історичного журналу», «Українського слов'язнавства» и других периодических и серийных изданий.

Конференция с удовлетворением констатировала усиление внимания к проблематике новейшего времени и заметное повышение идейно-теоретического и научного уровня славистических исследований. Вместе с тем она отметила, что еще имеются факты, когда при подготовке научных работ не используются все необходимые источники или не учитывается вся литература предмета, нередко анализ материала подменяется его изложением, встречаются работы компилятивного характера, не отвечающие или не вполне отвечающие современным требованиям науки.

Конференция признала важнейшими задачами историков-славистов дальнейшее повышение идейно-теоретического и научного уровня исследовательской работы, разработку важных в научном и политическом отношении проблем советского славяноведения, исследование становления и развития социалистического содружества народов, коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, исторического и культурного развития зарубежных славянских народов в периоды феодализма и капитализма, межславянских связей и международных отношений, решительную борьбу против буржуазной идеологии и ревизионистских концепций.

Участники конференции признали необходимым дальнейшее совершенствование преподавания истории зарубежных славянских народов в высшей школе, улучшение подготовки кадров историков-славистов, скорейшее издание учебника по истории южных и западных славян, поскольку отсутствие такого учебника затрудняет обучение студентов по данной исторической дисциплине, восстановление специализации по истории южных

и западных славян во Львовском университете и сохранение такой специализации в Ленинградском университете, имея в виду благоприятные условия для этого в упомянутых университетах. Принимая во внимание широкий интерес к славистике, конференция признала необходимым дальнейшее издание сборников по славяноведению при Воронежском и Саратовском университетах и сохранение объема «Українського слов'янознавства» в размере 12 печатных листов.

Участники конференции предложили провести очередную — VII Всесоюзную научную конференцию историков-славистов в апреле — мае 1975 г. в связи с 30-летием победы над фашизмом и установления народно-демократического строя в зарубежных славянских странах и рассмотреть на ней важные вопросы освободительной борьбы славянских народов в годы второй мировой войны, народно-демократических и социалистических революций, формирования и развития

социалистического содружества народов. Предусмотреть в программе конференции проблематику коммунистического, рабочего, национально-освободительного движения и в частности освободительного движения южных славян в период восточного кризиса, социально-экономического и политического развития народов в эпоху феодализма и капитализма, межславянских связей и международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Участники конференции выразили глубокую благодарность ректору проф. Н. Г. Максимовичу, проректору проф. Е. И. Гладышевскому, декану исторического факультета доц. В. П. Чорнию, председателю оргкомитета проф. Д. Л. Похилевичу и другим работникам Львовского университета за большую научно-организационную работу по подготовке конференции и успешное ее проведение.

В. Н. Кутик

СОВЕЩАНИЕ ПО ОБЩИМ ВОПРОСАМ ДИАЛЕКТОЛОГИИ И ИСТОРИИ ЯЗЫКА

Научный совет по диалектологии и истории языка при Отделении литературы и языка АН СССР каждые два года проводит совещания по диалектологии и истории языка. Четвертое совещание было проведено 2—5 октября 1973 г. в Ереване в Институте языка им. Р. Ачаряна АН Армянской ССР. В совещании приняли участие диалектологи и историки языка из разных республик страны. Были заслушаны доклады по материалам различных языков, современных и древних, по трем циклам проблем: 1) принципы и критерии диалектного членения языка; 2) междиалектные контакты и специфика развития говоров в иноязычной среде; 3) о взаимодействии книжно-письменных языков и диалектов в разные периоды их исторического развития¹.

По первой проблеме было заслушано 20 докладов (два из них на пленарном заседании), по второй — 28 (два на пленарном заседании) и по третьей — 27 (в том числе четыре на пленарном заседании). Очень разные не только по языковому материалу, но и по методике исследования, эти доклады дали возможность участникам совещания ознакомиться с приемами исследования в работах ученых, занимающихся различными группами языков, и обсудить некоторые теоретические вопросы, интересующие всех.

Мы остановимся в основном на докладах по славянской и балканской проблематике.

Центральное место в работе первой секции занимали вопросы о методах территориального членения языков и диалектов. Проблема диалектного членения рассматривалась на материале современных и древних языков. Обсуждались вопросы зависимости границ диалектных явлений от социально-исторических факторов. Этой теме был посвящен доклад Р. Я. Удлера (Кишинев) «Обусловленность границ фонетических явлений социально-историческими факторами», выполненный на материале «Молдавского лингвистического атласа». Большой интерес вызвал доклад Н. Н. Пшеничной (Москва) «Из опыта классификации говоров на основе применения элементов дискретной математики», в котором был представлен опыт применения данного метода для классификации русских говоров. Если обычно критерий важности признака учитывается лишь при отборе признаков для классификации, то данный метод дает возможность учитывать степень существенности признаков в самой процедуре классификации.

Обобщая результаты работы этой секции, Р. И. Аванесов отметил, что в диалектологии нужно различать два аспекта. Один из них — структурный: изучение диалектов как языковой структуры. Этот аспект имеет в виду выделение каких-то языковых территорий с относительно единой языковой структурой. Другой аспект — собственно террито-

¹ Тезисы докладов опубликованы в сб. Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы докладов и сообщений. (Ереван, 2—5 октября 1973 г.). М., 1973.

риальный. Он имеет в виду выделение больших территориальных массивов с помощью пучков изоглосс, при этом выбор явлений, по которым выделяются такие территории, может выходить за пределы структуры. Диалектные явления могут восходить к разным временам.

Проблематика второй секции охватывала вопросы: 1) взаимодействие языков и диалектов на смежной территории; 2) диалектные черты, возникающие на основе языковой интерференции; 3) характеристика островных диалектов, развивающихся в иноязычном окружении.

Проблема заимствований на фонологическом уровне был посвящен доклад С. В. Бромлей (Москва). Вопрос о возможности таких заимствований решается в докладе положительно. Условия их осуществления связываются с потенциальными возможностями фонологических систем, рассматриваемых как частный случай проявления универсальных закономерностей их строения.

В докладе А. В. Десницкой «Эволюция диалектной системы в условиях этнического смешения (из истории славяно-албанских языковых контактов)» был рассмотрен вопрос о развитии диалектной системы албанского языка в условиях славяно-албанского смешения, которое, по мнению автора, определило отклонения от общего направления развития в диалектах, переживших такое смешение. Так, своеобразный консерватизм севернотосского диалектного типа автор объясняет долго длившимся состоянием албанославянского билингвизма: влияние исчезающей славянской речи содействовало сохранению старотосской фонетической системы, так как двуязычные славяне усваивали систему фонем в ее основных вариантах. В гегских и ляберийском говорах действие внутренних тенденций фонетической эволюции не было задержано влиянием внешних факторов. В докладе Л. Я. Демко (Минск) «Некоторые особенности развития албанского говора в славянском окружении» были рассмотрены некоторые синтаксические черты албанского говора с. Каракурт (ныне с. Жовтневое Одесской обл. УССР), развившиеся в результате контакта с болгарским говором. В докладе Л. А. Покровской (Москва) «Специфика развития гагаузского языка» вопрос о выявлении исконных и заимствованных черт и путях их развития исследуется на материале языка гагаузов, населяющих южные районы Молдавии и Украины. Особенно заметной оказывается перестройка гагаузского синтаксиса под влиянием болгарского и русского языков. Анализ лексико-семантических микрополей положен в основу исследования островных молдавских говоров на юго-востоке Украины и России в докладе В. К. Павела (Кишинев) «Некоторые особенности развития лек-

сико-семантических микросистем молдавских говоров в иноязычной среде». Украинские элементы в словацких закарпатских переселенческих говорах на территории УССР были охарактеризованы в докладе Н. И. Дзедзелевской (Москва) «Украинские элементы в словацких переселенческих говорах на территории УССР». Исследованию изменений функциональной нагрузки фонем под влиянием лексических заимствований был посвящен доклад И. А. Дзедзелевского (Ужгород) «К вопросу о функциональной нагрузке некоторых согласных фонем в украинских говорах в связи с межязыковой интерференцией». В нем рассматриваются фонемы [ф], [г], [дз], [дж] в юго-западных украинских говорах, где они имеют более высокую частотность употребления, чем в остальных украинских говорах, в связи с многочисленными заимствованиями из польского, словацкого, румынского, молдавского и других языков. В докладе И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко (Москва) «К вопросу о проницаемости синтаксической системы говоров при возможности иноязычного влияния» сделана попытка на материале славянских и особенно русских говоров Прибалтики и Карелии наметить общие закономерности, определяющие характер синтаксических заимствований из неродственных языков.

Большая часть докладов третьей секции была посвящена проблеме взаимоотношения и взаимодействия книжно-письменных или, для более позднего периода, национальных литературных языков и диалектов.

Центральным вопросом многих докладов был вопрос о проникновении диалектных черт в литературный язык в разные периоды его развития, причем вопрос этот рассматривался в связи с проблемой стилистической дифференциации языка. В. Н. Ярцева (Москва) в докладе «Функционально-стилистическая система литературного языка и ее соотношение с территориальными диалектами» обосновала необходимость функционального подхода к лингвистическому анализу целевой направленности языка. Опираясь на положение Пражского лингвистического кружка, она отметила, что в истории литературного языка функциональный подход означает необходимость учета стилистической дифференциации языка. Соотношение с диалектами нельзя изучать без учета стилистического членения литературного языка.

Другая важная мысль, которая прошла красной нитью во многих докладах, была мысль о том, что взаимодействие диалектов и литературного языка осуществляется не непосредственно, а через разговорный язык образованных людей, который является своеобразным наддиалектным койне, может впитывать в себя элементы региональных литературных язы-

ков и отсюда разнодиалектные элементы. Отмечалась также необходимость для древних периодов развития письменных языков учитывать влияние разных скрипторских школ. Диалектные явления не находят непосредственного отражения в памятниках письменности. Этим обусловлено известное отставание письменных памятников в отражении диалектных процессов по сравнению с совершением этих процессов в живом языке. Некоторые из этих процессов вовсе не находят отражения в языке памятников. Важные коррективы в показании памятников письменности могут внести данные диалектологии, особенно, если иметь в виду методику исторической интерпретации изоглосс. Обоснованию этих положений были посвящены доклады К. В. Горшковой (Москва) «О методах реконструкции изоглосс» и Г. А. Хабургаева (Москва) «Еще раз о хронологии падения редуцированных (в связи с вопросом о взаимоотношении книжно-письменной и диалектной речи)».

В ряде докладов, основанных на материалах древних славянских рукописей, было показано, каким неоченимым источником для решения многих вопросов истории языка, в частности вопросов абсолютной хронологии возникновения и развития языковых процессов, являются рукописные памятники. Так, в докладе О. А. Князевской (Москва) «О лингвистической интерпретации древнерусских памятников письменности (на материале ростовских рукописей начала XVIII века)» сделана попытка охарактеризовать северо-восточный древнерусский диалект в отношении судьбы этимологических редуцированных гласных. Выявлению особенностей употребления падежей в живом языке писца Норовской псалтыри — среднеболгарской рукописи начала XIV в. на основе анализа отношения к греческому тексту был посвящен доклад Е. В. Чешко (Москва) «К вопросу выявления черт живого языка писца в связи с анализом особенностей среднеболгарской редакции славянского перевода псалтыри». К. И. Ходова (Москва)

прочла доклад «Об адаптации иноязычной лексики в древнерусских списках переводных произведений». В докладе Н. Т. Войтович (Минск) «Народная основа лексики Барколабовской летописи» был рассмотрен вопрос о диалектной основе белорусского литературного языка. Сопоставление лексики памятника с языком могилевских актов XVI—XVII вв. и данными современного барколабовского говора позволяет охарактеризовать могилевско-барколабовский говор конца XVI — начала XVII вв. Проблеме взаимодействия книжных и разговорных элементов в русском книжно-письменном языке раннего средневековья (XI—XIV вв.) был посвящен доклад Т. Н. Кандауровой (Москва). Председатель секции чл.-корр. АН СССР В. Н. Ярцева в своем отчете о работе секции специально остановилась на цикле докладов, которые базировались на рукописных материалах древней письменности, отметив важность привлечения внимания историков языка к изучению этих источников.

На секции был заслушан доклад польского ученого проф. П. Зволинского, посвященный истории славяноведения. Он сообщил о деятельности одного из первых славистов и балканистов XVI в. Марина Темперичи из Дубровника, который много путешествовал по Балканам и составил рапорт для ордена иезуитов о языках и территориях, занимаемых отдельными славянскими народами Балканского полуострова.

На заключительном пленарном заседании директор Института языка им. Р. Ачаряна Г. Б. Джаукян по просьбе участников конференции рассказал о деятельности института. Были заслушаны отчеты председателей секций и заключительное слово председателя Научного совета по диалектологии и истории языка чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесова. Были высказаны пожелания о проблематике следующего совещания и выражена благодарность организаторам совещания.

Е. В. Чешко

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ СССР И ПНР

24—27 сентября 1973 г. в Ленинграде состоялась конференция советских и польских ученых, посвященная изучению культурных взаимоотношений народов Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения.

Открывая конференцию, председатель советской части Комиссии историков СССР и ПНР акад. Б. А. Рыбаков отметил большую важность историко-культурных процессов на территории Восточной и Центральной Европы в эпоху Воз-

рождения, в частности, такие характерные для развития народов данного региона явления, как стремление к более глубокому самопознанию, к более полному раскрытию своего прошлого, а вместе с тем и к более тесному увязыванию «своей» истории с историческими судьбами соседних народов. Это определило повышенный интерес идеологов того времени к историческим, историко-географическим сведениям, все более частые попытки создания сводных исторических

трудоу, а также составления географических карт этой части европейского континента. Председатель польской части Комиссии проф. Л. Базылёв указал на целесообразность совместного изучения советскими и польскими учеными данной проблематики.

На конференции было заслушано более 30 докладов, в которых рассматривались различные аспекты культурно-идеологической жизни народов Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в XV—XVI вв. и культурных взаимоотношений между ними в эпоху Возрождения.

Проф. И. Заремский сообщил о своих исследованиях раннего гуманизма в Польше. Оспаривая сложившееся в историографии мнение о появлении гуманистических идей в польском обществе лишь в конце XV в., он высказал точку зрения, что деятельность Каллимаха в Польше была связана не с зарождением, а с развитием гуманизма на польской почве. По мнению докладчика, первое знакомство польских идеологов с гуманистическими настроениями состоялось на Констанцском соборе (1414—1418), позднее идеи гуманизма были восприняты Гжегожем из Санока и Длугошем, а в дальнейшем получили распространение среди преподавателей Краковского университета.

Анализу «существования» старых и новых тенденций в польской литературе XVI в. был посвящен доклад проф. Ю. Леваньского. Судьбы польского языка в XVI в. явились темой доклада проф. С. Урбаньчика. Он показал тесную связь развития языка с экономическим, политическим и культурным развитием страны в это время. Докладчик отметил и некоторый спад в развитии польского языка, частичное ограничение его социальных функций в период торжества контрреформации. В докладе проф. А. Гейштора анализировались теоретические взгляды польских историков XVI в. Отметив влияние итальянской «исторической школы» на идеологическую жизнь Польши того времени, он показал оригинальность теоретических воззрений польских историков, их высказываний по поводу функций «моральной философии» и практической значимости исторических знаний.

Акад. Л. В. Черепнин в докладе «К проблеме становления сословно-представительной монархии в России (XVI в.)» проследил эволюцию некоторых политических институтов в процессе становления и развития русской феодальной государственности. Он отметил тот факт, что многие политические институты периода феодальной раздробленности (съезды князей, советы или думы при князе, третейские суды, войсковые собрания и веча) в период образования русского централизованного государства либо отмирали, либо трансформировались,

приспосабливаясь к новым условиям. Так, по мнению докладчика, созывавшиеся царем соборы по государственному делу, генетически связанные с практикой княжеских съездов предшествующей эпохи, в XVI в. являлись «земскими советами», которые различались по своим социально-политическим целям и по своему реальному историческому значению. Докладчик фиксировал при этом противоречивое взаимодействие двух линий развития феодальной России — к сословно-представительной монархии и абсолютизму с чертами деспотии.

В докладе акад. Б. А. Рыбакова «Русские карты Московии XV—XVI вв. и их отражение в западноевропейской картографии», освещались важные вопросы русской картографии и истории этой поры. Изучая карты Московии, изданные в Англии, Голландии и Франции в 1562—1706 гг., автор установил, что в их основе лежат значительно более ранние русские чертежи, предоставленные иностранцам тогда, когда они уже значительно устарели. Эти выявленные вновь чертежи предшествуют карте А. Вида — И. В. Ляцкого (1542—1555 гг.), считавшейся наиболее ранней русской картой. Исследование карты А. Дженкинсона (1562 г.) показало, что в ее основе лежит русский чертёж московских земель конца XV в. и тех соседних территорий (Псков, Рязань и Казань), которые в то время находились в сфере влияния Ивана III. Точная дата чертежа определяется помещением Ивангорода на шведской территории, что отводило действительности только в 1496—1497 гг. Так называемый чертёж царевича Федора Годунова, опубликованный Гесселем Герритсоном в 1613 г., основан на более раннем русском чертеже, составленном около 1523 г. Этот общий чертёж был как-бы сводной картой тех локальных чертежей западного пограничья, список которых известен нам по описи Посольского приказа. Именно эта карта Московии могла быть доступна С. Герберштейну в 1526 г., а годом ранее могла демонстрироваться Д. Герасимовым в Риме Павлу Иовию.

Особый интерес представляет карта Гийома Делиля, посвященная русскому послу А. А. Матвееву. Там, помимо инкорпорированного в нее подробнейшего чертежа Двинской земли (Матвеев был в 1691—1693 гг. двинским воеводой), есть карта великих и удельных княжеств первой четверти XVI (!) века. Карта очень тенденциозно преувеличивает некоторые второстепенные земли и сильно преуменьшает Московское княжество, показывая его в устарелых границах 1300 г. Эту карту можно связывать с кругами оппозиционного боярства, выступавшего против Василия III, а составителем или вдохновителем ее следует считать опального князя И. М. Воротынского, владения которого особенно особенно преувеличены

на карте: в Воротынское княжество XVI в. включены владения далеких предков князя в XIII в. Поводом для составления карты-памфлета могло послужить представление в 1526 г. этими оппозиционными кругами разных географических материалов С. Герберштейну.

Один из сложных и интересных вопросов идеологической жизни Русского государства первой половины XVI в., связанный с деятельностью Максима Грека, проследила в своем докладе Н. В. Сеницына.

Несколько докладов было посвящено рассмотрению различных сторон исторического развития Великого княжества Литовского, в частности, некоторых проблем истории культуры собственно Литвы, а также исследованию тогдашней идейно-политической жизни той части восточного славянства, которая оказалась в составе этого княжества. Акад. АН Литовской ССР Ю. М. Юргинис дал развернутую характеристику литовской письменности XVI в. Канд. ист. наук И. Н. Лукшайте рассмотрела вопрос о крестьянстве в трудах публицистов Литвы эпохи Возрождения. О государственно-правовом развитии Великого княжества Литовского шла речь в докладе проф. Ю. Бардаха («Литовские статуты как выражение правовой культуры Возрождения»), а также в докладе канд. ист. наук И. П. Старостинной. Об идейно-политической жизни той части восточного славянства, которая оказалась в XV—XVI вв. в составе Великого княжества Литовского, говорили в своих докладах канд. ист. наук А. П. Грицкевич («Положение православной церкви в Белоруссии в XIV—XVI вв.»), а также канд. ист. наук И. М. Шекера («Место Киева в межславянских связях XVI в.»).

Рассматривая социальные и территориальные сферы распространения реформационного движения в польско-литовской государственной системе, проф. Я. Тазбир особое внимание обратил на судьбы этого движения в Великом княжестве Литовском. Отмечая важную роль протестантизма в качестве фактора дезинтеграции государственной системы на протяжении первой половины XVI в., докладчик подчеркнул, что позднее эти явления религиозной жизни Великого княжества Литовского (случаи кратковременного распространения кальвинизма, арианства и т. д.) оказались своеобразным фактором католической интеграции Речи Посполитой, поскольку облегчили переход литовско-польской шляхты из православия в католицизм.

Многие выступления на конференции были посвящены постепенно возrastавшему интересу польских идеологов XV—XVI вв. к восточному славянству, к его историческому прошлому, к развитию его культуры. Эта тема рассматривалась в докладе проф. Л. Базыльёва «Россия

в польско-латинской политической литературе XVI в.». Заметив, что данная проблема в польской исторической науке все еще остается недостаточно изученной, проф. Л. Базыльёв указал на необходимость дальнейшей ее разработки. Он подчеркнул, что в польских публицистических трактатах, сочинениях историко-географического характера, поэтических произведениях XVI в. содержатся весьма ценные сведения о России и о всем восточном славянстве. Анализ этих сведений привел автора к выводу о том, что информация подобного рода в литературе XVI в. оказалась значительно более обширной, более конкретной и более достоверной, чем в источниках предшествующего периода.

Об усилившемся внимании польских хронистов XV—XVI вв. к русским летописям, о фактах широкого заимствования польскими авторами материалов из русских летописей говорил в своем докладе канд. ист. наук Ю. А. Лимонов. Близкая тема была рассмотрена и в докладе канд. ист. наук А. И. Рогова. Раскрывая специфику русско-польских культурных связей эпохи Возрождения, А. И. Рогов указал на несинхронность во взаимном ознакомлении с культурными достижениями обеих стран. Речь шла о том, что польские хронисты знакомились с русскими летописями XI—XV вв. главным образом в XV—XVI вв., а польская политическая литература XVI в. стала дознанием русских идеологов лишь во второй половине XVII в.

Пребывание литовских и «русских» студентов в Краковском университете явилось темой докладов проф. Е. Охманьского и канд. ист. наук Г. Я. Голенченко. Широкому книгообмену между нашими странами в XVI—XVII вв. были посвящены выступления д-ра ист. наук Л. Немировского («Распространение изданий Краковской типографии Ш. Фиоля в русском государстве XVI—XVII вв.») и канд. ист. наук Я. Д. Исаевича («Украинско-польские связи в истории книгопечатания 1574—1648 гг.»). Проявлением значительного интереса польской общественно-политической мысли к России и всему восточному славянству было, как показал в своем докладе канд. ист. наук Б. Н. Флоря, создание в начале 70-х годов XVI в. публицистических произведений, посвященных русской тематике и связанным, видимо, с перспективой избрания на польский престол русской кандидатуры. В этих публицистических сочинениях Россия изображена не антагонистом католической Польши, а крупной военно-политической силой, способной стать союзником Речи Посполитой.

Одной из форм культурного общения наших стран в XVI в. стало в тот период широкое использование архивов православных церквей и польско-католических

монастырей. Об этом свидетельствовала, как показал канд. ист. наук Я. Н. Шапов, сложная судьба библиотеки Полоцкого софийского собора, вывезенная в 1579 г. из Полоцка в Польшу и нашедшая применение в Академии Замостья.

Показателем большого интереса к внешнему облику столицы Русского государства было создание в начале XVII в. польским картографом Ш. Ендрашевичем и художником Т. Маковским плана Москвы, недавно обнаруженного в Познанской библиотеке. Докладывая об этой важной находке, доц. Ст. Александрович подчеркнул, что указанный план Москвы не только корректирует известные уже чертежи русской столицы того времени, но и существенно их дополняет, особенно в отношении общего облика города, а также архитектуры отдельных зданий, постройки оборонительных сооружений и т. д.

На конференции также был затронут вопрос о повышенном интересе идеологов Московской Руси XVI — начала XVII вв. к состоянию внутриполитических дел в Польше и Великом княжестве Литовском, а вместе с тем и к развитию международных отношений всей Восточной и Юго-Восточной Европы того времени. В докладе канд. ист. наук М. Е. Бычковой было рассмотрено одно из проявлений такого интереса — возникновение в Московском государстве новой родословной легенды русского правящего дома, оказавшейся весьма близкой по своему характеру к аналогичным легендам литовского и молдавского правящих домов. Д-р ист. наук А. М. Сахаров проследил в своем докладе отношение русских летописцев XVI в. к реформации вообще и к элементам реформационного движения в польско-литовской государственной системе в частности. Д-р ист. наук С. О. Шмидт выдвинул предположение о том, что послание 1564 г. Ивана Грозного Курбскому в пространной редакции было адресовано прежде всего зарубежному читателю, краткая же редакция этого послания была предназначена читателям «всего Российского царства».

Заметно усилившийся в XVII в. интерес молдавского летописания к произведениям польских хронистов предшествующего столетия показал в своем выступлении член-корреспондент АН Молдавской ССР Е. М. Руссев. Касаясь одного из аспектов взаимодействия международной жизни Восточной Европы начала XVII в. с развитием идеологии в странах

этого региона, д-р ист. наук И. Б. Греков сосредоточил свое внимание на выяснении обстоятельств, сопутствовавших появлению Пискаревского летописца, и высказал предположение о причастности к его созданию Арсения Елассонского, что подтверждается общностью фактического материала и идейно-политической концепции Пискаревского летописца и мемуаров Арсения.

На конференции рассматривались также пути развития идей гуманизма и Возрождения в XVII в., в частности, освещались проблемы связей русской культуры с культурой западных соседей России в эпоху барокко. Акад. Д. С. Лихачев выступил с докладом на тему: «Ренессансная функция барокко в историческом развитии русской культуры». Излагая свою концепцию, Д. С. Лихачев подчеркнул, что русское барокко, как одно из явлений культуры второй половины XVII в., в отличие от барокко в других европейских странах, знаменовавшего частичное возвращение к средневековым принципам, продолжало и пересмысляло эти принципы. Докладчик высказал точку зрения, что при этом русское барокко взяло на себя в историческом плане многие из функций Ренессанса. Об этом свидетельствовал тот факт, что в произведениях барокко действительность изображалась более разносторонней, чем в предшествующих средневековых стилях. Такая трактовка роли русского барокко подтверждалась и тем обстоятельством, что оно служило превращению чисто церковной литературы в литературу «мирскую», содействовало переходу от литературы средневековой к новой литературе. Кроме того, о ренессансных функциях русского барокко свидетельствовал его жизнерадостный, человекоутверждающий и просветительский характер.

По докладам развернулись прения, в которых приняли участие советские и польские ученые.

Подводя краткие итоги работы конференции, Н. Е. Носов и Л. Базылёв подчеркнули научную важность ее проблематики и отметили многообразие рассмотренных на ней вопросов, подчеркнули исследовательский характер докладов и творческую дискуссию по ним. Они выразили уверенность в том, что конференция послужит стимулом для дальнейшего изучения данного комплекса проблем.

И. Б. Греков

СИМПОЗИУМ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ СССР И ЧССР

16—18 октября 1973 г. в Праге Комиссией историков СССР и ЧССР был проведен симпозиум по проблеме «Советско-чехословацкие отношения 1917—1970 гг. как фактор международной политики».

В работе симпозиума принимали участие члены чехословацкой части Комиссии во главе с вице-президентом ЧСАН акад. Й. Поуликом, сотрудники Института чехословацкой и всеобщей истории, Чехословацко-советского института и Института энциклопедии ЧСАН, Института истории и Института европейских социалистических стран САН, Института марксизма-ленинизма ЦК КПЧ, преподаватели Высшей партийной школы, Пражского, Брненского, Оломоуцкого, Братиславского университетов и делегация советских ученых во главе с акад. П. Н. Поспеловым.

На симпозиуме было заслушано 15 докладов и содокладов. Советские историки выступили с докладами и содокладами: А. Х. Клеванский — «Ленинская внешняя политика и советско-чехословацкие отношения в 1917—1922 гг.», Е. Д. Воробьева — «Народные массы Чехословакии в борьбе за признание СССР», А. Ф. Кизченко — «Советско-чехословацкие отношения в 1935—1938 гг. как фактор международных отношений» (доклад, подготовленный совместно с И. А. Петерсом), М. В. Искров — «Сотрудничество КПСС и КПЧ в борьбе против фашизма, за мир и безопасность в Европе. 1934—1939 гг.», А. И. Недорезов — «Советско-чехословацкие отношения и вопросы послевоенного мира. 1944—1947 гг.», Я. Б. Шмераль — «Стратегия КПЧ в борьбе за победу рабочего класса и ее международное значение», И. Н. Мельникова — «Политическая активность масс как фактор развития социалистических международных отношений».

Чехословацкие ученые представили следующие доклады и содоклады: О. Ржига — «Великая Октябрьская социалистическая революция и образова-

ние чехословацкого государства», Л. Деак — «Чехословацко-советский договор 1935 г. и европейская безопасность», В. Краль — «Чехословацко-советский договор 1943 г. как фактор международных отношений и политики», В. Мелихар — «Послевоенное чехословацко-советское сотрудничество», К. Брабец — «Чехословацко-советские отношения в 1968—1970 гг. Договор 1970 г.».

В дискуссии выступили: А. С. Малитиков с сообщением о советско-чехословацких культурных связях в межвоенный период; М. Госиоровский и А. Х. Клеванский — о значении Великой Октябрьской социалистической революции для образования чехословацкого государства; М. Лейхман — о развитии чехословацко-советских связей в 20—30-х годах, Й. Шпачек — об освещении в журнале «Вар» вопросов истории развития Советского государства и чехословацко-советских отношений, В. Пеша — об откликах на Великую Октябрьскую социалистическую революцию и ее влиянии на подъем революционного движения чешского пролетариата, Л. Деак основное внимание уделил взаимоотношениям стран Малой Антанты с Чехословакией после Мюнхена. Помощи Советского Союза Словацкому национальному восстанию на последнем его этапе было посвящено выступление Я. Пиволуски. Л. П. Лаптева рассказала о преподавании истории Чехословакии в СССР, Ф. Гейл охарактеризовал современное состояние преподавания истории СССР в вузах Чехословакии.

На заседании Комиссии были обсуждены вопросы подготовки очередного пленарного заседания. Принято решение провести заседание Комиссии в мае 1974 г. в СССР и обсудить на нем проблемы: «История социалистического строительства в СССР и ЧССР» и «Словацкое национальное восстание».

Е. В.

СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЕ ИВАНА ЛЕКОВА

4 марта 1974 г. исполнилось 70 лет известному болгарскому ученому Ивану Лекову. Профессор Софийского университета им. Климента Охридского, многолетний руководитель кафедры славянских языков, член-корреспондент Болгарской академии наук, зав. секцией славянских языков Института болгарского языка БАН, лауреат Димитровской премии, И. Леков уже в течение 30 лет успешно возглавляет болгарскую славистику у себя на родине и достойно пред-

ставляет ее за пределами Болгарии на многих конгрессах, конференциях и симпозиумах. И. Леков получил отличную подготовку в Софийском университете, а затем совершенствовал свои знания в университетах Польши, Австрии и Германии. Несколько лет работал преподавателем болгарского языка в Краковском университете, где имел возможность близко познакомиться с достижениями польской славистики.

Первые публикации проф. И. Лекова от-

носятся к 1925 г. С тех пор ученый опубликовал свыше 400 работ, среди которых много монографий по различным вопросам славянского, болгарского и общего языкознания. В них он рассматривает существенные вопросы праславянского языка, сравнительной грамматики славянских языков, этимологии, исторической грамматики отдельных славянских языков и др.

Впервые имя И. Лекова получило широкую известность среди специалистов по славянскому языкознанию в 1934 г., когда вышла из печати его монография «Праславянские глагольные формы и их отражение в современных славянских языках». В этой работе автор обнаружил широкую общелингвистическую подготовку, глубокие познания в области сравнительной грамматики индоевропейских языков и умение решать трудные вопросы славянского глагола. В истории изучения морфологии глагола эта монография оставила значительный след. После нее в разные годы появилось много исследований: «Единство и национальное своеобразие славянских языков в их основном словарном фонде» (1955), «Общность и многообразие грамматического строя славянских языков» (1958), «Словообразовательные склонности славянских языков» (1958), «Особенности синтаксического типа славянских языков» (1972) и др.

Особое место среди книг и статей проф. И. Лекова занимают труды по болгарской фонологии. Будучи учеником проф. Н. С. Трубецкого, Леков с полным правом может считаться основоположником болгарской фонологии, так как он первый еще в 30-х годах на основе методики пражской фонологической школы охарактеризовал фонемный состав болгарского литературного языка, описал основные позиционные изменения фонем, условия их нейтрализации, фонологию болгарского ударения и пр. (см. его: «Основы фонетической и фонологической системы современного болгарского литературного языка», 1939; «Опыт фонологической характеристики болгарского языка», 1941; «Выразительность и употребление фонологических оппозиций», 1942; «Фонологический характер одного закона ударения болгарского языка», 1942, и др.). В своих исследованиях по фонологии проф. И. Леков не ограничивается только болгарским языком. Его живо интересуют многие общие проблемы и тенденции всех славянских языков. Еще в 1940 г. вышло из печати отличное фонологическое исследование «Фонологическое значение долгих и двойных согласных звуков в славянских языках». До сих пор оно остается лучшим описанием фонологии славянских геминат. В монографии «Направления в развитии фонологических

систем славянских языков» (1960) болгарский ученый рассматривает основные направления развития славянских фонологических систем, обнаруживая как общие, так и частные их признаки. Особое внимание автор уделяет проблеме сочетаемости фонем, разграничительным сигналам слов, интонации, слогу, категориям твердости-мягкости согласных фонем, палатализации согласных, т. е. фундаментальным аспектам славянской фонологии. Не со всеми решениями автора можно согласиться, но при современном состоянии славянской фонологии это естественно. В этой сравнительно молодой области славянского языкознания идут дискуссии по многим кардинальным вопросам теории и методики.

Большое место среди публикаций проф. И. Лекова занимают работы по лексикологии и лексикографии. Здесь можно назвать исследование абстрактных существительных в болгарском языке в сравнении с другими славянскими языками, ряд работ по истории отдельных слов в болгарском языке, о современных болгарских неологизмах и пр. Он принимал участие в составлении известного толкового словаря болгарского языка, популярного орфографического словаря, входил в состав редакционной коллегии академического словаря болгарского языка под редакцией акад. С. Романского.

Проф. И. Леков один из первых среди славистов старшего поколения заинтересовался проблемами типологии славянских языков. В этом плане известный интерес представляет его статья «Отклонения от флективного строя в славянских языках», опубликованная в журнале «Вопросы языкознания» (1956, № 2). Ряд интересных и плодотворных соображений, относящихся к вопросам типологии славянских литературных языков, можно встретить во многих его работах последних лет.

Много времени и сил отдает ученый научной библиографии по языкознанию. В известном польском журнале «Rocznik Slawistyczny» он ведет болгарский отдел. Его перу принадлежит ряд хорошо составленных библиографических обзоров и очерков научной деятельности Л. Милетича, С. Романского, К. Нича, Л. А. Булаховского, Ф. Травничека, М. Фасмера и многих других известных славистов.

Проф. И. Леков часто выступает в болгарских газетах по различным вопросам языкознания и культуры речи. Он является членом редколлегии журналов «Български език» и «Език и литература», в разное время был членом редколлегии общественно-политических журналов.

С. Б. Верништейн

ЮБИЛЕЙ ЙОЗЕФА ЮНГМАНА

Студенты и преподаватели филологического факультета Ленинградского университета торжественно отметили 200-летие со дня рождения выдающегося деятеля чешского Возрождения Йозефа Юнгмана (1773—1847). Около 80 человек пришли 23 ноября 1973 г. на очередное заседание «Славянских пятниц», проведенное Студенческим научным обществом совместно с кафедрой славянской филологии Университета. Среди участников были гости из Чехословакии: преподаватель русского языка из Университета им. Я. Пуркине Зденка Леоновичова (Брно) и преподаватель русской литературы из Педагогического института Цтирад Кучера (Усти-на-Лабе), а также представители землячества чехословацких студентов, обучающихся в Ленинграде.

Открывая заседание, заведующий кафедрой проф. П. А. Дмитриев отметил, что Йозеф Юнгман, лишь в 26 лет освободившийся от крепостной зависимости, стал одним из самых культурных и образованных людей своего времени и нашел конкретные пути к возрождению национальной культуры.

О роли И. Юнгмана в развитии чешского языка и литературы рассказала собравшимся студентка IV курса Л. Атучина.

С большим вниманием и интересом был выслушан доклад доктора исторических наук А. С. Мыльникова «И. Юнгман и русская литература». Подобно многим своим современникам, И. Юнгман питал глубокое уважение к русской литературе. В оценке ее он руководствовался интересами защиты национальных прав чешского и других славянских народов. С его точки зрения частные интересы отдельных славянских народов должны быть подчинены высшим общеславянским интересам. Этот подход позволяет глубже понять русофильства И. Юнгмана. В переписке с друзьями чешский ученый предстает как горячий сторонник чешско-русской дружбы, как человек, глубоко убежденный в славном будущем русского народа. Пророчески звучат его слова, сказанные в 1838 г., о том, что спустя 100 лет «вся Европа будет изучать русский язык, как сейчас английский и другие». А. С. Мыльников остановился и на том, как Юнгман собирал и пропагандировал русскую книгу и литературу. В личной библиотеке ученого, которая ныне хранится в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, находилось более 100 русских книг по истории, философии, литературе преимущественно демократического, прогрессивного содержания.

Юнгман познакомил чешских читателей с «Живописцем» Н. И. Новикова и стихотворениями Н. М. Карамзина. Одним из первых за пределами России он перевел «Слово о полку Игореве».

Об изучении наследия И. Юнгмана в России и Советском Союзе рассказала в своем сообщении студентка III курса Е. Новоселова.

Книге А. С. Мыльникова «И. Юнгман и его время», вышедшей в свет незадолго до юбилея (1973, изд-во «Наука», серия «Из истории мировой культуры»), посвятила свое выступление студентка II курса Н. Будаева, которая охарактеризовала ее как необходимое подспорье для всех, кто занимается историей, культурой, литературой Чехии первой половины XIX в.

Выступивший затем А. С. Мыльников подробно рассказал об истории приобретения наследия И. Юнгмана Петербургской Публичной библиотекой в 1856 г., подчеркнув патриотическую позицию наследников чешского ученого, его дочерей. Исполняя волю отца, они передали его библиотеку России, конкурентом которой выступала Англия (Британский музей).

С сообщением о заседании Международной комиссии по славянским литературным языкам при Международном комитете славистов, посвященном 200-летию со дня рождения И. Юнгмана и состоявшемся в Праге в октябре 1973 г., выступила его участница, доцент ЛГУ Г. А. Лялич. Она подробно осветила тематику докладов чехословацких и зарубежных ученых, выступивших на этом заседании по вопросам, связанным с научным творчеством И. Юнгмана, и по общим проблемам становления славянских национальных литературных языков.

Доцент ЛГУ И. М. Порочкина поделилась с собравшимися впечатлениями о посещении д. Гудлице — родины И. Юнгмана — в августе 1973 г.

В перерывах между докладами студентки III курса Т. Краснова, Т. Бухаркина, А. Нагленко читали отрывки из произведений И. Юнгмана и свои переводы, которые были по достоинству оценены собравшимися. Вдохновенные строки Я. Коллара, его «Сонет Йозефу Юнгману», прозвучали на чешском языке в исполнении студентки IV курса Н. Бубниковой, а Т. Бухаркина прочитала свой перевод сонета на русский язык.

Участники заседания послали приветственные телеграммы Ярмиле Гржебейковой, правнучке И. Юнгмана, живущей сейчас в Роуднице под Прагой, и на родину ученого в д. Гудлице.

Н. К. Жакова

CONTENTS

<p><i>D. F. Markov.</i> The scientific activity of the Institute of Slavic and Balkan studies in the system of the Academy of Sciences of the USSR. <i>A. I. Nedorezov.</i> The political aspects of the Soviet-Czechoslovak Relations during the World War II. <i>I. Kostyushko.</i> To the economic co-operation of the Soviet Union and People's Poland during the war against fascist invaders (July 1944—May 1945). <i>Je. N. Prižimova.</i> Cyril-Methody's Problem in the Bulgarian historiography of the second half of XVIII century. <i>L. Tananajeva.</i> Some traits of old-Poland portrait's development of XVII—XVIII centuries. <i>O. G. Revzina, I. I. Revzin.</i> About a case of the tie of the agreement with the definition in Slav languages</p>	3
---	---

COMMUNICATIONS

<p><i>D. I. Belkin.</i> The Slavic number of «The Literary Newspaper» issued by A. S. Pushkin and his friends. <i>I. I. Kaliganov.</i> To the textological study of the Russian Redaction of the Live of Georg the New. <i>Pavel Ondrus</i> (ČSSR). The Slovak dialects and Karpathian lingual region.</p>	67
--	----

HISTORICAL ESSAYS

<p><i>V. V. Zelenin.</i> Operation «Move of the Knight».</p>	86
--	----

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<p><i>I. I. Kostyushko.</i> Henryk Rechowicz. Polska Partia Robotnicza w Śląsko-Dąbrowskim obwodzie. <i>P. M. Kalenichenko.</i> И. С. Яжборовская. Идейное развитие польского революционного рабочего движения (конец XIX — первая четверть XX в.). <i>D. F. Poplyko.</i> Mladen Vukomanović. Radnička klasa Srbije u drugoj polovini XIX v. <i>I. V. Kozmenko.</i> С. А. Никитин. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. <i>D. M. Dragnev, G. B. Fedorov.</i> An interesting comparative-historical research on the problems of the feudalism in the South-Eastern Europe. <i>M. M. Friedenberг.</i> Study of local lore in Dalmacia (books from Brach Island). <i>I. Svirida.</i> A new research on Polish intelligentsia. <i>T. Bulak.</i> В. Wieczorkiewicz. Warszawskie ballady podwórkowe. Pieśni i piosenki warszawskiej ulicy. <i>S. M. Tolstaya.</i> Indeks a tergo do Słownika języka polskiego pod redakcją W. Doroszewskiego. <i>A. D. Dulichenko.</i> The first Ruthinian multilingual terminological dictionary.</p>	99
---	----

Bibliography

<p>Books on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet Union in 1973. The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1973. The contents of foreign periodicals</p>	116
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

<p><i>V. N. Kutik.</i> The VI-th All-Union scientific conference of Slav-Study Historians. <i>J. V. Cheshko.</i> A meeting on general problems of dialektology and history of language. <i>I. B. Grekov.</i> The scientific conference of the Commission of the historians of the USSR and Poland. <i>Je. V.</i> Symposium of the historians of the USSR and Czechoslovakia. <i>S. B. Bernstein.</i> The seventies anniversary of Ivan Lekov. <i>N. K. Zakova.</i> The anniversary of Jozef Jungman.</p>	129
--	-----

Технический редактор *Т. Н. Сенченко*

Сдано в набор 11/II-1974 г.	Т-06531	Подписано к печати 11/IV-1974 г.	Тираж 1265 экз.
Зак. 162	Формат бумаги 70×108 ^{1/16}	Усл. печ. л. 12,6	Бум. л. 4,5
Уч.-изд. л. 14,8			

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Ж 17

В ОРДЫНКА 34/38 КВ 40

ТОЛСТОМУ И И

70891

1-12

Цена 1 руб.

Индекс 70891

К

Издательство «НАУКА»

Готовится к печати книга:

**Крупянская Ю. В., Будина О. Р.,
Полищук Н. С.**

**КУЛЬТУРА И БЫТ ГОРНЯКОВ И МЕТАЛЛУРГОВ
НИЖНЕГО ТАГИЛА [1917—1970].**

20 л. 1 р. 65 к.

Книга продолжает ранее опубликованное (1971 г.) этнографическое исследование культуры и быта дореволюционного Нижнего Тагила. В ней рассматриваются преобразования, происшедшие за годы Советской власти в жизни, экономике, быту, культуре, семейных отношениях и т. д. горняков и металлургов Нижнего Тагила. Особое внимание уделено формам общественной жизни, проведению досуга, устно-поэтическому репертуару рабочих. В основу исследования положены полевые и архивные материалы, собранные авторами в Нижнем Тагиле.

Издание представляет интерес для этнографов, историков, социологов, для широкого круга работников культуры, пропагандистов.

Для получения книги почтой заказы просим направлять по адресу:

117464 МОСКВА В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

197110 ЛЕНИНГРАД, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига».

АДРЕСА МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКНИГА»:

480391 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13; 320005 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 664033 Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303; 252030 Киев, ул. Ленина, 42; 277012 Кишинев, ул. Пушкина, 31; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 192104 Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; 199164 Ленинград, Менделеевская линия, 1; 199004 Ленинград, 9 линия, 16; 103009 Москва, ул. Горького, 8; 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 630076 Новосибирск, 91, Красный проспект, 51; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700029 Ташкент, ул. К. Маркса, 29; 700029 Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73; 700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18; 450075 Уфа, Коммунистическая ул., 49; 450075 Уфа, проспект Октября, 129; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6.